

**СЫВОРОТКА
БЕССМЕРТИЯ**

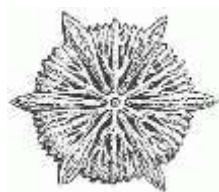
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

СЫВОРОТКА БЕССМЕРТИЯ

*Антология советского
фантастического
и приключенческого
рассказа
20-х – 30-х
годов XX века*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2019**

Б. БАЖАНОВ

ШАПКА-НЕВИДИМКА

Фантастический рассказ

Б. Бажанов

ШАПКА-НЕВИДИМКА

Гротеск

Опубликовано в журнале «Мир Приключений», № 3,
1928 г.

Человек из Стены.

Это было несколько лет назад. В нашем учреждении происходили перевыборы месткома. Анна Ивановна не пришла, а подала заявление, что болят зубы, хотя еще утром взяла билет в кино. Иван Петрович не пришел, без всякого заявления. Дьяченко перед собранием всех отводила по очереди в угол, и по-товарищески просила снять ее кандидатуру, ссылаясь на перегруженность работой и расстроенное здоровье. Выбрали Пономареву. Дьяченко по закрытии собрания всех отводила по очереди в угол и по товарищески просила объяснить, почему ей, старой работнице, предпочли какую-то Пономареву. Я с Петром Ивановичем пошли в «Красную Баварию» и выпили за новых руководителей. Петр Иванович поехал на извозчике, а я пошел пешком по той причине, что трамвай кончился.

На углу Ревякиной улицы и Собачьего переуллка, мимо меня прошел какой-то гражданин. Этой встрече суждено было иметь свое значение в последующем

развитии событий. На улице было пусто, как в желудке накануне получения зарплаты. Я тотчас остановился, когда кто-то рядом явственно окликнул меня:

— Никого нет?

Я посмотрел на белую стену с лампочкой над большими дверями, запертыми на большой замок. Перед дверьми на тротуаре, вопреки обязательному постановлению об употреблении урн, валялись окурки. Не видя других признаков человеческого присутствия, я пришел к выводу, что ослышался, и поднял ногу с намерением продолжать путь. Но тот же голос рядом нетерпеливо повторил:

— Вы слышите? Никого нет?

На белой стене появилась тень человека. Это была не моя тень, потому что лампочка висела между стеной и мною. Высунулась, как из кармана, рука, ухватила за водосточную трубу, и человек с белокурой бородой прыгнул со стены, как с подножки трамвая. Я проглотил слюну и поставил ногу обратно.

Человек из Стены повернул голову в мягкой фуражке направо и налево и сердито посмотрел на меня.

— Вы слышите? Папиросы есть?—спросил он. Я вытащил обеими руками коробку «Сафо» и поспешил протянуть ему. Человек из Стены взял, поводя плечами, папироску, чиркнул спичку и поспешно затянулся.

— Самое скверное в моем положении, — сказал он, открывая и закрывая красные глаза, — это невозможность курить. — Он сунул мою коробку в карман. — Не будем, однако, терять дорогого времени, — он взял меня под руку, и мы пошли.

Итак, мы пошли. На нем было короткое пальто и широкие галоши, которые шлепали по снегу. От него пахло табаком 2-го сорта и котлетами из столовой Нарпита. Он сообщил мне, что его преследует однамогущественная организация. Дело началось во Франции. Он должен был переехать последовательно из Франции в Германию, из Германии в Польшу и т. д., пока не доехал до СССР. Но и тут организация напала

на его следы. Ее агенты полдня ходили взад и вперед перед белой стеной, выслеживая его убежище. Я сказал ему о встрече с запоздавшим гражданином.

— В кожаной фуражке? — воскликнул он и сунул руки в карманы пальто.

— Вот именно, — сказал я, стараясь вспомнить это обстоятельство.

— Это — один из них, — сказал Человек из Стены, закуривая новую папироску. — Но теперь, располагая вашей товарищеской помощью, мне не приходится его опасаться..

Я заметил, что, не отказываясь в общем и целом от возможности участия в этом деле, считаю целесообразным привлечь к нему спецов, принимал во внимание также отсутствие в нашем распоряжении средств, как-то оружия...

— Не беспокойтесь, — прервал он, — у меня есть оружие — и он вынул в доказательство руки с револьверами. — Итак, дорогой товарищ, — сказал он, открывая и закрывая красные глаза, — располагайте мною, как найдете нужным, — и он щелкнул курками. — И ступайте немного впереди, а я буду следовать за вами, готовый каждую минуту прийти на помощь.

Великий Конде.

У дверей моей квартиры на 4 этаже Человек из Стены попросил меня, в интересах конспирации, снять башмаки. Он собственноручно вынул каюч, который я никак не мог найти, и уже хотел постучать к соседям. Он посторонился, потом запер за мной дверь и повесил на ручку свою мягкую фуражку. Он сбросил короткое

пальто и широкие галоши, поправил на френче значок, расчесал перед зеркалом моей гребенкой свою белокурую бороду и со вздохом вытянул свои усталые ноги на моей постели. Он курил папиросу за папиросой, и мне протянул парочку. Я предложил было принести пива или вскипятить чайник, но он попросил меня, в интересах той же конспирации, вообще не выходить из комнаты.

— В компенсацию за временную невозможность информировать соседей о моем присутствии, — сказал Человек из Стены, — я информирую вас об одной, еще более удивительной вещи. Вот, — постучал пальцами с грязными ногтями по коробке спичек, — она стоит по самой низкой тарификация больше, чем актив любого банка. К сожалению, крупные купюры не всегда удобно менять, почему вы и видите меня в данный момент здесь, а не на пляже в Сочи или Евпатории. Что такое случай? Благодаря ему Ньютон съел яблоко, Архимед же получил только насморк.

Я нагнулся над коробкой спичек, чтобы не рассердить невниманием сумасшедшего.

— Да, — продолжал тот, открывая и закрывая красные глаза, — мои противники — очень ученые парни: они просвечивают вам кишки, исследуют реактивами подошвы от ваших башмаков и проделывают тысячи других интересных опытов. Но ни один пока не догадался исследовать эту спичечную коробку. А между тем, смотрите, что может иногда быть в спичечной коробке ценой $1^{1/2}$ копейки!

Он высыпал из коробки спички — бриллиант засверкал на столе, ярче полуваттной лампочки. Это был прекрасный розовый бриллиант, величиной с голубиное яйцо. Точнее было бы, впрочем, сказать, что голубиное яйцо было величиной с этот замечательный

камень. Я не видал голубиных яиц ни в одном кооперативе, а прочел это сравнение величин в «Огоньке», где был изображен как раз тот бриллиант.

— Великий Конде! — воскликнул я, и не мог удержаться, чтобы не потрогать пальцем сокровище.

— Он самый, — подтвердил Человек из Стены, отодвигая бриллиант. — Что вы говорите? Он был найден? Ах, да, это в яблоке, которое неосторожный похититель оставил в гостинице, а лакомка горничная вздумала попробовать и едва не сломала себе зуб? — Дорогой товарищ! Разве я счел бы себя вправе дотронуться до этой вещи, пока она считалась краденой? Теперь же я спокойно могу это сделать, раз похищенный бриллиант нашелся и возвращен своему законному владельцу. Конечно, уже не мое дело, что граф Шантенн-де-Шаптропа не заметил, что в этом яблоке была только копия Великого Конде. Подлинный Великий Конде — тут! Смотрите, как он блестит! Чувствуете ли вы все значение переживаемой минуты?

Но кроме нас двух, склонившихся в комнате над этим камнем величиной с голубиное яйцо, за окном смотрел на него еще один гражданин, которого мы, в волнении, тоже не заметили.

Едва ли прошло столько времени, сколько полагается на служебное опоздание, как обладатель «Великого Конде» услышал в прихожей звонок. Громкий и отрывистый, как звонят монтеры, трубочисты и управдомы. С уверенностью спеца Человек из Стены сказал:

— Это к нам.

Напрасные поиски.

Он, не очень спеша, собрал в коробку бриллиант и спички, положил ее в карман, надел пальто, галоши и,

взяв мягкую фуражку, задумчиво посмотрел на пальцы с грязными ногтями.

— Сейчас вы сами увидите, — сказал он, открывая и закрывая красные глаза. — Они будут смотреть под кроватью, выдвигать ящики стола... Ах, право, мир стал скучен! Конечно, вас не учить правилам конспирации, тем более я, находясь тут же, всегда буду готов вам помочь. Запомните же. Вы вернулись в 2 часа ночи, никого не встретив. Подумав, можете вспомнить о гражданине в кожаной фуражке. Придя домой, были под впечатлением собрания, чем и объясняется огонь и шаги в вашей комнате в такое позднее или, пожалуй, раннее время. Говорите смело, помня, что я всегда готов прийти вам на помощь.

...За дверями уже ждало много публики...

В дверь постучали, и Преддомкома предложил мне не оказывать бесполезного сопротивления. Владелец Великого Конде, между тем, высыпал в карман из пепельницы все окурки, за исключением двух, застегнулся и сделал мне знак отворить. Я не понимал, на что он рассчитывал, но в конце концов, это было не мое дело. Я извинился, что одеваюсь, и повернул ключ в двери. Там ждало уже много публики. Из двери напротив смотрела Софья Ниловна, которая платит за жилплощадь, как безработная, но, между прочим, торгует пирогами. Человек в кожаной фуражке попросил присутствовавших не делать паники, а мне протянул бумажку, объявив, что обязан произвести обследование моей комнаты, где, по имеющимся в угрозыске сведениях, скрывается важный уголовный преступник в международном масштабе.

Гражданин Преддомкома добавил к этому, что за проживание в моей комнате постороннего лица без законной прописки я оштрафован на 25 рублей, какую сумму обязан внести в 3-дневный срок в кассу домкома под расписку. Человеку в кожаной фуражке я выразил надежду, что он не будет доверяться наговорам личностей, поощряющих беспатентную торговлю.

— Это я-то торговка! — тотчас же воскликнула Софья Ниловна и, закрываясь, выбежала из комнаты. — Вы сами шарманщик!

— Прошу занести в протокол для привлечения к уголовной ответственности за клевету при исполнении служебных обязанностей, — сказал гражданин Преддомкома, поворачиваясь к человеку в кожаной фуражке. Тот попросил успокоиться и расходиться по своим делам.

Они, действительно, осмотрели все под кроватью и в столе, и даже поднимали половицы и выстукивали

стены и трубы парового отопления. После часа этой работы, они отряхнули пыль с колен и посмотрели друг на друга.

— Определенно убежал, — сказал один.

— Дом оцеплен со всех сторон — возразил другой.

— Раз его тут нет, значит, он отсюда вышел, — сказал первый. — Ваша охрана не соответствует своему назначению, товарищ.

— Раз дом оцеплен, и его здесь нет, значит — он и не входил сюда, — выразил свое предположение и второй.

— Ваши сведения ошибочны, товарищ.

После безуспешных попыток убедить один другого в его ошибке, они стали допрашивать меня. Один предлагал мне чистосердечно сознаться, куда спрятался обладатель Великого Конде, указывая, что таковое раскаяние дает возможность суду смягчить приговор. Его товарищ, сосчитав окурки в пепельнице, возразил, что два человека за целый час оживленной беседы не могли бы выкурить только пару папирос. Поэтому он полагал, что мое дело следует, за недоказанностью обвинения, прекратить, и немедленно обыскать соседние дома, ибо ясно, что агент ошибся окном.

В конечном итоге от меня отобрали подписку о невыезде и ушли. Гражданин Преддомкома, видя, что дело приняло нежелательный для него оборот, пожал мне руку и предупредил, что привести в порядок потревоженные половицы я обязан за свой счет, как текущий ремонт. Я запер за ним дверь, закурил и лег на кровать, удивляясь проворству обладателя Великого Конде. Часы пробили четыре. В той сутолоке, которая произошла по открытии двери, когда в комнату вошло сразу с десяток граждан, — конечно, не было ничего легче, как протискаться между ними и выйти самым

обыкновенным способом в ту же дверь, в какую только только что вошли они.

И вдруг опять: из стены напротив меня, оклеенной красными обоями, знакомый голос явственно спросил:

— Ушли?

Проблема исчезновения.

— Ушли. — сказал я и сел на постели, чувствуя, что стал плохо соображать. В этой стене не могло быть и речи о потайном ходе. Я наглядно удостоверился в этом еще осенью, когда повесил на стену брюки, потому что соседний жилец, Соломон Иваныч, вздумал развесить плакаты, и гвозди прошли насквозь.

Обладатель Великого Конде ухватился за притолку и слез со стены, как со стула. Он схватил папироску и, поводя плечами, поспешно затянулся.

— Самое скверное в моем положении, — сказал он, открывая и закрывая красные глаза, — это невозможность курить...

— Пойдите вы подальше со своим положением! — закричал, наконец, я. — Объясните вы или нет мне эту чертовщину!

— Правила конспирации, — возразил тот, — не позволяют возвышать голос в неизвестном окружении. — Он сбросил короткое пальто, снял широкие галоши и попросил меня занять место на стуле. — Это не чертовщина — продолжал обладатель Великого Конде, вытянув на моей постели усталые ноги, — не чертовщина, а изобретение на вполне научной почве. Да, дорогой товарищ, перед вами великий изобретатель. Все мои предшественники, начиная с Колумба и Ван-Гутена, кончая М. Пикфорд и Маяковским — ничто передо мной. — И он погладил белокурую бороду пальцем с грязными ногтями, а я посмотрел в белое окно и

погасил электричество.

— Возьмем, например, кино. — рассуждал он и взял новую папиросу. — Сколько % из 145 милл. граждан СССР могут использовать это изобретение в интересах своей общественной жизни? Ничтожное количество!.. Вы скажете — (хотя я ничего не сказал) — снижение цен, рабочий кредит и т. п. Я же скажу: а безработные, служители культа и другие категории населения, которым экономический базис или идеологические побуждения воспрепятствуют посещать кино при каком угодно кредите? Или, наконец, слепые, составляющие 7 миллионов населения, которые не пойдут, — сознаемся в этом совершенно объективно, — не пойдут в кино даже при наличии максимального снижения цен. Можно ли после этого назвать кино **м а с с о в ы м** изобретением?

Мое же изобретение имеет практическое значение именно для широких масс; ответработники и домашние хозяйки, безработные и служители культов, растратчики и рядовые члены профсоюзов — все найдут в нем применение своим силам. Тем более, то оно не требует абсолютно никаких аппаратов и долгой выучки, а применимо в любое время дня и ночи, легче и удобнее, чем выкурить папироску. При всем том, оно, безусловно, рентабельно, что показывает следующий простой расчет. Если каждый из упомянутых 145 милл. граждан уплатит мне за описание способа употребления моего изобретения 1 р., так и то я сразу зарабатываю 145 милл. рублей. А если я накину еще по 25 коп. на упаковку и почтовые расходы, то я зарабатываю дополнительно еще 30 миллионов...

Я не в состоянии передать всей его болтовни. В общем и целом выходило, что он давно работал над проблемой исчезновения.

— Эта проблема, — говорил он, — занимала меня еще в пору нежной юности, когда приходилось отвечать невыученные уроки. Впоследствии жизнь поставила передо мной этот вопрос с еще большей остротой, когда, по обязанностям службы, я должен был выступать с отчетами перед разными контрольными и ревизионными комиссиями. Вообще в реальной жизни есть много моментов, когда, выражаясь грубо, «рад был бы провалиться сквозь землю». Принимая во внимание диаметр земного шара и плотность его массы, приходится признать такое решение нашей задачи практически невозможным. Мне приходилось, очевидно, искать других путей...

К сожалению, в литературе этот вопрос, несмотря на всю его актуальность, недостаточно освещен. Вы читали, конечно, «Невидимку» Уэльса. Сходен с ним по замыслу рассказ Лондона «Белое и черное». Уэльс выходит из положения, изобретая способ, с помощью которого человеческое тело делается прозрачным, у Лондона — абсолютно белым или черным, и, следовательно, тоже незримым.

Гриффон не предусмотрел возможности обратного превращения. Он должен был сноситься с окружающим обществом в своем состоянии невидимки, а это, при слабом развитии в населении естественно-научных знаний и просто непривычки его к подобным знаниям, — привело героя к ряду недоразумений и столкновений, а в конечном счете, к гибели. Очевидно, это средство было нецелесообразно, так как длительная невидимость имеет не меньше неудобств, чем невозможность совсем сделаться невидимым.. Любопытно разрешает задачу и Честертон: ищут у б и й ц у, и поэтому не обращают никакого внимания на одного из п о ч т а л ь о н о в, который каждый день снует на

улицах. Очевидно, что такой способ исчезать возможен при известном стечении обстоятельств. Это — трамвай, который идет только отсюда досюда. А мне нужен был авто, который может сворачивать и поворачиваться, как захочет седок.

Совершенно случайно я приобрел Энциклопедический словарь, стоивший по подписке 140 руб. и который я, по случаю, продал за 20. Там я прочел интересную статью о «мимикрии». Я тоже воскликну «Эврика»!, и если не выбежал голый на улицу, то единственно потому, что сидел в в тот момент не в ванне, а в одиночном заключении.

Слово о мимикрии.

— Я опускаю подробности, не интересные для не спецов. Мимикрией называется подражательная окраска и сходство с той обстановкой, где животные живут. В результате животное делается незаметным, как бы исчезает перед лицом опасности или добычи. Так, в пустынях желтый цвет льва позволяет ему незаметно подкрасться к антилопе, желтая окраска которой, в свою очередь, дает ей возможность легче скрыться от хищника. Тигр — такой яркий и пестрый в зверинце — тоже кажется незаметным в зарослях камыша, где его темно-желтая шкура сливается с игрой света и теней стеблей и повисших листьев. Охотник знает — я, впрочем, не охотник, но так сказано в этом Энциклопедическом словаре, — так вот, охотник знает, как трудно охотиться на рябчиков, вальдшнепов и т. д., а рыбак, — оговариваюсь, что я лично не рыбак, — рыбак скажет, что только его опытный глаз различит в воде медуз и сальнов, прозрачных, как стекло. А известные каждому энтомологу случаи с мухами, похо-

жими на шмелей, или бабочками, похожими на ос, которые поэтому безнаказанно проникают в гнездо своих врагов и откладывают там яички. В ботанике названа, например, глухая крапива, которую скот не ест, так как она похожа на жгучую. Поистине, мимикрия — одно из массовых явлений в органическом мире!

Наиболее распространенная мимикрия постоянная, пожизненная. Белый медведь — круглый год бел, а желтый лев — желт, и они не меняют этой окраски и в зоологическом саду. Другой случай — периодическая мимикрия: заяц, песец, или горноста́й бел только зимой, а летом становится серым. Его окраска, значит, меняется с изменением времен года, и эта перемена настолько правильна и стойка, что заяц, перевезенный на зиму в африканскую пустыню, все-таки белеет. Наконец, есть животные, которые меняют свой цвет каждый раз соответственно обстановке. Это некоторые головоногие моллюски, каракатицы, а в особенности — хамелеон — род ящерицы, живущей в Ю. Европе, в Азии и Африке. Когда бы, в какое время дня и ночи он не переменил обстановку, тотчас меняется и его окраска. Поэтому можно сказать, что он меняет свою окраску по произволу.

Итак, я сказал себе: глупая ящерица может менять свой цвет в зависимости от того, сидит ли она на зеленом листке, или бежит по серому стволу, или выпрыгивает на желтый цветок. Мало того, она может менять даже и форму своего тела, раздувая его то больше, то меньше. Отчего бы не приобрести такую способность и человеку? Проблема исчезновения решается в этом случае и чрезвычайно удобно, и ничуть не противореча данным современного естествознания.

Моя задача: даешь мимикрию! — казалась мне тем менее затруднительной, что человек в свойствах свое-

го характера, мимики лица и выправке тела уже достаточно «мимикрирован». Он только того не замечает, как один быв. мещанин в дворянстве не замечал всю жизнь, что он говорит прозой. Об этом хорошо рассказывал Мольер. Почему же самый обыкновенный деловод со ставкой 9-го разряда, смотрит на вас Завом, пока вы, сгорбившись, просите у него справку о количестве скота в подведомственном ему учреждении — и настоящий Зав обращается, по бойкости мысли и пера, в деловода, когда вы растегнетесь и вынете мандат с приложением печати и за подписями? Мимикрия, дорогой товарищ! Или почему вы сами выглядите совершенно по-разному: на тех же перевыборах, когда даже привстаете, чтобы тов. Иванов видел, что и вы единогласно голосуете за него — и после перевыборов, когда вздыхаете, что опять посадили на шею тов. Иванова? — Та же мимикрия, товарищ!

В нашем учреждении, между прочим, от роду не было никакого Иванова, почему приведенный изобретателем мимикрии пример являлся, по существу, злостным искажением действительности. Я хотел объяснить это, но он попросил меня помолчать и, продолжая курить мои папиросы, продолжал:

— А в некоторых случаях жизни, например, при назначении вашего школьного товарища, вручении исполнительного листа на алименты и многих других — человек еще определеннее меняется в окраске. Так и говорят: он бледнеет, краснеет, синеет, желтеет... Да... мне оставалось, значит, закрепить эти бессознательные и кратковременные изменения, превратив их, путем упражнений, в привычные и длительные. Я не буду входить в подробности. Сначала опыты не удавались...

Неожиданный успех.

— Попутно с этими естественно-научными опытами я не прерывал своих запятий по истории и археологии и, в частности, по пополнению моей коллекции драгоценных камней. С этой целью мы — я, к сожалению, не могу пока входить в подробности, — посетили в 12 ч. ночи замок графа Шантени-де-Шантропа и имели с ним непродолжительную беседу. В результате мы сошлись на том, что мы берем себе Великого Конде, а граф в течение 1/2 часа держит руки поднятыми к потолку. Надо ли говорить, что презренный потомок феодалов нарушил договор, едва мы переступили порог его кабинета. Мы встретили лицом к лицу блюстителей порядка. Неравная борьба продолжалась недолго. Мой товарищ пал на посту, а я, под давлением превосходящих сил неприятеля, вынужден был в порядке отступить.

Проще сказать: я бежал, а за мной гнались. Я сворачивал направо и налево — и напрасно. Крики и топот раздавались все ближе и ближе. И вдруг — тупик. Забившись в угол, я ждал, как вот сейчас погоня настигнет меня скорее, чем глупая ворона, усевшаяся за окном, успеет взмахнуть крыльями и улететь. Конечно, я беспокоился не о себе, а, единственно, о незаконченных опытах с мимикрией. Обладая уже этой способностью, я сумел бы утереть нос своим врагам. Я страстно желал сделаться похожим на стену, к которой прильнул. Из-за поворота выбежал незнакомый полицейский. Он в упор взглянул на меня, сразу остановился как трамвай, под который попал прохожий, повернулся мокрой спиной и крикнул:

— Его здесь нет...

Преследователи рассыпались по другим коридорам. Двое все-таки заглянули сюда. Они, тараща глаза, водили фонарями по темным углам и тыкали палками, попадая мне в нос и колени, и, наконец, ушли, определенно не увидев меня.

На другой день, выбравшись из своего убежища, я замешался в толпу репортеров, нахлынувших в замок, и, так как уже выполнил свое задание на все 100 %, то вышел на улицу, сел в автобус и уехал. Я понял уже, в чем было дело. В предыдущих опытах у меня не было достаточно сильного импульса исчезнуть. В данном же случае, под влиянием страха — я не стыжусь так сказать, потому что герой не всегда бывает красивым, — мое тело получило нужный толчок к мимикрии. В результате оно, по неизвестным мне еще химическим реакциям, схожим, впрочем, с покраснением или побледнением лица обыкновенного человека перед лицом опасности и т. п. — мое тело сделалось в точности похожим по цвету и рисунку на стену, к которой я прижался. Мне оставалось развивать этот опыт и, как видите, я достиг вполне положительных результатов. С помощью мимикрии мне удалось, достаточно крепко испугавшись, счастливо уходить от излишне пытливых представителей власти. Я покинул пределы прекрасной Франции и последовательно переехал в Германию, из Германии в Польшу, а неделю тому назад, пренебрегая опасениями друзей, перешел границу СССР. Но сегодня меня чуть было не выдал окурок. Торопясь исчезнуть, я бросил на тротуар папиросу. Понимаете — на месте, где меня видели в последнюю минуту! Агент угрозыска не мог пройти мимо такой улики, и целый день ходил взад и вперед передо мною и курил, а я должен был смотреть и прищелкивать языком, потому

что, повторяю, самое скверное в моем положении, это невозможность курить.

И он поспешил взять еще папироску, открывая и закрывая красные глаза. Я изобразил на своем лице, что стою перед величайшим героем истории. Он снисходительно похлопал меня по плечу и разрешил сесть. Бесплезно было бы возражать маньяку, что тут дело совсем не в мимикрии, а вернее всего, в гипнозе, которым он, может быть, бессознательно пользовался против нервных людей. Потому что бесполезно спорить с предубежденными людьми, у которых все мысли представлены в голове, как папиросы в коробке.

По невидимой мишени.

Действительно, если это был не гипноз, то почему Великий Изобретатель не согласился сделаться похожим на кровать, и я должен был лечь на полу? Для меня было несомненно, что он, хотя имеет инициативу, но пользуется ею для временных эффектов, и поэтому может даже скомпрометировать меня, как своего сообщника. Из предыдущего достаточно очевидно, что я отнюдь не мог быть назван таковым. И, по всей совокупности обстоятельств, было несомненно, что в дальнейшем преступник имел намерение скрыться один вместе с Великим Конде, оставив меня под подозрением в укрывательстве. Необходимо было в ближайшем же будущем изжить создавшееся ненормальное положение.

Прислушиваясь к дыханию преступника, я при бледном свете зари изложил факты в заявлении на имя угрозыска и просунул листок под дверь, в уверенности, что Софья Ниловна не преминет прочесть чужое письмо, и, таким образом, оно получит надлежащую

огласку. А когда изобретатель опять открыл свои красные глаза, я осторожно заметил, что в интересах конспирации не будет нелесообразно, чтобы соседи слышали в моей комнате движение до узаконенных 3 ч. дня (была суббота). Он согласился, что его преследователи, вероятно, достаточно сбиты с толку вчерашней неудачей, и ему можно безопасно пройти со мной по улице и подождать меня до окончания моих служебных обязанностей.

Он натянул свое короткое пальто, напихал бумаги в галоши, и мы вышли. В комнате Софьи Ниловны замолчали, когда он запер дверь. Потом он положил ключ себе в карман, сказав, что раз мы опять встретимся — безразлично, у кого он будет.

Мы пошли по вчерашней улице. Несколько рабочих в высоких сапогах, засунув руки в карманы и посвистывая, обогнали нас и остановились перед фотографией. Я рассказывал Великому Изобретателю о преимуществах вечерней съемки, и мы незаметно подошли довольно близко к вчерашнему складу. Вдруг он стал проявлять признаки беспокойства. Не слушая моего рассказа о Мейерхольде, он обернулся и сказал, открывая и закрывая красные глаза:

— Вы не находите, что вот у того рабочего ноги в точности напоминают вчерашнего человека в кожаной фуражке?

— В вас говорит предубеждение, дорогой товарищ, — сказал я...

Но он грубо оттолкнул меня и молча побежал. Я никогда не видел, чтобы можно было так быстро бежать. Галоша свалилась с ноги, но он даже не остановился ее поднять. Раздались свистки. Масса вдруг появившихся рабочих, в сапогах и без сапог, оказывала активное содействие по поимке преступника. Один

уже совсем было поймал его, но вдруг схватился за живот и сел на землю. Преступник, продолжая отстреливаться, добежал до белой стены. К удивлению присутствовавших, он прислонился к ней спиной и высунил язык.

Он стоял спиной к стене и нахально смеялся над нами, расправляя руками белокурую бороду. Человек в кожаной фуражке, размахивая револьвером, неся впереди меня осторожными прыжками. Он растолкнул собравшуюся перед стеной толпу, и мы прошли вперед. Его не было... По словам собравшихся, перебивавших друг друга, он вдруг расплылся, побледнел, исчез, как призрак в кино.

— Врешь! — закричал, никого не слушая, человек в кожаной фуражке, — ты от меня не уйдешь! И он стал выпускать в стену пулю за пулей, пока его не схватили за руки, уговаривая не расстраиваться. Не желая никому мешать в этой суматохе, я стоял на углу, где висела афиша госцирка. Было совершенно очевидно, что в создавшемся положении я ничем не мог быть полезным своему знакомому незнакомцу, и все равно уже опоздал на службу.

Я кончил читать афишу в четвертый раз, когда толпа, наконец, разошлась с места происшествия. Вскоре тут стало опять так же тихо и безлюдно, как накануне, когда я возвращался домой. Как накануне, над дверьми склада, запертыми в данный момент на большой замок, горела лампочка, а на тротуаре, вопреки обязательному постановлению об употреблении урн, валялись окурки.

Я прошелся мимо стены, отшвыривая ногой кусочки штукатурки. Он не появлялся...

Я не стал бы беспокоить его, но мне нужен был ключ, который он унес с собой, не считая моей коробки

«Сафо». Оглянувшись, я встал перед стеной и позвал своего друга. Он не откликнулся. Я провел рукой по стене — она была в этом месте еще теплая. На высоте человеческой груди пули отколупнули от нее штукатурку, и были видны красные кирпичи. Но выше, над ними, я разобрал как будто очертание человеческого лица с бородой...

Смущенный и грустный, я пошел искать дешевую слесарную мастерскую, чтобы заказать новый ключ.

С. ЗУБОВ

СЫВОРОТКА БЕССМЕРТИЯ

Фантастический рассказ

С. Зубов

СЫВОРОТКА БЕССМЕРТИЯ

Опубликовано в журнале «Мир приключений», № 3,
1928 г.

СЫВОРОТКА БЕЗСМЕРТИЯ

Рассказ С. Зубова.

I.

Это был странный, безумный вечер. Я сидел в рабочем кабинете профессора Уоттона и, как сквозь сон, слушал, что он мне говорил. Мысли мои метались, как осенние листья, гонимые ветром, а слова профессора вонзались в мой мозг, как раскаленные гвозди.

Он развивал мне свою теорию восстановления деятельности нервных клеток центральной системы после смерти организма. Он говорил:

— Я нашел! Но это было невероятно! Ведь если-бы это было так, то человечество получило бы на земле то, что оно так долго и напрасно искало. Человек при жизни получил бы бессмертие. Слушайте, Джонатан! Почти на двадцать лет заключил я себя добровольно в свою лабораторию. Я искал, искал... Сколько было разочарований! Сколько раз, доведенный до отчаяния неудачами, я хотел бросить все дела, разрушить все,

что строилось так долго! Но какой-нибудь незначительный факт, говоривший за меня, снова придавал мне и уверенность и силы. И вот, сегодня, после двадцатилетних поисков, я нашел то, что искал! Опыты блестяще удаются! Да, молодой мой друг! Это открытие даст человечеству бессмертие! Поймите. Я уничтожил смерть! Мой аппарат и «сыворотка бессмертия» (так думаю я назвать полученное мною вещество) дают человеку вечную жизнь! — И глаза профессора Уоттона лихорадочно заблестели.

— Простите, профессор! — перебил я его. — Но все, что вы сказали, до того странно, до того ошеломляюще, что мой ум еще не может в достаточной мере примириться с этой мыслью! Ведь это... Но, профессор, твердо ли вы уверены в том, что опыты удались действительно благодаря вашей сыворотке, а не благодаря неполному умерщвлению? Простите меня, но я должен задать вам такой вопрос! Ведь это так поразительно, так безумно странно и ново...

Профессор затянулся сигарой и, выпустив клуб дыма, окутавший его на мгновение, сказал:

— Я ждал этого вопроса и не удивляюсь ему. Нет, удача опытов зависела всецело от сыворотки и действия моего аппарата. Никакой неточности я допустить не мог, так как внимательно следил за всеми изменениями в организме. Сегодня я сделал девять опытов — и все удались превосходно! Три обезьяны, три попугая и три змеи были умерщвлены мною посредством приостановки деятельности дыхательного центра. Смерть была очевидна. И теперь все они живы и, по-видимому, совершенно здоровы...

— Нет! Это невероятно!

— Но это — факт. Правда, мой аппарат еще слишком сложен и громоздок, но главное сделано, остальное все

придет само собой. Упростить аппарат не так уж трудно, зная основной принцип... Вы подумайте! Скоро каждый будет иметь возможность приобрести себе такой аппарат — портативный, дешевый и вполне доступный для управления, благодаря несложному механизму!..

Перед глазами у меня мелькали какие-то круги, и слова профессора звучали будто из пропасти. Я сидел и смотрел на него бессмысленными глазами. А он быстро ходил по кабинету из угла в угол, и на каждом повороте за ним оставался клуб дыма, долго не расплывавшегося в воздухе и висевшего, как серая разорванная ткань. Наконец, он круто повернулся на каблуках и остановился, глядя на меня в упор своими лихорадочно блестящими глазами. В седых, разметавшихся кудрях, в клубах дыма — он казался мне каким-то существом нездешнего мира, явившимся к нам, чтобы дать бессмертие. Но, правду сказать, мурашки бегали у меня по спине и колени тягуче и тупо ныли. Он говорил:

— Факт остается фактом! Теория верна — опыты подтверждают это. Бессмертие найдено! Но... Кто.. из людей даст проверить эту теорию на себе?..

— Д-да! — промычал я и почувствовал, как лоб мой покрывается холодным потом.

— Я думал представить свое изобретение правительству и взять разрешение на опыт над преступниками, приговоренными к смертной казни, но на это нужно потратить массу времени. Я не могу. Мне нужно произвести опыт сегодня, завтра — ну, послезавтра. Никак не позже...

Почему-то я подумал в это время о Регине, и сердце мое болезненно и остро сжалось. Я подумал и о себе. Представил себе картину — как я лежу на операцион-

ном столе под инструментами Уоттона. Я порывисто встал. Пора было идти, так как Регина, наверное, ждала меня уже в одной из аллей парка.

— Так, до завтра, мой юный друг! В два часа я жду вас у себя и, как обещал, проденонстрирую перед вами действие моей сыворотки бессмертия.

Я пробормотал что-то похожее на благодарность. Думаю, что вид у меня был тогда не особенно бодрый. Я быстро вышел из кабинета профессора и пустился, чуть не бегом, в сад, где ждала меня Регина — Регина Уоттон, дочь профессора Уоттона, моя невеста.

«Конечно, он сумасшедший, или завтра будет таким — что все равно», — думал я, спеша по дорожке парка.

Мысли вихрем неслись у меня в голове, одна мрачнее и ужаснее другой.

«Кто поручится мне, что этот фанатик, в припадке свсего безумня, раздраженный неудачными поисками субъекта для своих чудовищных опытов — не принесет в жертву науки жизнь своей дочери?! Все возможно! Для человека ненормального нет невозможного! Но это же химерично! Бессмертие!? Нет, ерунда! Самообман и неумышленная подтасовка! Ха, бессмертие! Ведь не идиот же я! И кое-что читал, и знаю, что воскресить умершую клетку нельзя! Да... Но завтра в два часа... А если он хочет заманить меня? Что же, пусть лучше я, чем Регина. Я буду настороже!»

Так думал я, идя по темневшим аллеям, пока мысли мои не рассеялись при виде светлого пятна, мелькнувшего вдали, на темном фоне зелени. Это, конечно, была она, Регина.

Она быстро шла мне навстречу, и лицо ее выражало тревогу и любовь.

Волнение мое несколько утихло под лучами ее

светлых глаз. Я так любил ее!

— Я думала, что ты не придешь сегодня, милый! Уже начала беспокоиться. Но что с тобой, Джон? Ты бледен и взволнован! Случилось что-нибудь? Говори же скорей!

— Слушай, Регина! Я был сейчас у твоего отца. Он-то и задержал меня. Я до сих пор не могу опомниться, Регина. Ты меня прости, но я скажу тебе, что твой отец должен отдохнуть от своих лабораторных работ, иначе... иначе он захворает! Ты должна уговорить его, Регина. Его взгляд, да и вообще все его слова, дают мне право думать так. Это — серьезно, Регина...

— Милый, вот уже около четырех дней я не видела отца. Он совершенно уединился в свою лабораторию; даже кушать подавали ему туда, там же он и спал. Но твои слова меня взволновали! Последнее время я по-

чти не разговаривала с ним, и только случайно узнала, что он изобретает какую-то сложную машину, какую-то сыворотку. Ведь он не послушает меня, Джон! Я стала как-то бояться его. В минуты редких встреч наших с ним какой-то страх входит в мою душу. Но ты рядом со мной, Джон. И ты

Регина доверчиво прижалась ко мне.

не оставишь меня.

Регина доверчиво прижалась ко мне, и голубые глаза ее тихо и радостно засветились. Я чувствовал избыток счастья, но вместе с тем, и червь скрытой тревоги где-то, в глубине души, шевелился настойчиво и тихо. Мне все хотелось сказать что-то Регине, предупредить, предостеречь ее, но жаль было разрушать настроение.

Тревога все же взяла верх.

— Слушай, Регина! Завтра ты будешь моей невестой перед целым светом, но, ради всего святого, будь осторожна, поговори с отцом. Уговори его бросить на время такую лихорадочную работу!

Регина обещала мне это, и мы расстались до следующего вечера. Завтра я должен был сделать предложение Регине и получить согласие профессора Уоттона.

II.

Ночь провел я плохо. Долго не мог заснуть, а когда сон сковал мои веки — тяжелый кошмар душил меня до утра. Первым лучам дня я обрадовался, как якорю спасения.

Одевшись и выпив свой обычный утренний кофе, я пошел в кабинет и инстинктивно чувствуя возможность опасности, привел в порядок все свои бумаги. Даже составил что-то вроде завещания. Написал письмо и Регине. За этим занятием прошло немало времени, когда мелодичный звон моих каминных часов заставил меня очнуться. Было половина второго. времени оставалось ровно столько, сколько нужно, чтобы убрать бумаги, запереть кабинет и попасть в лабораторию Уоттона. Признаюсь, что самочувствие мое было

не из очень приятных. Но я подавил свое волнение, позвал Чарльза, своего камердинера, и попросил нанять кэб, дав ему адрес Уоттона.

Через пять минут кэб был у моего подъезда. Чарльз, провожая меня, как обычно, пожелал мне удачного пути. Добрый старик не знал, что делалось у меня на душе...

Иногда мне казалось, что все мои страхи и предчувствия не больше, как взвинченность нервов, но вчерашняя беседа с профессором ярко вставала в памяти. Его безумно блестящие глаза и мой ночной кошмар — свинцом ложились на мою душу.

Пальцы мои холодели, когда я взялся за ручку двери, ведущей в кабинет профессора. Уоттон сидел в глубоком кресле, задумавшись и, по-видимому, забыв обо мне, несмотря на то, что минуту назад слуга доложил ему о моем приходе. Я слегка кашлянул. Профессор поднял голову и, увидя меня, протянул мне руку.

Сегодня, при свете дня, он показался мне не таким страшным, как вчера. Только сейчас я мог разглядеть, что он сильно осунулся и как-то постарел с тех пор, как я его видел несколько дней назад.

— Здравствуйте, Джонатан, — сказал он мне, смотря на свои карманные часы. — Вы точны, как добрый янки! Ну что же, я думаю, что мы можем, не теряя времени, отправиться в лабораторию. Я уже все приготовил.

— Конечно, сэр, если вы свободны, то я с величайшим удовольствием пойду с вами туда. Но, профессор, признаться, наш вчерашний разговор совершенно выбил меня из колеи — я хожу, точно во сне!

Профессор взял меня под руку, причем прикосновение его руки отозвалось нервной дрожью в моем теле.

— Идемте, — сказал он мне; в его глазах я уловил мгновенно вспыхнувший огонек вчерашнего безумия.

«Сумасшедшие иногда бывают очень хитры и осторожны» — подумалось мне. Но я прогнал эти мысли, взял себя в руки и мы отправились.

Лаборатория находилась в самой отдаленной части парка. Это было здание, построенное из серого камня, со стеклянной крышей и с громадными окнами. Кругом лаборатории шла высокая каменная ограда, доходившая до верхних краев окон. За оградой был дворик со множеством пристроек и сарайчиков, где помещались животные, предназначенные для опытов. По ограде густо росли тополя и вязы, листвой своей совершенно скрывавшие лабораторию от любопытных взглядов.

Мы подошли к железной двери, вделанной в ограде, и профессор отпер ее ключом, висевшим у него на цепочке. Мы очутились на внутреннем дворике. Я с радостью заметил, что, затворив калитку, Уоттон не запер ее опять на ключ. Это было лишним шансом на спасение в случае опасности.

Окна лаборатории зловеще чернели, и из-за закрытых дверок сарайчиков иногда доносились жалобный визг собак и крики обезьян, похожие на крики человека в смертельном испуге.

В продолжение всей дороги мы молчали. Он шел впереди, я немного отставал. Молчание угнетало меня. Несколько раз я пытался заговорить с ним о «сыворотке», но он или не слышал, или делал вид, что не слышит.

Мы поднялись на ступеньки крыльца, и он вторым ключом открыл дверь, ведущую в лабораторию.

Я в ней еще никогда не бывал, и теперь оглядывался с любопытством.

Это был довольно большой зал, со стеклянным потолком. В простенках окон стояли шкафы, наполненные банками с этикетками на латинском языке. Посередине стоял стол, уставленный всевозможной химической посудой, довольно странных и причудливых форм. Стекланные трубочки и шары, соединенные каучуком, как хитро сплетённое кружево, висели над столом на двух металлических стержнях. На столах, под окнами, стояли различные весы; какие-то приборы и приспособления, блестевшие полированной медью, никелем и лаком. Пахло аптекой и еще чем-то неуловимым, приторным и щекочущим горло.

Уоттон прошел, не останавливаясь, в другую комнату, размерами меньше первой, но такую же светлую.

— Это моя операционная, — сказал он мне. — Здесь мы проделаем с вами опыт.

Я молчал, и исподлобья оглядывался по сторонам. Я не пропускал ни одного движения Уоттона, и был в любую минуту готов оказать ему сопротивление.

В этой комнате, кроме операционного стола, шкафа с набором инструментов и небольшого столика на колесах, ничего не было. В стене, противоположной окну, я заметил дверь, выкрашенную под цвет стен, и только по скважине и еле заметной щели можно было отличить ее.

— Подождите меня здесь, — сказал Уоттон и быстро направился к двери в стене. Я успел, однако, заглянуть в комнату, куда ушел профессор, и увидел и там массу колб, реторт, пробирных трубок и странных приборов.

Профессор не долго пробыл там. Вскоре мне слышался шум, будто передвигали что-то тяжелое на колесах. И действительно, минуту спустя, в дверях показался профессор, который толкал впереди себя какой-то металлический ящик цилиндрической формы,

поставленный на площадку с колесами. Ящик этот был, как мне показалось, не меньше человеческого роста.

Уоттон подкатил его к операционному столу и поставил сбоку.

— Прошу вас не трогать это, — сказал мне он, и пошел опять в ту комнату.

Любопытство мое было напряжено до последней степени. Как мне кажется теперь, я в то время даже перестал испытывать страх.

Профессор быстро вернулся, неся в руках что-то похожее на флягу, обшитую грубым сукном. Эту флягу он поставил на подвижной столик, и подкатил его к другой стороне стола. Потом он вынес две табуретки, и одну из них предложил мне.

— Сейчас я объясню вам устройство моего аппарата и сущность «сыворотки бессмертия». Конечно, в общих чертах, так как объяснять подробно было бы и длинно, да для вас и скучно. Ведь вам важен факт, что б е с с м е р т и е в моих руках, — а как я его достиг, это дело второстепенное!

Мурашки опять забегали у меня по спине, когда Уоттон, отстегнув крючки, держащие дверцы цилиндра, стал раскрывать их. В глаза мне блеснула масса колесиков, шнуров, разных винтов, маятников и поршней. Машина была до того сложна, что непривычному человеку не представлялось возможности разобраться в ней, охватить умом все ее части. Профессор осторожно снял футляр с машины, и вся она заискрилась при свете дня.

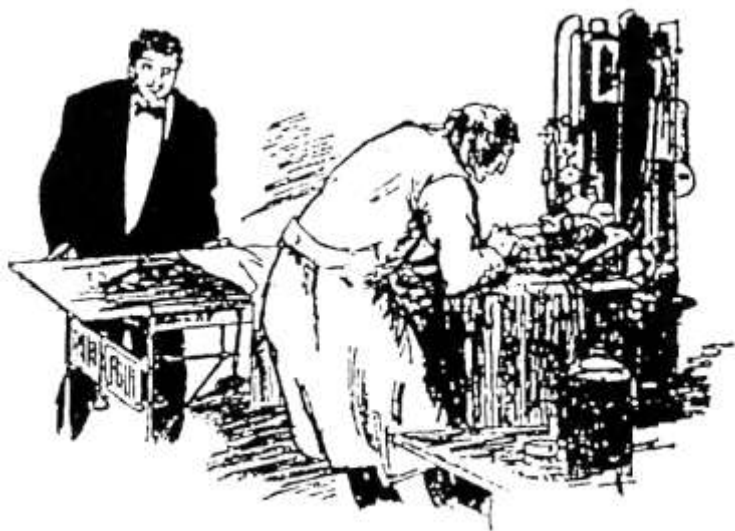
— Смотрите сюда! — говорил профессор. — Вот в эти полые стеклянные цилиндры я наливаю определенное количество сыворотки, и эти провода соединяю с током сильного напряжения. Здесь — вольтметр, благо-

даря которому можно регулировать силу тока. Вы видите эти провода? Их шесть, и оканчиваются они длинными полыми иглами. Эти иглы вкалываются в руки, ноги, сердце и в продолговатый мозг. По ним идет не только ток, но и протекает сыворотка. Комбинированное действие сыворотки и тока дает жизнь умершей нервной клетке, а с нею — и жизнь всему организму. Ранки от вкалывания игл незначительны, и очень быстро заживают. А это вот — сама «сыворотка бессмертия» — вытяжка из нервных клеток головного мозга обезьян.

И профессор Уоттон вынул из футляра, похожего на флягу, хрустальный флакон, в котором золотистым цветом блеснула прозрачная, маслянистая жидкость.

— Да! Вот она «сыворотка бессмертия»! Вот я держу ее в руках! Не буду сейчас объяснять вам ее состав и способ получения. Думаю, что скоро мои труды будут опубликованы во всех журналах, как строго научных, так и популярных, — вы тогда хорошо все узнаете. Теперь же — к делу! Обезьяна у меня приготовлена уже с утра. Я убил ее хлороформом, который, как известно, введенный в организм в больших дозах, парализует дыхательный центр животного. Сейчас я принесу ее.

Профессор опять вышел, и скоро возвратился, неся на руках довольно большой экземпляр шимпанзе. Обезьяна, повидимому, была совершенно мертва. Голова и лапы ее безжизненно свешивались. Она была холодна, и заподозрить обман со стороны Уоттона было невозможно. Он положил ее на стол и привязал ремнями, как это делают для оперирования. Взяв флакон с сывороткой, он налил ее в цилиндры машины; потом, быстро вколов иглы в пятки, ладони, где-то около сердца и в шею мертвой обезьяны, соединил машину с проводом батареи.

Уоттон положил обезьяну на операционный стол.

Что-то странно зашипело, тихо затрещало, раздалось какое-то жужжание, похожее на жужжание в пчелином улье. Я смотрел во все глаза. Нервы мои были натянуты и сердце тяжело билось. Я и верил, и не верил. Порой казалось, что все то, что здесь происходит — продолжение моего ночного кошмара.

Но голос профессора, объяснявшего фазы действия аппарата, возвращал меня к действительности. Среди тишины в операционной, нарушаемой только треском машины, слова профессора падали веско, четко, ясно...

— Сыворотка пошла по полым проводам! Доходит до тканей. Сейчас входит в ткани. Ток сокращает мускулатуру!

И действительно, — все тело обезьяны конвульсивно вздрагивало. Уоттон то и дело щупал ей пульс и проверял дыхание.

У обезьяны шевелился каждый палец, каждый сустав; брови, веки и губы кривились в странные гримасы. Но обезьяна все же была мертва!

— Пульс — 15... 16... 27...

— Что?! — воскликнул я.

— 39 — повторил Уоттон.

Поборов отвращение, я схватил лапу обезьяны. Мне показалось, что она стала мягче и теплее. Волосы у меня на голове зашевелились, и мороз побежал по коже.

— Она уже жива! — крикнул я и вскочил, инстинктивно вцепившись в плечо профессора.

— Нет! Это галлюцинация! Это сон — и больше ничего! Но обезьяна дышала! Дышала!..

Она стала теплой и иногда моргала. Уоттон перевел ток на самую слабую цифру, но приток сыворотки оставил тот же.

Обезьяна уже не дергалась — она ровно дышала и смотрела на нас такими осмысленными глазами...

Не помню, сколько прошло времени. Для меня время остановилось! Но факт! Поразительный факт!

Профессор выключил машину и также быстро вынул иглы из тела обезьяны, а ранки заклеил ватой, смоченной коллодием.

— Она пролежит так несколько часов — ну, два-три, и потом будет совершенно здорова. Можно отвязать ее теперь и снести в клетку...

И он, действительно, отвязал ее от стола и вынес из операционной.

Только когда он возвратился, я мог более или менее внимательно разглядеть его самого. Вчерашнее безумие и восторженность были написаны у него на лице и в глазах.

Опять холодок прошел у меня по спине.

Он подошел ко мне и тихо спросил:

— Вы видели? Теперь вы верите? Но пока это— тайна. Об этом— никому! Пока опыт не будет сделан над человеком — никому ни звука! Скоро я сам широко опубликую это. О, я перевернул новую страницу книги Бытия! Двадцать лет прошли даром! Еще последний опыт, еще немного терпения! Но идемте. Мне нужно кое-что записать.— И мы также молча, как и пришли, тем же путем вышли из лаборатории.

Я не зашел к Регине, надеясь увидеть ее вечером, уже получив согласие Уоттона. Мы условились встретиться с ней в той же аллее, в восемь часов.

Только теперь я понял, какое нервное напряжение пришлось мне выдержать. Я чувствовал странную усталость и разбитость. Голова слегка кружилась и болела. Я взглянул на часы: было около пяти. Следовательно, времени было достаточно, чтобы отдохнуть, пообедать в одном из ресторанов и привести свои мысли в порядок. Я так и сделал. Нечего и говорить, что голова моя была полна только что виденным. Но эти поразительные факты никак не хотели укладываться у меня в мозг.

III.

Уже темнело, когда я кончил свой обед и собирался уйти из ресторана. План мой был таков: идти сейчас, или немного позже, к Уоттону, переговорить с ним о Регине, и потом увидеть Регину, чтобы вместе с ней пойти к отцу.

Я не взял кэб, так как мне хотелось немного прогуляться. Вечер был теплый и тихий, а путь мне предстоял не очень длинный. По дороге я думал о Регине, о нашей жизни с ней, и в душу ко мне понемногу возвращался мир.

Происшествия этих двух дней, как сквозь сон, вспоминались мне. Впереди же у меня были радость и счастье.

Наконец, в этих приятных размышлениях, я достиг дома профессора. Позвонив, я попросил слугу доложить о моем визите. Возвратившийся слуга сказал, что сэр Уоттон занимается в своей лаборатории, а леди Уоттон неизвестно куда вышла.

Тогда я, по праву близкого знакомого, сказал, что пойду к профессору в лабораторию, так как у меня к нему есть крайне важное дело.

Я шел по дорожкам парка, по направлению лаборатории, и с каждым шагом волнение мое возрастало. Предчувствие чего-то недоброго закрадывалось в душу.

Вскоре показалась и темная масса лаборатории. Только верхние края окон, не закрытые высотой оградой, ярко блестели, освещенные изнутри. Я замедлил шаги и перевел дыхание. Сердце билось, и в ушах неприятно шумело. Я стоял уже на дорожке, ведущей к калитке ограды.

«А что, если калитка заперта? Как я увижу Уоттона? Как поговорю с ним о Регине? Может быть, он опять скроется на несколько дней в этот каменный мешок, и помолвку придется отложить!»

Так думал я, как вдруг какой-то белый предмет на дорожке приковал к себе мое внимание. Я быстро подошел, нагнулся и поднял его.

Сомнений быть не могло — это платок Регины, пахнувший ее духами! Сердце мое упало и перестало биться. Обрывки мыслей замелькали в голове.

«Регина там?! Что это значит? Зачем?» Наконец, одна безобразная мысль молнией прорезала мне мозг.

«Боже! Неужели же он...»

За оградой протяжно и жалобно завывала собака; ей ответила другая еще более ужасным воем.

Эти звуки ударили меня по нервам, как плетью. Я сорвался с места и бросился к калитке. Я в бешенстве толкнул ее ногой, и, о радость! — она бесшумно открылась предо мной.

Яркий свет из окон лаборатории в первое мгновение ослепил меня и заставил закрыть глаза. Но я скоро освоился, и уже мог ясно различить все, что делается в зале.

Регина лежала на операционном столе; профессор стоял над ней, держа ее за пульс, и внимательно следил за ним. Из рук, ног и шеи Регины выбегали алые струйки крови, — там, где были вколоты иглы. Склянка «сыворотки бессмертия» искрилась золотым огнем рядом на столике. Я дрожал, как в лихорадке, зубы мои стучали и ноги отказывались повиноваться. В первый момент мне показалось, что Регина еще жива, но когда я взгляделся в ее лицо — у меня не осталось сомнения в том, что Регины больше нет!

Эта мысль, подобно развернувшейся с силой пружине, подбросила меня, и я, плохо сознавая, что делаю, побежал к двери лаборатории, сопровождаемый воем собак.

«Он сумасшедший, он безумный!» Вот мысли, которые колотились у меня в голове, как в пустом ящике. Добежав до двери, я навалился на нее всей тяжестью тела, думая, что она заперта. Но тело мое, не встретя сопротивления, вместе с раскрывшейся дверью, влетело в комнату. Я еле удержался на ногах. Раскрывшаяся с шумом дверь заставила зазвенеть все эти колбочки и реторты. Я ринулся в операционную. Не знаю, были ли у меня в этот момент какие бы то ни было мысли в голове; я не сознавал, что я сделаю. Но как только я по-

казался на пороге операционной, Уоттон встретил меня холодным, твердым взглядом, сразу отрезвившим меня.

Без сомнения, он слышал стук двери, слышал необычайный вой собак и знал, что кто-то вошел. Я замер на месте при виде Регины, безжизненное тело которой лежало на столе.

— Все идет великолепно! — сказал Уоттон бесстрастным голосом. — Сыворотка уже начинает действовать...

Я впился глазами в лицо Регины и ждал. Прошел ли час, прошла ли ночь — не знаю. Мне казалось, что минуты бодрствования сменялись для меня минутами обмороков. Но каждый раз, когда сознание возвращалось ко мне, я видел бесстрастное лицо профессора и бледное лицо Регины.

Треск машины, казалось, увеличивал тишину операционной. Несколько раз Уоттон подливал в цилиндры сыворотку, и то усиливал, то ослаблял ток.

Наконец, тело Регины начало конвульсивно вздрагивать, и глаза профессора загорелись огнем. Все во мне дрожало. Казалось, что сердце не выдержит этого напряжения. Было страшно тихо...

— Пульс 3... 7... 15...

Эти слова, как музыка, зазвучали в моих ушах. Кажется, я ненадолго потерял сознание.

— Пульс 5 , дыхание 11...

Щеки Регины покрылись слабым румянцем, и грудь ее медленно поднималась. Мы наклонились над ней так, что наши головы касались одна другой.

— Она жива? — еле шевеля губами, спросил я.

— Да, жива...

Глаза Регины открылись, и она вздохнула глубоко и спокойно.

Кобра ужалила Уоттона в ногу.

Но тут произошла сцена, которую, конечно, никто из нас предвидеть не мог. Мы так углубились в наблюдение над пробуждением Регины, что забыли совершенно обо всем во свете.

Вдруг профессор дико вскрикнул и, обернувшись назад, схватился за ногу выше колена. Я бросился к нему и оцепенел от ужаса.

Раздув свой капюшон и извиваясь на хвосте, громадная индийская кобра, шипя, металась из стороны в сторону. Я понял все. Она ужалила Уоттона в ногу...

Но рассуждать было некогда. Я схватил табуретку, размахнулся и ударил. Я разможил голову змеи с одного удара, и она лежала теперь, извиваясь в предсмертных судорогах.

Профессор стоял бледный, с горящими глазами.

— Слушайте, Джонатан! Укус кобры смертелен. Смерть — через 5—6 минут. Не останавливайте аппарата, снимите Регину со стола и переколите иглы мне. Вылейте остаток сыворотки в цилиндры. Это моя просьба, Джонатан!

Говоря это, Уоттон бледнел все больше и больше; наконец, он упал замертво.

Падая, он задел своим телом аппарат. Раздался страшный грохот и звон — и у ног моих лежали лишь обломки того, что за минуту до этого так гармонично и стройно работало. Скланка с «сывороткой бессмертия» тоже оказалась разбитой...

Что мне было делать?! Я наклонился над Региной; иглы при падении аппарата вырвались из ее тела, и она лежала на столе, слабая, измученная, — но живая. Конечно, первым делом было перенести ее в дом и позвать людей. Так я и сделал.

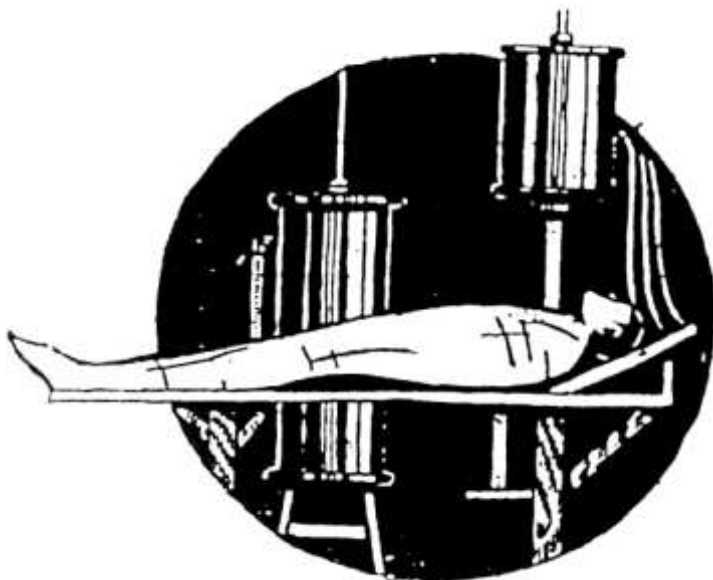
На следствии по делу о смерти профессора Уоттона я чистосердечно и прямо рассказал все, как было, все, чему свидетелем мне пришлось быть. Документы и записки профессора не дали ничего. Там хотя и упоминалось о «сыворотке бессмертия», и нашлись чертежи аппарата, но ни соотношения частей, ни химических формул не оказалось.

Так опять человечество потеряло бессмертие, которое оно уже держало в руках.

Как выяснилось потом, кобра была та самая, над которой Уоттон только что проделал свой опыт. Он, думая, что она еще не скоро окрепнет, не запер ящик, в которой поместил ее. Остается сказать несколько слов о Регине, теперь совершенно здоровой, если не считать того горя, которое испытывает она от потери

отца. Когда минет год со дня похорон — мы станем мужем и женой.

Вот и вся эта странная, и такая трагическая по своему финалу история.

И. ИВАНОВИЧ

СОЗВЕЗДИЕ «ДЫМТРЕСТА»

Юмореска

Иллюстрации В. Селиванова

И. Иванович

СОЗВЕЗДИЕ «ДЫМТРЕСТА»

Опубликовано в журнале «Мир Приключений», № 10,
1927 г.

Светила обычно окружены спутниками.
(Нач. астрономия)

В Дымтресте ждали нового Зава.

Канцмуравейник подтянулся. Никто не опоздал более 120 минут, кроме Сюкина. Сюкин был ответственным хранителем журнала своевременного прихода на службу, или сокращенно: Жохр. Когда он вошел, крысовод Притыкин, заведующий архивом, громогласно ему объявил:

— Большой рефрактор наготове!

— Как звездное небо? — спросил Сюкин.

— «Сириуса» пока не видно. «Малый Пес» исжевал себе всю бородавку. «Глаз Тельца» вылезает из орбиты, — волнуется.

пояснил Сюкин. — Ликвидните-ка безграмотность, Пал Палыч.

— Еще кого ликвиднут — вопрос... — донеслось из печки.

В дверь протиснулся пухлый ворох бумаг, плюс — пухлая секретарша с глазами коровы.

— Где все рассыльные? Не дозвонишься... — с трудом вытиснулась в корридор.

— «Альдебаран» или «Глаз тельца» в поисках «Гончих Псов». — Сюкин

— По чему заметно?

— По «Млечному пути» ходуном ходит.

Сюкин хихикнул.

— Временное затмение... Жди каникул...

Завхоз Гужеедов перетряхал золу в печке. Рассердился.

— Опять — тарабарщина? Волынщики...

— Не тарабарщина, астрономия, —

подмигнул Притыкину: «Убывает»?

— На ущербе. Опять завертелась по прежней орбите, — хихикал другой «астроном».

— Но в иной плоскости эклиптики. Ха-ха!.. Хвост кометы!.. Хо-хо! Центр потеряла!..

Пишбарышня Гулькина, с ожесточением насилувавшая машинку, передохнула и попудрила нос:

— Как вы, граждане, не умничайте, а понять все можно...

— Вам ли не понять! Ведь и вы, Тамарочка, к созвездию «Большого Пса» причастны, — съязвил Сюкин.

— Звездочка «ню», шестой величины, — подтрунивал Притыкин. — Ныне — идет попятным движением...

— И ничего подобного!.. — пишбарышня надула губки и с удвоенной энергией обрушилась на машину.

— Тьфу!.. Обормоты! — Гужеедов выругался и вышел, оставив за собой след золы.

— Чего «Волопас» злится? — спросил Сюкин. — Ишь ты, целую угольную шахту отрыл...

— Ключ от кабинета Зава потеряли. Замок ломать пришлось, так вот ищет задним числом.

— «Что потеряешь раз, того уж не вернешь» — запел Сюкин. — С нашим прежним Завом многие что-нибудь потеряли... Даже своих «спутников»... Анна Пална! — лягнул он вторую машинистку, что, ваш же-них нашелся?

Та сердито встала и, хлопнув дверью, вышла.

«Астрономы» заржали.

— Тоже хвост угасшей кометы...

— «Люблю тебя, моя комета, но не люблю твой бывший хвост»...

Сюкин и Притыкин увлекались астрономией и, благодаря своему злому жаргону, терроризовали сослу-

живцев, плохо понимавших их язык. Архив, где Притыкин разводил крыс, помещался рядом с кабинетом Зава, в кабинет из Архива вела заколоченная дверь. На языке «астрономов» Архив именовался Пулковской Обсерваторией, а замочная скважина — большим рефрактором. Вся канцелярия имела свои астрономические имена: Зав — «Большой Пес» или «Сириус», Помзав — «Малый Пес», секретарша — «Глаз тельца», ревкомиссия — «Рыбы», казначей — «Козерог», главбух — «Водолей» и т. д.

Теперь Зава перевели, ждали нового.

Сюкин поклонялся по канцелярии:

— Что это у нас как будто сыро?

— Это от отчета. Водолеева работа, кивнул на машинистку Притыкин. — Оправдывает старик свое название.

Машинки грохотали. Сюкин подошел к ретивой девице.

— За что вы ее так истязуете?

— Спешно велено...

— Сколько же листов?

— Отчеты не листами, а пудами меряют, — опять отозвался Притыкин.

Наконец, Зав явился. Он проследовал в кабинет в сопровождении помощника.

— Прямым восхождением, — подмигнул Сюкин.

Притыкин отправился на дежурство в «обсерваторию». В дверь заглянул Главбух, кивнул на кабинет Зава:

— Что, как там?..

— Противостояние «Большого» и «Малого Пса», — шепнул Сюкин.

Часа через полтора Притыкин излагал Сюкину «бюллетень»: «Пулковская обсерватория» доносит: на месте «Сириуса» пока большая туманность. «Малый пес» лягнул «Козерога», говорит, не дело финлицам по «Трокадерам» таскаться. «Рыбы» должны произвести спектральный анализ «Козерога» на предмет целости кассы. Затребованы списки всей системы «Большого Пса». Держись, «Кастор»...

Прошло несколько дней. Появилась новая секретарша — девица в красном.

— Вступаем в знак «Рака», — констатировал Сюкин.

— Бедный «Глаз Тельца» — вздохнул Притыкин.

Новая секретарша обосновалась в кабинете Зава, — шла какая-то спешка. И «обсерватория» не дремала. «Большой рефрактор» все время находился в действии.

Канцелярия, вместе с Землей, вертелась спокойно еще несколько дней. И вот, в разгар спешки, из мировых бездн появилось блуждающее тело в юбке, видом

похожее на просфору. Тело без доклада проследовало в кабинет Зава.

Сюкин широко раскрыл глаза:

— Отметим несвоевременное восхождение «неведомого светила»...

Из кабинета доносился взволнованный говор голосов: мужского тенора и женского баса. Быстро вылетела раскрасневшаяся секретарша.

— «Рак» с эклиптики свернулся — констатировал Сюкин.

Через минуту метеором пронеслось неизвестное светило, тоже похожее на рака.

Прибежал «с поста» Притыкин и, захлебываясь, доложил Сюкину:

— Необычайное возмущение в межпланетных сферах. В момент прохождения «Рака» через «Сириус», вынырнула «Большая Медведица». «Сириус» сразу потух. «Рак» вспухнул. «Медведица» возмутилась, из ее недр потоком хлынули «Скорпионы», «Гидры» и «Драконы». Внимание, «Поллукс»!..

Близнецы долго заливались веселым смешком.

Земля вертелась... Вдруг, в «Дым-тресте» пронесся слух о сокращениях. Когда однажды к Заву в кабинет прошел Помзав с подозрительной бумажкой, Сюкин не утерпел и отправился к другу в «обсерваторию».

В тот же момент дверь отворилась, Зав с Помом появились на пороге.

— Я вам говорю, — это неисправимые лодыри и вообще, — говорил о ком-то Помзав, — насмешники в общем и целом... Всем прозвищ надавали и вообще... Они и вас «псом» каким-то именуют, и вообще... по щелкам подглядывают...

— Хорошо. Мы потом обсудим этот вопрос... Не волнуйтесь...

— Да вот, поговорите с Завхозом, если не верите мне...

Через несколько дней из звездной системы «Дым-треста» было вычеркнуто только одно созвездие — «Близнецы». Все остальное на месте, и по-прежнему вертится вокруг своего центра.

.....

А. ЗАРИН
(К. ДЖИНГЛЬ)

ОПЛОШНОСТЬ

Фантастический рассказ

Джингль К. [Зарин А.]

ОПЛОШНОСТЬ

Опубликовано в журнале «Вокруг света» № 21, 1928 г.

— При скорости 30 узлов в час нашим пароходам нечего опасаться пиратов. У меня тут внизу 3.000.000 долларов золотом для Нью-Йорка, а на всем корабле нигде нет даже и намека на пушку. Вы живете в прошлом веке, Джемс. Пиратство, как профессия, умерло...

Сказав это, капитан «Амброзии» тяжело опустился в кресло. Погода стояла великолепная. Огромный корабль быстро скользил по спокойному океану. Обед был кончен, и в курительной комнате покер был в полном разгаре, но ничегонеделание решительно более соответствовало настроению разговаривающих.

М-р Джемс и его товарищ м-р Лайм имели на корабле лучшие парадные каюты. Они сильно отличались наружностью, манерами и поведением от остальных пассажиров океанского гиганта. Лайм — тонкий, ловкий, темноволосый — принадлежал к тому типу мужчин, который женщины обожают, а большинство мужчин с трудом переваривает. Его губы были красны,

пальцы, с безупречным маникюром, гибки и нервны. Его смех был очень приятен и обнажал ряд крепких и белых зубов, но даже при смехе он не сощуривал глаза, и они блестели странно и изменчиво. Но этот смех редко бывал искренним, и производил странное впечатление. Что-то такое было в его поведении, что наводило мысль на старательно замаскированную и спрятанную трусость.

Джемс был совсем из другого теста. Он редко улыбался, и имел вид очень самоуверенного светского человека, привыкшего все требовать и все получать. Его сросшиеся брови придавали лицу несколько мрачное выражение.

Лайм мягко рассмеялся на заявление капитана. Джемс только кивнул.

— Вам и карты в руки! — сказал он. — Но я часто думал, что эти огромные корабли с их обширными и разнообразными богатствами представляют собой чрезвычайно соблазнительную приманку для смелых людей, у которых голова на плечах. Но вы правы: 30 узлов в час — это смертный приговор для пиратов.

Вошедший матрос передал капитану радиogramму. Он прочел ее.

— Предупреждение полиции о грабителе, который выскользнул из ее рук. Дают описание его наружности. Вы видите, даже беспроволочный телеграф в наши дни против пиратов. Я случайно узнал, что преступник уже пойман. Я получил радио с другого корабля, на котором его арестовали, поэтому и разрешил себе сказать вам об этом. Но...

— Что случилось, Лайм? Морская болезнь? — вскриуаа Джемс, хлопая товарища по плечу.

Лайм был зелено-желтым. Качка была очень незначительна, но желтизна его лица, действительно, напо-

минала о припадке морской болезни. Он слабо улыбнулся и покачал головой.

— Это сейчас пройдет. Это из-за проклятых манильских сигар, которые вы заставили меня попробовать. Вы знаете, что я их не курю и, кроме того, я плохой моряк. Малейшая качка на меня действует. Я выйду на палубу и скоро вернусь.

Когда Лайм вышел, Джемс продолжал свою мысль:

— Слава богу, что пиратство не имеет ничего общего с исчезновением затонувших сокровищ. В конце концов, доставать золото с потерпевшего кораблекрушение судна, может быть, так же прибыльно, как и ограбить вашу стальную комнату. Как раз по этому вопросу с Лаймом едем теперь в Нью-Йорк.

— В поисках капиталистов? — спросил капитан.

Джемс покачал головой.

— У нас есть капитал. Мы должны поехать в Нью-Йорк, чтобы нанять судно на место работ. Золото, за которым мы охотимся, в полноценных золотых монетах. Другие искатели промахнулись, потому что их аппараты были беспомощны. Мы имеем кое-что более верное. Лайм изобрел луч, который может действовать даже сквозь воду. Он режет сталь, как сыр, и может также поджечь целый город или корабль.

— Это что-то похоже на сказку! — ответил капитан несколько хмуро. Он посмотрел из-под полуопущенных ресниц на лицо Джемса, как если бы обнаружил на лице своего собеседника признаки умственной дефективности, но в эту минуту вернулся Лайм. Он остановился в дверях, менее желтый, но не совсем успокоенный. Джемс позвал его.

— Капитан думает, что ваш луч — детская выдумка! — сказал он, подзадоривая Лайма. — Мы ему покажем, а? Вы ничего не будете иметь против, капитан, если

завтра мы устроим вам маленькое представление. Это будет очень легко сделать. Сложите где-нибудь в кучу ненужные вам куски стали, бидоны, несколько листов железа и дерева. Лайм вам устроит из этого хорошую кашу. Сложите ее лучше всего на какой-нибудь платформе так, чтобы палуба корабля не пострадала. Это доставит вашим пассажирам захватывающее развлечение. Мне очень хотелось бы убедить вас. Вы можете больше не верить в пиратов, но когда вы смеетесь над возможностью вскрыть при помощи этого аппарата стальные ящики, которые погребены на дне моря, то вы меня обижаете, капитан...

— Если у вас действительно есть такой приборчик, я бы охотно посмотрел, как вы работаете, — смеясь, ответил капитан. — Во всяком случае, это развлечет пассажиров. Только постарайтесь не расплавить моего корабля. А теперь желаю вам спокойной ночи.

Когда капитан встал, чтобы выйти, опять принесли радиogramму, но на этот раз она была для Джемса. Он прочел ее с улыбкой и передал ее Лайму.

— Счастье, кажется, нам сопутствует, — заметил он. — Те бумаги, которые мы приобрели, поднялись.

Капитан не был заинтересован в чужой биржевой игре, поэтому ушел и оставил их вдвоем. Как только капитан вышел, Джемс свирепо схватил Лайма за плечо и сжал его до боли. Лицо Лайма опять позеленело.

— Пойдемте-ка, мне нужно с вами серьезно поговорить.

На корме они остановились. Никто не мог их там подслушать. Джемс взял своего компаньона за отворот пиджака и заговорил с ним ласково и убедительно.

— Возьмите себя в руки, Лайм. Кэнт в полной безопасности. Он говорит, что авиация на высоте. Вы понимаете, что все это значит? С этой стороны все в по-

рядке. Капитан попался на удочку, как слепая рыба. Теперь все зависит от нас и ничто не может нам помешать — если с вами опять не сделается дурно.

Его спокойный голос резко переменился. Он хрипло и злобно добавил:

— Если вы теперь поддадитесь, я задушу вас этими руками! Вы поняли меня?..

Немного нужно для того, чтобы пробудить любопытство хорошо откормленных и бездеятельных пассажиров большого океанского парохода.

Завтрак был окончен, и публика расположилась на палубе подышать морским воздухом и посмотреть обещанное Джемсом «представление». Скоро вся носовая часть пассажирской палубы наполнилась народом. На самом носу корабля офицер распоряжался возведением кучи из всякого корабельного хлама. Лайм на некотором расстоянии от нее пристраивал какой-то черный ящик, и Джемс помогал ему. Аппарат, который они пристраивали, был очень скромного вида и размера, но внутри было необычайное накопление электрической энергии. Как только Лайм нажал какую-то кнопку и повертел какой-то винтик, из ящика раздалось жужжание, столь сильное, что разнеслось по всему кораблю. А когда Лайм нажал другую кнопку, из аппарата вырвался сноп такого ослепительного света, что что даже солнце, казалось, потускнело.

Лайм волновался. Это было заметно для всех. Джемс непрестанно что-то нашептывал ему, но что именно — было не слышно.

На мостике вместе с капитаном стояли вахтенные офицеры и несколько избранных пассажиров. Когда все было готово к опыту, Лайм стал на колени у своего аппарата, а Джемс обратился к мостику и пассажирам, столпившимся на палубе.

— Леди и джентльмены, м-р Лайм сейчас покажет вам несколько опытов, и вы убедитесь в чудодейственной силе луча, который он изобрел. Мы его предназначаем только для того, чтобы извлечь золото из корабля. Но вы сейчас сможете убедиться, что, в случае необходимости, этот луч может быть использован гораздо шире. Пускай, Лайм!..

Пассажиры, решив, что это развлечение не стоило их внимания, собирались разойтись в поисках другой забавы. Но в эту минуту Лайм направил луч своего аппарата на сложенную кучу. Стальной бидон для масла, только-что блестящий над кучей сложенного хлама, вдруг исчез, не оставив после себя ничего, кроме нескольких черных пятен. Даже капитан остался без слов. И радист, выскочивший из своего помещения с протянутой радиограммой, не мог привлечь его. Радиограмма была передана капитану как раз, когда Джемс напряженно в десятый раз вглядывался в небо. Лайм был так взволнован, что направил луч несколько ниже, чем думал, и мгновенно вся куча железа, стали и дерева задымила, расплавилась и исчезла.

— Чорт вас возми! — почти крикнул Джемс, — возьмите себя в руки, наконец. Я готов поспорить, что радиограмма, которую капитан сейчас держит в руках, касается украденного аэроплана. Поверните-ка луч и расплавьте к чорту антенны.

Лайм беспрекословно повернул луч в сторону стальных проволок антенны, и она меньше, чем в секунду, исчезла. Радист выскочил, как помешанный, из своего помещения. Все взоры устремлены были вверх, на мачты. Капитан хотел что-то крикнуть, но Джемс опередил его.

— Не портите своего голоса, капитан. Не смейте никто двинуться с места! Лайм, снимите-ка крышу на

конце мостика...

Дерево навигационной каюты и толстое, шлифованное стекло, не далее, чем в двадцати шагах от капитана, мгновенно расплавились. Воздух дрожал от странного гула, как от миллиона пчел в жаркий летний день. К этому звуку неожиданно присоединился другой, еще более грозный. К пароходу, со скоростью 200 миль в час, летел аэроплан.

Джемс заговорил опять, и в его голосе чувствовалась стальная решимость.

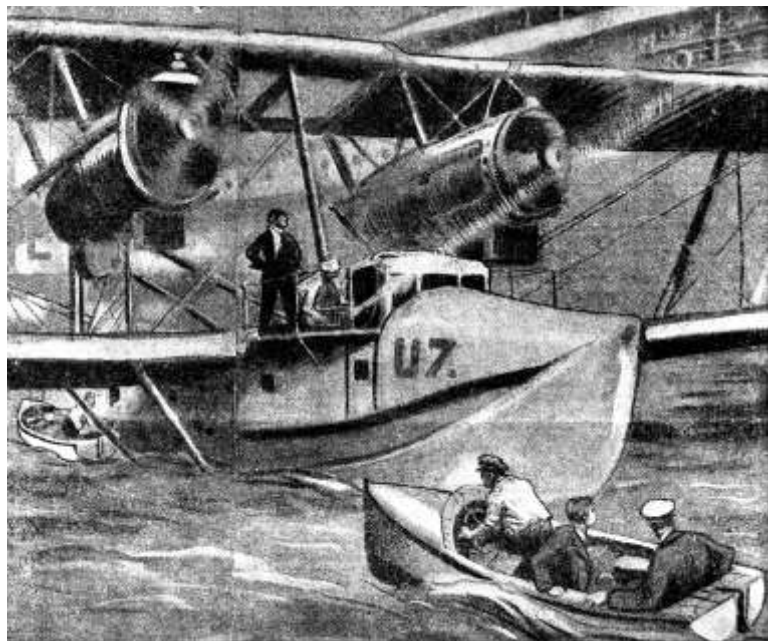
— Мне нужно ваше золото, капитан! Доставьте его сюда на палубу. При первом подозрительном движении мы направим луч вдоль корабля. Я даю вам 15 минут...

Быстро, подобно молниеносному ястребу, огромный аэроплан опустился на воду. Он скользил теперь на воде рядом с кораблем с одинаковой с ним скоростью. Все на борту «Амброзии» знали этот аэроплан, хотя никто из них не видел его раньше. Это был аппарат последнего выпуска, созданный специально для кругосветных полетов. Его грузоподъемность была 40 человек и 10 тонн груза, исключая его собственный вес. Сегодня утром он должен был вылететь в свой первый безостановочный рейс вокруг света.

Под крыльями в специальных гнездах находилось два баркаса и, как только аэроплан оказался на воде, баркасы были спущены и взяты на буксир. Человек в шлеме вышел из каюты аэроплана и остановился на площадке между крыльями. Другой раскрыл какой-то ящик, который оказался точной копией адской машины Лайма.

— Остановите машины, капитан! — крикнул первый из них в упор, — Джемс, поторапливайтесь с вашим багажом...

Капитан решил уступить. Он был потрясен необычайной наглостью этого нападения. Смертоносный луч, кража военного аэроплана специально для того, чтобы ограбить его корабль — все это доказывало наличие такой смелости, перед которой он чувствовал себя беспомощным.

Пришлось сделать несколько поездок.

Пароход остановился. Баркасы аэроплана причалили к спущенному трапу, и матросы корабля сложили в них золото. Пришлось сделать несколько поездок. 3.000.000 долларов в золоте весили порядочно... Пассажиры, убедившись, что им не грозит непосредственная опасность, наблюдали за всем происходящим с большим интересом. Джемс был прав, когда предве-

щал, что доставит им волнующее развлечение. Лайм сложил свой аппарат, но другой аппарат, находившийся на аэроплане, был все время наготове. Джемс и Лайм сели в баркас вместе с последним грузом. Лайм дрожал так сильно, что, сходя по трапу, споткнулся и уронил драгоценный луч в воду. Он сам последовал бы за ним, если бы Джемс его вовремя не удержал.

Через несколько минут, когда все золото было сложено на аэроплан и баркасы прикреплены по местам, человек, стоявший у второго аппарата, передал в рупор капитану разрешение кораблю следовать дальше. Моторы аэроплана были пущены в ход, но, отягченный большим грузом, он отделился от воды только через пол-мили. Подобно альбатросу, он взвился в воздух и полетел с такой быстротой, что уже через две минуты огромный корабль превратился в еле заметную точку. Тогда экипаж аэроплана радостно приветствовал Джемса и Лайма...

Кэнт, командовавший экипажем, носил на своем лице все следы офицера, сбившегося с истинного пути. Впрочем, он мало чем отличался от Фигга, который занимался моторами, и Брока, мускулистого атлета, обладавшего такой силой, что даже поднимая тяжелые ящики с золотом, он весело свистел. Молчаливый Тодд, усиленно чистивший спичкой ногти после всякой работы, тоже представлял собой тип, уже довольно частый в послевоенной Англии. В общем, весь экипаж, состоявший из шести человек, являл сейчас довольно забавную коллекцию молодых людей, только сейчас осознавших свое настоящее призвание.

— Все прошло великолепно, — радостно заявил Кэнт после того, как скорость и направление аэроплана были урегулированы. Внутри кабины шум моторов почти совсем не был слышен. Течение встречного воз-

духа, несмотря на быстроту в 200 миль в час, точно ласкало металлические крылья. Джемс посмотрел внимательно на Лайма, который все еще дрожал.

— Да, только Лайм заболел не вовремя морской болезнью и потерял свой ящик, покидая корабль. Нет ли у вас чего-нибудь выпить для него?..

— Ничего, — коротко ответил Кэнт. — Мы ведь решили не брать с собой ни одной бутылки виски. В Корво оказалась какая-то проклятая радио-станция, о которой я ничего не знал. Мне здорово осточертело радио. Теперь я уверен, что весь свет только о нас и говорит. Мы немного запоздали с вылетом, потому что Фигг нашел какую-то неисправность в моторе и долго провозился с этим. Вся публика уже собралась, когда мы смогли подняться. Они направили на нас пушки, но, как видите, и у нас все обошлось благополучно. Теперь мы летим к острову Формигас. Там никого и ничего нет, кроме скал. Если мы спрячем ящики среди камней, они будут в большей безопасности, чем в любом банке. Кроме того, это довольно близко от населенных островов, и удобное место, чтобы избавиться от аэроплана.

— Я не понимаю, почему мы не можем прямо спуститься на берег, — вставил Брок. — Вся эта возня мне кажется лишней...

— Следи лучше за аппаратом, парень, мы и без тебя решим, — сказал Тодд спокойно.

— Мы будем над Формигасом через четыре часа. Туда только 800 миль, — объяснил Кэнт.

— Прямо туда, в таком случае, — сказал Джемс. — Мы должны поспеть до захода солнца и рассмотреть местность, а спустимся только в сумерки.

Море было гладко, как скатерть, и небо полно звезд, когда огромный аэроплан вынырнул, наконец, с

остановившимися моторами над диким островом. Когда они оказались над островом и медленно парили в заходящих лучах солнца, они обыскали в морские бинокли каждый утес и каждый ров. На всем Формигасе не было ни одной человеческой души. Они не только успели обследовать каменистый остров, но определили приблизительно направление и расстояние близлежащих островов.

Переноска золота была закончена очень скоро. Один из ящичков они вскрыли и поделили содержимое поровну между всеми. Остальные ящики были осторожно спущены в воду в расщелины скал ниже уровня прилива. Потом друзья опять оказались на аэроплане. Буксиры были подняты и моторы пущены в ход.

— Полный вперед! И перед рассветом мы покончим с этой машиной, — сказал Джемс.

Теперь, когда золото было в безопасности, к нему вернулось хорошее расположение духа. Он даже дружески пошутил с Лаймом. Аэроплан с максимальной скоростью летел к пустынным американским берегам.

Детали всего этого «дела» были разработаны до мельчайших подробностей. Каждый из них спрятал золото в кожаный пояс и оделся в заранее приготовленные костюмы, которые придали им всем вид людей, потерпевших кораблекрушение. Когда, с рассветом, они приблизились к берегу, один из баркасов был приготовлен к спуску. Они не взяли с собой никакой провизии, кроме шести фляг с водою и немного сухарей.

— Я пойду с Лаймом, — сказал Джемс. — Мы высадимся достаточно далеко, чтобы возбудить чье-либо любопытство, но довольно близко от двух-трех городов, поэтому лучше нам разойтись по двое. Вы ничего не имеете прибавить, Кэнт?

— Нет, я хочу только напомнить вам, чтобы вы не были слишком расточительны, — ответил Кэнт. — Потерпите три месяца, после этого мы все будем плавать в роскоши до конца наших дней. До этого срока надо удержаться.

— Когда у меня будет маленькая квартирka в Париже, я соглашусь ждать и больше, — успокоил его Брок.

Приблизительно на расстоянии полмили от погруженного в абсолютную темноту берега аппарат коснулся воды, и они пересели в баркас. Только Брок оставался на аэроплане. Он должен был замести последние следы.

— Пока вы не заметите, что я оставил аппарат, держите в лодке зажженный фонарь, — крикнул он весело и опять пустил мотор. Огромная машина поднялась и скоро исчезла из виду.

Лайм сидел в баркасе, весь съежившись. Баркас был маленький, а вода темная и страшная. Жужжание пропеллера доносилось все слабее. На известной высоте Брок должен был бросить машину и спуститься на парашюте, со спасательным поясом вокруг груди. Аппарат держался бы раз данного курса и скорости, благодаря особым приспособлениям, — Брок должен был только дать ему северо-восточное направление и сейчас же спуститься.

Но уже давно прошло время, назначенное для спуска Брока...

— Он не мог же убиться о воду... — сказал Фигг. Они пронизывали электрическими фонарями темное море вокруг себя, но нигде не было признаков Брока.

— Возможно, что парашют не открылся вовремя, — проговорил, наконец, Кэнт.

Лайм вскочил на ноги с такой стремительностью, что баркас закачался.

Они пронизывали электрическими фонарями темное море вокруг себя.

— Первый Брок! Кто следующий? — крикнул он истерическим голосом. Джемс схватил его за плечи и бросил на дно баркаса.

— Не распускайте нюни, — сказал он. — Брок добровольно пошел на это дело, и нам не в чем обвинять себя. Это все равно не вернет его.

— Пора высаживаться! Держите к берегу...

С рассветом они, наконец, высадились на берег. Джемс вытащил из дна баркаса пробку и пустил его на полном ходу обратно в море. Постепенно погружаясь в воду, баркас прошел некоторое расстояние и скоро затонул окончательно. Таким образом, все следы преступления были замечены, и самому пронизательному сыщику было бы трудно найти связь между исчезновением аэроплана, ограблением парохода и пятью мо-

лодыми людьми, которые, пожав друг другу руки, разошлись на пустынном африканском берегу в разные стороны. Они должны были все съехаться через три месяца на остров Мадера.

— Теперь все в порядке, — сказал Джеймс Лайму, когда они вдвоем тронулись в путь. — Аэроплан будет найден где-нибудь на северных морских путях, и никто никогда не заподозрит нас в этом деле. Через три месяца мы с удовольствием будем вспоминать этот день, поэтому выше голову, мой мальчик!..

Но Лайм грустно покачал головой.

Через два дня после назначенного для встречи срока, Фигг, Джеймс, Кэнт, Тогг и Лайм выходили на старой, но еще крепкой шкуне из Фунчельской гавани. Из предосторожности они предпочитали на берегу не встречаться, но теперь, среди воды, они были рады поздравить друг друга с успехом, который сопутствовал их планам, побеседовать «по душам».

Джеймс уловил возможность сочетать последние достижения техники с давно вышедшими из употребления пиратскими навыками, Лайм украл у сумасшедшего изобретателя сущность электрического луча и приспособил его для своей адской машины. Фигг также имел немало заслуг в этой затее, но на долю Кэнта выпала главная забота о согласовании отдельных способностей этих молодых людей. Поэтому честь выработки плана принадлежала ему. Покупка этой старой и на вид очень ветхой шкуны была произведена им. Никому не могло притти в голову, что смелые пираты, ограбившие «Амброзию» на несколько миллионов, приобретут именно такое жалкое суденышко. Оно было куплено открыто, зарегистрировано в порту Мадеры в качестве «яхты для официально признанной спортивной поездки в Саргосское море». Все они носили

чужие имена, и никто из них не боялся, что их личность может быть установлена.

Теперь никто не видел необходимости воздерживаться дальше от спиртных напитков. Даже Джемс ничего не мог возразить против погрузки на шкуну нескольких ящиков виски, но из предосторожности они все же решили не вскрывать их раньше, чем будет благополучно выгружено и разделено золото.

На палубе шкуны была прикреплена шлюпка. Она была куплена отдельно от шкуны. Кэнт купил ее, несмотря на то, что было много других шлюпок, гораздо новее и больше.

— Нам не нужно слишком большой шлюпки, и этой с нас хватит!...

Шлюпка была доставлена на специальном баркасе и поднята непосредственно на шкуну. Джемс и Кэнт осматривали ее теперь очень внимательно.

Не было уверенности, что состояние погоды будет столь же благоприятным, как и тогда, когда они выгружали золото. Кроме того, возможно, что придется нагрузить лодку выше нормы. Они проверили состояние корпуса и оснастки с необычайной тщательностью.

Независимо от того, чем кончится все это дело, оно должно войти в историю, как образцовое. Самая мельчайшая деталь, самое маленькое обстоятельство были учтены. Все, что могло гарантировать от неудачи, было взвешено и обдуманно сотни раз.

— Мы наполним шлюпку водой и посмотрим завтра утром, нет ли где-нибудь течи.

Когда Формигас показался на горизонте, на шкуне поднялось радостное волнение. В последних лучах заходящего солнца они увидели, очень далеко, одинокий парус, держащий путь к св. Марии. Пока парус совершенно не исчез на востоке, шкуна не приближалась к

берегу. Наконец, в темноте ночи шлюпка была спущена со шкуны, проверенная до последней планки. Перед тем, как спустить якорь, они внимательно осмотрели берега. Все было неподвижно и спокойно. Четверо из этой хорошо вскормленной трехмесячным отдыхом компании подошли, наконец, на шлюпке к утесам, где было запрятано золото, и погрузили его в шлюпку. Лайм остался на шкуне, не будучи достаточно сильным, чтобы справиться с тяжелыми стальными ящиками. Он оставался на палубе шкуны, поддерживая в себе бодрость при помощи виски, которую он утаил от Джемса. Вопреки уговору не пить раньше, чем дело не будет сделано, Лайм тайком пил. Но мерцающий свет на берегу, который указывал на происходящую погрузку, бросал его в дрожь. Даже когда шлюпка, нагруженная ящиками до такой степени, что двоим пришлось плыть рядом с ней, чтобы она не опрокинулась, подошла к борту, Лайм не почувствовал себя счастливым. Ночь всегда вселяла в него беспокойство, которого ничто не могло успокоить. Одним из пловцов был Джемс. Он знал лучше, чем кто-либо из них, как много риску было в такой перегрузке. Одного неловкого движения, самого слабого крена, было достаточно, чтобы шлюпка зачерпнула воды и драгоценный груз пошел ко дну. Потеря лодки означала бы потерю всего. Он плыл рядом со шлюпкой и держал одну руку на борту. Он оставался все время в воде, поддерживая ее равновесие, пока остальные члены экспедиции выгружали ее, и только, когда лодка была поднята, Джемс вскарабкался на палубу.

Видя, как низко она сидит в воде при такой нагрузке, Джемс решил поднять борт и прикрепить добавочную планку, как только они будут в открытом море. Эта лодка могла им еще пригодиться, и Джемс был че-

ловеком, который сумел все предусмотреть.

Когда последний ящик был поднят на палубу, наступал уже день. Для них это было не очень кстати, так как около Азорских островов всегда много пароходов и рыбачьих шкун. Джемс и Фигг подавали Тодду и Кэнту ящики, а Лайм помогал им. Но с последним ящиком произошло несчастье. Лайм не успел вовремя его подхватить, и ящик, выскользнув, прищемил Тодду руку. Хотя ящик упал с небольшой высоты, но рука Тодда была обезображена совершенно.

— Ничего, — нашел в себе силы сказать Тодд, — я смогу, во всяком случае, стоять у руля.

Джемс увидел, как лицо Тодда покрылось смертельной бледностью. Он быстро вскрыл первый попавшийся ящик с виски и, на ходу сшибив горлышко, вылил часть ее содержимого на раздробленную руку Тодда. Потом перевязал ее, а остальное виски вылил в его глотку.

Когда шлюпка была водворена на место, шкуна двинулась по направлению к пустынной части Атлантического океана. Пока Лайм и Фигг были заняты размещением ящиков с золотом, Тодд стоял у руля, а Кэнт и Джемс принялись за шлюпку и не бросили работать, пока не привели ее в полную исправность — борта шлюпки были теперь на три вершка выше. Когда, наконец, со всем этим было покончено, широкоплечий Кэнт сказал маленькую речь.

— Друзья, чем скорее мы будем на берегу, тем скорее мы вернемся в нашу дорогую Англию и станем жить уважаемыми джентльменами. Пока, что — к чорту старого трезвенника Джемса, — нам нужно выпить немного виски, чтобы достойным образом отпраздновать наш успех и поднять настроение. Мы слишком долго

были лишены этого дара богов. Лайм — тащите сюда парочку бутылок.

Лайм не заставил себя просить дважды. Он побежал в трюм. Вскрывая ящик, разбил четыре бутылки, и через минутку вернулся на палубу с целым запасом бутылок.

Атлантический океан между «северным путем» и Саргосским морем посещается редко. Шкуна плыла в открытом море больше недели, и ни разу не встретила пароходный дымок. Джемсу, как единственному непьющему из всей компании, было вручено командование. Он знал, что при таком пьянстве, которому предались его друзья, запаса виски хватит ненадолго, и решил, что лучше пусть они уничтожают его сейчас, прежде чем приблизятся к берегу иль мореходному пути — и не мешал им пить.

Рука Тодда была уродлива. Джемс каждый день делал ему перевязку. Тодд пил не меньше остальных, и это заглушало адскую боль, которую он должен был испытывать.

Погода изменилась. Шкуна была на полдороге от американского берега. На горизонте уже стали изредка попадаться дымки пароходов. Шкуной по очереди управляли Джемс и Кэнт— они успешно справлялись с этой задачей, так как оба до перехода в авиационный корпус были морскими офицерами. Они отлично понимали значение юго-западных ветров, но ошиблись в устойчивости старой шкуны. По мере того, как крепчал ветер и усиливалась непогода, их шкуна скрипела все сильнее и сильнее. В течение двенадцати часов они, несмотря на работу насосов, набрали пять футов воды. Наконец, Джемс остановил людей, работавших у насосов.

— Придется, очевидно, перебраться в шлюпку. Подымите, во всяком случае, ящики на палубу. Надо это сделать сейчас, пока можно.

Команда, которая вторую неделю не расставалась с виски, была сильно раздражена. Она проклинала Джемса, проклинала море и друг друга. Джемс, безразличный ко всему, что не имело прямого отношения к безопасности шкуны и золота — не обращал на эти проклятия никакого внимания. Он работал за четверых и сам справился с набухшими от зловещего ветра парусами. Но Тодд, управлявший рулевым колесом только одной рукой, так как другой он теперь не мог даже двигать, не в силах был справиться с бушующим морем. Огромная волна, благодаря его неудачному маневру, перекатилась через палубу. Джемс удержался за шкот, и волна окатила его всего, но как только она прошла, он бросился к рулевому колесу. Тодд на своем посту не оказался. Он не мог справиться одно рукой с напором воды и теперь, по всей вероятности, уже присоединился к Броку.

Шкуна боролась с бурей в течение двух дней. Помпы работали день и ночь, но вода подступала все ближе и ближе к палубе, и по всему было заметно, что шкуна скоро совсем откажется держаться на воде. На третий день волнение значительно улеглось, но положение оставалось критическим. Лайм опять впал в состояние, близкое к ужасу. Несмотря на брань и проклятия Кэнта и двух остальных, Джемс решил отобрать остатки виски и спрятал его под замок.

Когда вода достигла пола кают и помпы стали бесполезны, Джемс собрал всех и заявил о неизбежности покинуть шкуну.

— Лучше сделать это сейчас же, — первым откликнулся Лайм, — я видел дымок парохода на горизонте...

Джемс с яростью прервал его.

— Дымок парохода ничего не предвещает для нас, кроме тюрьмы. Мы не желаем окончить наше путешествие на пароходе. Перетащить на шлюпку как можно больше припасов. Вот вам ключи, Лайм — это все, что вы способны сделать. Нужно как можно больше провианта — даже, если для этого нам пришлось бы бросить золото.

— Стоило так рисковать, чтобы потом бросать его, — заворчал Кэнт. — Теперь, когда Тодда больше нет, у нас хватит места для всего. Зачем же, в таком случае, мы так потели, чтобы поднять борта.

Шкуна была пущена по ветру, благодаря этому вода просачивалась гораздо медленнее, и они могли взяться за снаряжение шлюпки.

Когда все золото было перенесено в шлюпку и сложено почти до бимса, Лайм и Фигг перетащили провиант, а Кэнт — ящик с виски. Шлюпка стояла на палубе совершенно готовой, но спускать ее с таким грузом не было возможности.

Джемс отдал приказание перейти в шлюпку. В шлюпке они будут дожидаться, пока шкуна не уйдет под воду.

Пока шкуна медленно и тяжело, точно раненое чудовище, продолжало погружаться, Фигг и Лайм соскочили с шлюпки и втащили еще один ящик с виски. Скоро вода лизнула палубу и еще через минуту овладела ею окончательно. Она подошла к шлюпке, окружила и ее. Скоро шлюпка всплыла. Она ударилась о палубу шкуны килем, потом, с постепенным погружением судна — уже самостоятельно удержалась на поверхности. Добавочные планки оказались очень кстати: борт перегруженной шлюпки едва выделялся из воды.

В течении ночи они каждую минуту ожидали быть опрокинутыми волной, но к утру волнение улеглось окончательно. Лайм хныкал, скорчившись на дне. Кэнт разбил ящик с виски и пил водку большими глотками. Джемс не протестовал — они все слишком продрогли за эту ночь. Когда море успокоилось и настал жаркий безоблачный день, Фигг предложил позавтракать. Джемс достал из ящика с припасами консервированное мясо и бисквиты, а Кэнт занялся маленькой дорожной плитой. Фигг всыпал в кофейник кофе и собирался налить в него воду. Но воды не было. Они посмотрели друг на друга. Была пища, было виски, было золота достаточно, чтобы осчастливить сотни людей на целую жизнь — но воды не было ни капли. Фигг и Лайм начали обвинять друг друга в том, что взяли ещё один ящик с виски.

— Не важно, кто из вас виноват, но тот, кто это сделал, убил нас, — раздался вдруг изменившийся голос Джемса.

Никто из них не притронулся к пище. Она вызывала в них отвращение. Кэнт помог Джемсу выбросить в море весь запас виски, исключая нескольких бутылок, которые были спрятаны под скамейку Джемса. Ветер замер совершенно. Жара становилась сильнее. Парус, беспомощно болтавшийся на мачте шлюпки, придавал ей едва заметное движение к западу. Джемс смотрел на парус мрачным и безнадежным взглядом. До берега оставалось не меньше четырехсот миль, и надежды достигнуть его не было никакой. Если ветер усилится, перегруженная шлюпка должна затонуть, если же ветра не будет, шлюпка не сможет сдвинуться с места. Взяться за весла ни у кого не было сил, и мешали ящики с золотом. Дважды в течение дня Джемс предлагал выбросить за борт золото, сесть за весла и

грести по направлению, где проходит путь пароходов — в этом заключался единственный шанс на спасение. И дважды его предложение было отклонено с проклятием.

Ночью, когда вдали показались огоньки какого-то парохода, Фигг вскочил и начал что-то кричать.

— Вас никто не услышит на таком расстоянии, — сказал Джемс, — но, если вы согласны, мы выбросим эту дрянь и двинемся к нему.

Но они не выбросили золото. Они крепко держались за него, точно в нем была еще какая-то ценность... Больше никаких огней они не видели.

На третий день Кэнт и Фигг пили морскую воду. Джемс спал почти все время. На четвертую ночь, пока Лайм управлял еле скользящей лодкой, Кэнт и Фигг, полуобезумев, дрались между собой за золото, которое Кэнт хотел выбросить за борт. Качка, вызванная их борьбой, пробудила Джемса.

— Стойте! — крикнул он хрипло, вытаскивая револьвер. — Стойте! — крикнул он опять, когда лодка, накренившись, готова была зачерпнуть воду. — Перестаньте, или я буду стрелять! — зарычал он еще раз.

Но выстрелить он не успел. Его нальцы свела судорога. Он дико вскрикнул. Шлюпка, накренилась, и враги, потеряв равновесие, полетели в воду и почти сразу скрылись в ее глубине.

Джемс пристально и мрачно посмотрел на то место, где они исчезли. Лайм, который воспользовался сном Джемса для того, чтобы украсть виски, был уже полупьян. Джемс с трудом оторвал свой взгляд от воды и перевел его на Лайма, потом медленно и тяжело заговорил.

— Это была ваша мысль, Лайм, вы сделали возможным осуществление нашего плана. Теперь нас осталось

только двое. Выбросим ли мы это золото или будем пропадать?

— Мы не пропадем, — еле ворочая языком, ответил Лайм. — Сегодня ночью может пойти дождь. Не унывайте, приятель, всё будет хорошо...

Но дождя не было ни ночью, ни на следующий день. Когда Джемс последним усилием воли открыл глаза, солнце ударило ему прямо в лицо. Лайм играл рассыпанными на ящиках и по дну лодки золотыми монетами, брал их полными пригоршнями, швырял в воду и время от времени раздражался безумным смехом. Он произносил бессвязные слова и радостно улыбался.

— Мы едем домой. Джемси я.. Огромная каюта, чудный корабль. Эй, Джемс, проснись, вот наш корабль, разве ты не видишь его?..

Но Джемс увидел его. Недалеко от них остановился огромный пароход. Ослепительно белая шлюпка была спущена и уже подходила к ним. Матросы, сидевшие на веслах, гребли дружно. На лице молодого офицера появилось крайне озадаченное выражение, когда он увидел ящики, на которых сидел Лайм. Джемс узнал пароход; впрочем, это не имело значения, ничего теперь не имело значения. Он зло усмехнулся.

— Вряд ли вам дадут на этом пароходе хорошую каюту. Лучше последуйте моему примеру. С меня достаточно всей этой возни.

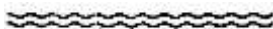
В ту минуту, как спасательная шлюпка подошла к ним, раздался револьверный выстрел. Молодой офицер выхватил револьвер из мертвой руки Джемса, но это была излишняя предосторожность, так как Лайм совершенно не собирался следовать примеру своего товарища. Он радостно приветствовал матросов, предлагая им золото из разбитого ящика.

В ту минуту, как спасательная шлюпка подошла к ним, раздались ревотверных выстрел.

— Много денег, не правда ли? Можно жить, как лорд. Добрая старая «Амброзия»! Я знаю ее. Капитана я тоже хорошо знаю. Дурак говорил, что нельзя ограбить пароход. Хотя, впрочем, он неплохой парень, пойдем навестить его. Следите за моим багажом и возьмите, сколько хотите, себе на чай.

— Благодарю вас, — ответил молодой офицер. — Если память мне не изменяет, я имею честь говорить с мистером Лаймом. Капитан с удовольствием встретится опять с вами. Он часто о вас вспоминает...

Г. ЮРЬЕВ

КРАСНЫЙ МАРС.

(Рассказ пока фантастический)

Г. Юрьев

КРАСНЫЙ МАРС

Опубликовано в литературно-политическом журнале
«Искры» (Ростов-на-Дону) №7, 1923 г

КРАСНЫЙ МАРС

I.

Господин Плошкин: ровный пробор, полосатые короткие брюки, лаковые ботинки, подданство Амбир, толстый замшевый бумажник, лицо общее; собирался в дорогу.

Его жена, та самая, у которой брат за-границей служит лакеем у его сиятельства Врангеля, помогала ему укладывать вещи.

В изящном дорожном несесере лежали: 2000 червонцев, безопасная бритва и носовой платок.

— Ну, как будто все? — вздохнул Плошкин.

— Все — подтвердила жена.

— Уж и вотру же я очки этому Сахартресту! А что вотру, как банкнот ясно.

— Дай господи — молитвенно сложила руки супруга.

Плошкин едет на аэроплане в Харьков брать крупный подряд у Сахартреста. Плошкин человек деловой. Продает все, покупает все: от девочек до спичек. А Сахар-тресту он предлагает не пару ботинок, не фунт дензнаков, а новейшей конструкции заграничные машины. Что и говорить, дельце хорошее, осторожно подойти: триллионами попахивает, неосторожно: тюрьмой в нос бьет.

— Ну, до свиданья, женушка. Жди завтра к чаю!

— Прощай Мишенька. Если, что, не дай господи, приключиться недоброе, упадешь, так ты хоть за провода-то ухватись. Помни, миленький.

Супруги чмокнулись.

II.

Кто каких птиц любит. Кто любит мечтательные переливчатые бусы соловьиных трелей, кто — алый рассветный крик петуха, кто — лесного счетовода дятла, кто — хлопотливого жулика воробья, кто с кукушкой о долголетию совещается, а летчик Неверов любит только одну птицу, серую и стальную — свой аэроплан „Революция“.

Но, как любит! Не только бы жизнь за него отдал, но даже своего сынишку Степку восьмилетнего.

А как дорог ему Степка, единственный, живая память жены умершей — Алены: румянец, что заря, брови — черный атлас, нежная, ласковая, ветерка весеннего радостней.

Страшной смертью умерла. Серенькой смертью. Пришли в деревню белые. Изнасиловал пьяный полковник. На другой день, в пруду утопилась. Зеленый был пруд, илистый.

Неверов гонит от себя стаю черных воспоминаний.

— Сергеич, мотор вычистил?

Механик, маленький суетливый, чешет затылок:

— Еще на заре вычистил, не изволь беспокоиться, Александр Владимирович, Сергеич знает свое дело.

Неверов улыбается:

— Работник то ты, Сергеич, хороший, да человек вот несознательный. Все своею же рабочей властью недоволен.

— Сызмалолетства приучен, не могу без бога, Александр Владимирович.

— А ты побори в себе раба, будь человеком.

— Гордость — порок, Александр Владимирович.

— Раболепство — удел пресмыкающихся. Брось ты, Сергеич, верить богу, меньшевикам и всякой сволочи.

Закипает спор, но работа идет своим ходом.

Выкаченный из ангара самолет „Революция“, омытый мелким бисерным дождем блестит, как умывавшаяся красавица будущего.

В воздухе сыро.

День как капризный ребенок. То закроет глаза-солнце кулаченками-тучами и захнычет раскатами отдаленного грома, то опять улыбнется лучами и теплом. Потом опять заплачет и... нудный, мелкий противный дождик.

Шум мотора.

Из автомобиля выпрыгнул, размахивая нессесером, Иван Спиридонович Плошкин.

Влезая в кабирку аэроплана с заискивающей улыбкой, попросил Неверова:

— Уж вы будьте добры осторожнее, чтобы нам о фабричную трубу не зацепиться.

Неверов рассмеялся:

— Вы не беспокойтесь, я свое дело знаю. Вы только из окна не выглядывайте, а то можно о телеграфный столб носом стукнуться!

III.

Необъятный синий простор.

Силой и отвагой наливается тело.

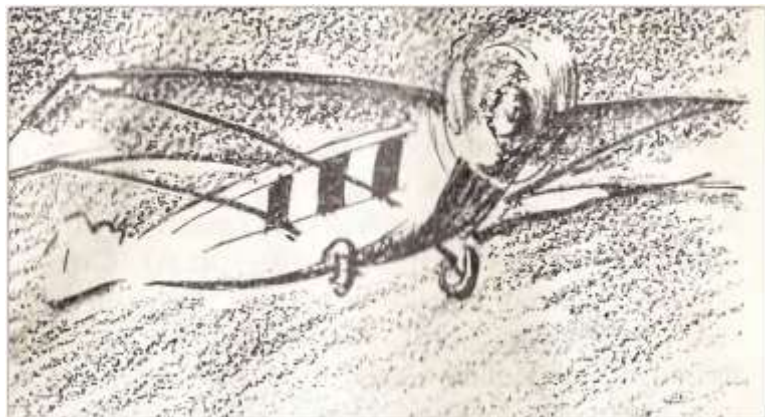
Трррра-а трррра-а поет пропеллер.

Счастье, счастье — поет человек.

Как жалок полет птицы, рядом с полетом человека.

Вот далеко внизу судорожные взмахи уставших птиц.

Еще ниже город. Маленький, маленький. Дома, как игрушечные кубики сынишки Степки.

Только здесь Неверов чувствует себя настоящим человеком — царем природы.

Мягко и плавно режет аэроплан голубую даль.

Внизу мелкают пятна желтые, серые, зеленые: деревни, города, леса, поля.

Солнечные, зайчата играют в чехарду на резвом пропеллере.

Воля, воля, воля.

Воля безграничная, воля необъятная.

Еще поворот рычага.

Еще быстрее. Еще больше свестит ветер.

Но что это?!

Аэроплан вдруг забарахтался, как ребенок брошенный в море, беспомощно качаясь то влево, то вправо. Завяз крыльями. Как муха в паутине. И сразу остановился.

Неверов зажмурил глаза: сейчас камнем вниз, здесь не спланируешь.

Показалась голова Плошкина с невероятно выпученными глазами.

Дрожащий пискливый голос спросил:

— Что слу.. случилось?

Неверов нашел силу шутить, таким смешным казался ему Плошкин.

— Да ничего особенного. Механик папироску вертит. Курить захотелось.

— Так я бы ему готовую папироску дал. А то я как раз брился и от испуга сбрил всю левую бровь.

— Убирайтесь вы от меня в кабинку или к черту!

Неверов начал исследовать положение.

Они запутались в сети проводов. Он увидел, что они попали в нечто, похожее на радиоустановки.

Его внимание привлекло странное сооружение из стекла и стали, окутанное этими проводами. Что же делать? Пока оставалось одно — ждать.

Плошкин уже узнал в чем дело. Плакал. Говорил, что погибает его жизнь, семейное счастье, операции с Сахар-трестом. Вообще все семь небес Плошкинской жизни. Окончательно расстроившись, полез целоваться к Сергеичу и подарил ему безопасную бритву.

Тот тоже поделился душевными переживаниями.

— Говорил: без Бога не до порога!

Так проводили время в беде три времени жизни и мира: прошедшее, настоящее и будущее.

Уныние начало плести свою паутину вокруг всех трех.

— Люди! Идут люди! — вдруг выкрикнул Неверов.

— Наконец-то мы пообедаем — обрадовался и Плошкин.

Приближалось человек десять, одетых в красные костюмы, сшитые из материала, — похожего на замшу.

Один из них заметил аэроплан и закричал спутникам:

— Товарищи! Здесь воры! Вот стоит аэроплан, наверное украденный из музея древностей.

— Правильно! Надо их скорей схватить! — закричали остальные.

Неверов обиделся:

— Какой там музей древностей! Аэроплан самой новейшей конструкции, да еще с нэпманом в середине.

Но никакие уверения не помогли. Когда, наконец, им поверили, что они с земли, а не просто ряженные жулики, их повезли на аппарате, рассчитанном на безвоздушном пространстве, к какому-то «главному инженеру по постройке линии Марс-Земля».

IV.

— Так, — сказал инженер Тон Кресси, выслушав рассказ Неверова о научном и политическом положении земли — теперь я понимаю почему земля так культурно отстала от нашей планеты. У вас капиталистический строй во всех странах, кроме России. Капиталистический же строй тормозит бег культуры. У нас же уже более тысячи лет жизнь построена по принципам коммунизма, и поэтому наша планета процветает и усовершенствуется. На Россию капиталистические соседи должны оказывать страшное давление... не правда ли?

Неверов начал излагать международное положение России.

Плошкин же стоял, раскрывши рот, смотря на пишущие машинки печатающие под диктовку без машинистки.

Потом спохватился и начал спрашивать у сидевших в комнате инженеров, интересуются ли они железом и почем сегодня курс на червонец.

Плошкина обругали Крономом.

Как потом выяснилось, это было имя последнего из царей одной страны Марса.

Беседа главного инженера Тона Кресси с Неверовым продолжалась.

Тон Кресси говорил:

— Уже с 1914 года, по вашему летоисчислению, мы не получали никаких сигналов с земли. Земля же нас очень интересовала. Мы считаем, что культурно-экономические отношения необходимы обоим планетам. Из этих соображений, мы начали проводить воздушную дорогу Марс-Земля, постройкой которой я и руковожу. Мы установили междупланетную воздушную станцию, построенную на принципе взаимных притяжений, а с ней думали наладить связь с землей посредством аэропланов. Но теперь мы от вас узнали, что на земле господствует самая устарелая из форм правления — капиталистический строй. Коммунистическая революция произошла только в России, поэтому только с Россией — Марс сможет завязать сношения. И лет через десять Марс поможет русскому пролетариату в деле ликвидации мирового капиталистического строя, если тот за это время не успеет его окончательно ликвидировать.

Тут взгляд Тона Кресси упал на Плошкина и загорелся огнем изумления и радости.

— Дорогой товарищ Неверов, от имени всего марсианского народа, очень прошу вас, уезжая обратно, оставить нам один подарок, правда, очень ценный, но благодарность за который всегда останется в сердцах нашего народа...

— Какой? — спросил заинтересованный Неверов.

— Наш народ уже тысячу лет не видел типа вырождающегося буржуа. Только по гравюрам, испортившимся от времени, немногие могли его увидеть. От-

дайте нам Плошкина. Он, заспиртованный, будет украшением главного исторического музея.

— Да берите! Даром берите. У нас их еще сколько хочешь. В одном Ростове около Ампира тысячи шляются.

А бедный Плошкин в это время тщетно искал бутылку пива „Заря“.

— Ну, а теперь — сказал Тон Кресси, обращаясь к Неверову — идемте осматривать нашу станцию. А завтра мы вам дадим из своих лучших аэропланов, и вы полетите обратно.

Механик Сергеич чесал затылок и говорил электрическому швейцару:

— Какой, скажем, бог, когда станция в небе висит. А меньшевики все брешут. Вот как здесь при коммуне здорово польется.

Аэро „Марс“ точно пуля.

Без мотора, без крыльев.

Только руль-правь!

Преображенный всем виденным, летел обратно Неверов.

Глаза лихорадочно блестели.

В голове мечты яркие, радужные, затеяли целый хоровод.

Рядом с ним ящик из платины (самый дешевый металл Марса). В нем: новейшее марсианское оружие, последние номера газет и журналов, шифр сигнализации для переговоров с Марсом.

И все это везет он.

Аэроплан, как пуля.

Даже пятен не видно.

Ветер позади: догнать не может.

Что-то оборвалось в воздухе.

Что-то оборвалось в груди Неверова.

Последней мыслью было.

— Как не догадался! Ведь рассчитан на безвоздушность!

Теперь воздух — крушение.

Звезды—Розы... Звезды—Маки...

Так... так... так!
Снег —
Молоты казнят!
Бейте ледой...
Бейте правдой...
Куйте в такт!...
Песни!... Песни!...
В горни печаль!
В красных горнах —
Жар кровавый...
Расплавляйте
Медь и сталь...
Эй, ребята!
Песню — грогачи!
Молот — авончи!
Мышцы туго
Напрягайте.
Землю ладном
Отлащайте,
Куйте:
Пламенные рельсы —
Кораблем воздушным рейсы
В небо... Вдаль,
Куйте:
Молнии машины —
Державил-исполны,
Куйте:
Гордость человека —
Знамя пламенного века —
Исполны корабл...
Небо дальше:
Внизки!...
Скоро... скоро...
Наши обзудутся мечты.

Будем там:
За облаками...
Будем
Жадными руками
Рвать шесты —
Ярко-огненные звезды...
Звезды — розы...
Звезды — маки...
Расцветим цветами флага —
Фраки сердца и мечты.
Полоним мы все планеты.
Синим шелком разодеты.
Грузи искроем...
И откроем
Груды золота... руды.
Всех разбудим!...
В новых царствах
Будем... Будем!
Усыпленные веками,
Вспашем мощными руками
Целомудренные нивы.
Всходы живые:
Колос —
Золотом шалитый.
Стебель —
Тонкий изумруд.
Труд... и труд,
Венком обвитый.
Куйте!... Звонче!
И лкуйте!
Взвейте —
Силеи мечты!...
Так... вдали... за облаками —
Будем гордыми церики
Мы.

Ф. В. Фортен-Соловьевский.

Сканировал Юрий Дружинин
№ 11—12

ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ 1924

На крыльях Гелия.

Летит ледок!... На крыльях Гелия
Взлетит и заблестит лист.
Под трепет мощного прожектора,
Как излупий гость тудя вилит!...

Шалит стотысячными миграми
Туда, где держан рука
Свободно править будет ветрами
И галит, как стало, облака.

Сережт лезвие гром и молнии.
Покажишь ослепчери путь.
И к пави ослепец из земли дальнюю
Небес загадочну был...

Горит с Лры под трепет мизета
Бе стоградусной жард...
Открыт в недрт гурт золота
И разоктапный везд.

Назадий ледок, кризисом
Вослет в Селовиш карбид...
Толка с Нидевишй асметит.
Варачеи в неслучайнй даришаси.

И Жареу скалчоску, дилоту
Хлагу проеидером сплет...
А в дар влуту экспалковому
Ты жаруикуз привелет.

Фортен-Соловьевский.

Ф. В. Ференц-Соколовский

Дирижабль Н Е—4.

Рассказ.

Рисунки В. Свешникова

Ф.В. Ференц-Соколовский

ДИРИЖАБЛЬ НЕ – 4

Фантастический рассказ

Опубликовано в журнале "Воздухоплавание" № 9/10,
1924 г

Это было в 1957 году.

Командир воздушного корабля — инженер Марев — сидел в своей уютной каюте за письменным столом. Спешно делал какие-то математические вычисления. Закончив вычисления, дал по радио телеграмму в Москву.

„Дирижабль НЕ — 4 находится на 24° южной широты и 131° восточной долготы от Гринвича. Время непрерывного плавания — 12 суток“.

Корабль стоял в воздухе неподвижно. Был залит электрическими огнями. На вращающейся оси медленно поворачивался в разные стороны своим колоссальным глазом ослепительный прожектор.

Командир нажал кнопку электрического звонка. Вошел его помощник Ставров.

— Разведчики не вернулись?

— Нет еще, Александр Сергеевич.

— Я начинаю беспокоиться. Кстати, сегодня нужно будет устроить маленькое совещание. Проще всего за ужином. Объявите, пожалуйста, всем... Если окажутся неудачными наши опыты с солнечной энергией, тогда испробуем электрические волны. Конденсаторы, и тот и другой, работают прекрасно. Результаты — выше ожидаемых. Боюсь одного: достаточно ли проверены на опытах двигатели. Не окажется ли на практике каких-либо существенных недочетов.

— Не думаю, Александр Сергеевич, — возразил успокоительно Ставров. К тому же наши мастерские на корабле оборудованы так, что в состоянии справиться с любыми недочетами. Как на характерный пример, могу сослаться на гидро-конденсатор. Дело казалось безнадежным. Однако, наш химик успел уже выкачать не одно облако, подполнив ими наши резервуары. И не один литр этой воды подвергнут им тщательному химическому исследованию. Ищет в облаках бактерии и микробов. А теперь он сидит в своей лаборатории и весь погружен в спектры. Сегодня у него сорвалась фраза, что через несколько дней мир будет ошеломлен: дирижабль НЕ — 4 откроет новую эру в области науки.

Инженер Марев улыбнулся. Переданное заявление химика Кейслера льстило его самолюбию, внесло успокоение в его тревожное настроение.

Еще бы: в последнее десятилетие Кейслер своими научными открытиями и смелыми гипоте-

зами завоевал себе всемирную популярность. Стал вторым Эдиссоном.

Кроме того, он же является новатором и в области свободного добывания гелия в неограниченном количестве, а равно и в разносторонней его утилизации.

Дирижабль HE—4, построенный по проекту инженера Марева, далеко оставляющий позади себя конструкции всех существовавших до сих пор самых усовершенствованных систем, очень многим обязан Кейслеру. Многие детали корабля, особенно в области двигателей,—плод смелой фантазии Кейслера.

Кроме того, HE—4 был первым по своим колоссальным размерам, скорости движения и грузоподъемности. Объем—300.000 куб. метр. Снабжен пятью двигателями, каждый мощностью 1000 HP. Система прежних кабин и гондол в корне изменена. Дирижабль напоминал собой поезд в два ряда вагонов, по пяти вагонов с каждой стороны, имеющих сообщение между собой, как вдоль, так и поперек. По величине вагоны не уступают Пульмановским, а по благоустройству и комфорту далеко превосходят их. Научная библиотека, оборудованные кабинеты по разным отраслям науки, концертный зал, рояль, ресторан с электрической кухней, ванные комнаты, уборные и проч.

Первое дальнейшее плавание корабля—чисто научное. Все пассажиры в количестве 32 человек, не считая командного состава и экипажа корабля, были исключительно люди науки: профессора, инженеры, химики, бактериологи, астрономы, метеорологи, географы и проч. Цели корабля были грандиозны. Но не менее грандиозны были и его уже осуществленные достижения.

Находясь под вечер 17 июля 1957 года в центральной Австралии и остановясь над озером Амедей, инженер Марев отдал по телефону приказ: немедленно выслать два аэроплана для разведок на побережье озера с целью выяснения предполагаемых там источников и отобрания из них проб воды для исследования.

Прошло несколько часов—аэропланов нет. Наступила ночь, а их все нет, как нет. На корабле начали беспокоиться. Марев распорядился открыть прожектора и все наружные лампочки. Ежеминутно справлялся по телефону. То и дело вызывал к себе в кабинет Ставрову.

— Не находите ли вы нужным послать на розыски наших „дезертиров“ третий аэроплан?

Ставров улыбнулся. Хотел что-то ответить, но в это время послышались звуки пропеллеров, звонким гулом разливающиеся в безбрежном пространстве. Задребезжал телефонный звонок: дежурный с палубы давал знать, что аэропланы благополучно возвратились.

II.

Кают-компания дирижабля НЕ — 4 утопала в электрических огнях.

Вся обстановка, начиная с крупных вещей и кончая мелочью, носила яркий отпечаток новейшего веяния в искусстве, — того, не завершенного еще направления, которому история не удосужилась дать собственного имени — имени стиля.

Даже картины на стенах, исполненные решительными мазками, где яркость красок сочеталась со смелостью фантазии художника в контурах форм и изломах линий, говорили о том, что здесь, на этом плывущем под облаками корабле, роет новый гений человека, гордо пробивающий новые пути, созидающий новую эру в истории человечества.

Сегодняшний ужин — общий ужин всех пассажиров и всего экипажа корабля, за исключением нескольких человек, несущих дежурную службу. Ужин, долженствующий носить характер делового заседания, ибо на нем будет решаться вопрос чрезвычайной научной важности.

В центре стола сел командир корабля инженер Марев. Рядом с ним — его помощник Ставров. Остальные места заняли вперемежку члены научной экспедиции и экипажа корабля.

— Что же я не вижу одного из наших „дезертиров“? — с добродушной улыбкой спросил Марев, обращаясь к летчику, бывшему на последней разведке.

В дверях кают-компания появилась рослая фигура молодого, дышащего здоровьем и энергией, летчика Цветаева. Под руку с ним какая-то странная женщина со смуглым, но весьма приятным лицом, беспорядочно обрамленным черными густыми волосами, ниспадавшими тяжелыми волнами по ее округленным изящным плечам.

Неожиданное появление на корабле женщины, где в течение 12 дней царил исключительно мужской элемент, при наличии непрерывного пребывания в открытом воздухе, повергло всех присутствующих в неописуемое удивление. Любопытные взоры жадно пожирали как смущенного, но слегка улыбающегося Цветаева, так и стоявшую под руку с ним его таинственную спутницу.

Ловя мысли, которые можно было бы облечь в форму речи, обращенной к собранию, и тем вывести присутствующих из удивленного оцепенения, Цветаев в смущении несвязно заговорил:

— Простите... Я боюсь... внести диссонанс в нашу тесную среду... но... прошу принять мою неожидан-

ную спутницу в число равноправных членов нашего корабля... Принять не как случайного гостя, а как мою жену, которая с этого момента становится спутницей моей жизни...

Однако, эта речь не только не рассеяла общего удивления, но еще более заинтриговала всех.

Кто эта женщина?.. Откуда она взялась?.. Не с Марса ли свалилась?..

И только тогда, когда Цветаев уселся со своей подругой за общий стол, и при поддержке своего товарища, с которым он был сегодня на разведке, стал постепенно разматывать таинственный клубок; становилась понятной загадочная история.

— В полумраке вечерних сумерек, — продолжал Цветаев, — когда мы готовили наши аэропланы к поднятию с земли, где-то вдали, по направлению банановой рощи, послышался душу раздирающий крик. Мы долго ждали, но крик не прекращался, усиливался. И мы решили направиться туда... по направлению этого крика... Бежали. Спешили. Вдруг видим издали два метящихся из стороны в сторону силуэта... Добежали... И видим: мужчина, одетый по европейски, с откормленной европейской физиономией, беспощадно бьет женщину... Я думаю... я уверен, что это какойнибудь... культурный и цивилизованный плантатор истязал свою туземную рабыню... Отшвырнутый нами от этой женщины, он не успокоился... Опять накинулся на нее... А когда мы стали ее защищать, он занес над моей головой свою увесистую палку...

Цветаев на минуту задумался, как бы вспоминая детали повествуемой истории.

— Он вас ударил? — спросил Марев.

— О, нет! — воскликнул оживленно Цветаев. И в его голубых прекрасных глазах заиграли таинственные

искорки. — Он опоздал... немножко опоздал... Он свалился к моим ногам, издав отвратительный стон... последний стон умирающей свиньи...

Вместо прежнего удивления всеми овладел жизне-радостный восторг. Оба летчика наперерыв продолжали рассказывать детали своего приключения.

— У меня другого выхода не было, как забрать ее с собой, — продолжал, как бы оправдываясь, Цветаев. — К тому же, она так прекрасна.

С улыбкой повернул он голову в ее сторону. Взял ее бронзовую руку и поцеловал выше локтя. Поцеловал в то место, где черными пятнами алели синяки от побоев. Она благодарно улыбнулась. И всем показалось, что в своей безыскусственной улыбке и в своей непосредственной простоте она прекрасна.

— Гм... с точки зрения антропологии это ценное завоевание нашего корабля... К тому же, освежение крови... обновление расы и все такое прочее,—добродушно прошамкал старичок-профессор.

— Ну что ж... Все хорошо, что хорошо кончается... Я не думал в сегодняшний деловой ужин вносить опьяняющий элемент, но...

И вскоре на столе появилось шампанское. Искренно и восторженно пили все за здоровье новобрачных.

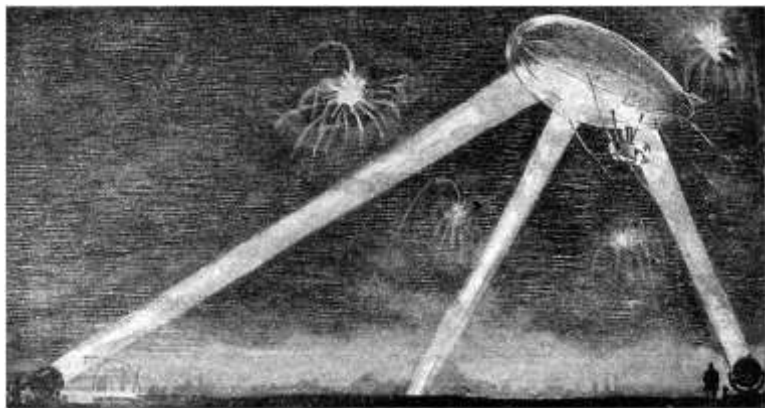
— А как ее имя? — спросил Цветаева Марев, чокаясь с его подругой.

— Не знаю, — смущенно ответил Цветаев.

— По признакам типа — она из племени Маори,—сказал старичок-профессор.

— Вот что, — поднял свой бокал командир Марев, — назовем ее именем нашего корабля: „Гелия“.

— Ура!... За здоровье Гелии! — почти одновременно вырвался восторженный крик всех присутствующих.

....А на следующий день, около полудня, когда закончена была производившаяся в течение ночи под наблюдением специалистов инженеров и химика Кейслера установка двух новых солнечных двигателей, и когда эти двигатели шумно, но плавно заработали, поднебесную высь огласило новое „Ура“, мощное и торжествующее „Ура“, которое эхом разнеслось по всему миру. А в Красную Столицу была послана радиотелеграмма:

— „Оседлав Солнце, летим на крыльях Гелия в Москву“.

Ярмарка ближайшего будущего.

Пахнет электрификацией и механизацией. В воздухе тесно от аэропланов, бипланов, монопланов и вообще всяческих планов. Где-то звучит механизированная трехрядка. И звонкий голос выговаривает под шум мотора:

Я пропеллер наверху.
К моей милке полечу.
Моей милке, Аэдуху.
Украсю из попеллину...

На облаках электрические рекламы. «Кафе-«Поднебесье» ежедневно свежее мороженое из облаков». «Государственная столовая—Вышний-Новгород». «Представитель трестов Главмилк и Главдм». «Директор свежего воздуха». «Чайная пролетающий пролетариат» и т. д.

Ярмарка внизу и сверху—в полном разгаре. Танки, ички, машины, бочки, корзины, вагоны вихрем летают внизу и сверху. Воздушная и земная милиция с ног сбивается.

— Загорачивай пропеллер, леший! Или дороги показан-

ной не знаешь? Сколько на крыло! Сколько, тебе говорит!

— Прохорыч, почему бензин брыз!

— Ох, и не говори! Такой биплан попался — маленький, а бензину жрет не судом! Горе мне с ним!

— Ах, пропеллер тебе под хвост. Смотри изь наш сельхоз то нащепелинивает: каждый час товару подвозить приходится — нарастава!

— Дай дорогу! Транспорт из треста, транспорт из губпроккома—и вы тут на дороге. Не скопятся в воздухе, разлетись! Разлетись!

— Кого это боят, товарищи?

— Аэрокралопоймани! Четвертую машину угоняет.

— Смотри, какая штуkenция устроена: войдешь нагншом, в чем мать родила,— выйдешь в полном костюме и даже напиросу в дубы вступит. Механизация, одним словом.

— У нас на сале тоже случай был... Один товарищ трак-

На ярмарке.

Пушкарёв и Пелукацкий

тор купил, а какой салы не расчитал. Стал пахать. Как он у него нырнется, пол-дома отмахнуи начисто и трех коров спалил. Электрификация, гляди в оба.

— Что-то за дрын сверху летит?

— Это упялся кто-нибудь и теперь по системе Блерно работает.

— Вот чорт! А где же моя жена? Мама, Мама, лети сюда!

— Ваша Мама в женотдел полетела. Летучий митяг у них о правственной милиции. Вон, около той тучки! Видите?

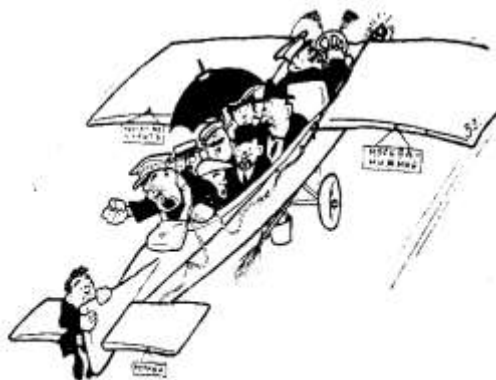
... Шум, гам, крик, еделки, проделки, продажи, пропаяи, амбары, товары. Воздух напоен бензином и электрификацией. Звонко поет механизированная трехрядка:

Еду с милкой в ероплане.
Не хочу спускаться я,
Потому, как между нами
Электрификация.

Надрывается воздушная милиция: «Граждане, разлетись!» Над магазином какого-то треста высоко в небе воздушный шар с надписью: «Гражданам, пролетающим, останавливаться строго воспрещается!»

Ярмарка в полном разгаре...

В. Кумач.

Жуткая драма в воздухе, или... лещ на высоте 300 метров.

М.КОРГАНОВА

ОСТРОВ СИРЕН

Рассказ

М.Корганова
ОСТРОВ СИРЕН

Опубликовано в журнале «Мир приключений», № 1,
1925 г.

Рассказ М. Коргановой.

Было так ясно, что неба и моря нельзя было отличить. Все сливалось в одной нескончаемой, темно-голубой дали. Ни ветерка, ни облачка. Доносился заглушенный рокот волн, веселые крики детей на пляже. Было спокойно, слишком спокойно. Однообразие этой эмалевой глади раздражало меня. Я стоял у окна виллы, и пряный запах магнолий ударял мне в нос. Тщетно старался я заглушить его, дымя папиросой; это не удавалось. Голуби кружились над садом, нежно гулякая. Яркие бабочки садились на крупные махровые розы, образующие живую изгородь. Мальчик лет трех, с ослепительно-рыжеватыми локонами, копался в песке под моим окном. Я не поэт, и вся эта поэтическая идиллия действовала мне на нервы. Я отбросил папироску, измеряя большими шагами комнату, и вдруг блестящая идея пришла мне в голову. В одно мгновение я переменял белый полотняный костюм на защитного цвета парусиновые бриджи; на смену желтым туфлям с острым носком явились ботфорты и ботинки, кожаная фуражка осенила голову, и с непромокаемым плащом подмышкой, с кодаком через плечо, я промчался мимо удивленных дачниц, впрыгнул в лод-

ку; и через пять минут благополучно выплыл в открытое море. «Уф!» облегченно вздохнул я и, достав табак, стал набивать трубку. Было дивно.

Берег уходил назад, и только можно было различить громоотвод электрической станции, и антенны радио-телеграфа. И чем меньше становились они, тем сильнее охватывало меня чувство удовлетворения.

Я плыл к острову Сирен, лежащему не особенно далеко, и названному так чьей-то странной фантазией, так как я ни разу не видел там ничего, кроме сухих водорослей и серых чаек. Среди высоких голых скал, в ветренную погоду слышались чьи-то стоны, раздавался дикий вой. Вообще мрачный ландшафт нагонял жуть, и остров дачниками посещался редко и неохотно. Зато ходили слухи, что контрабандисты далеко не избегают его, и часто скрываются там. Говорили также, что одно время там имела притон какая-то разбойничья шайка. Всем этим слухам я не придавал никакого значения, тем более что большей частью они исходили из женских уст. Да и мужчины курорта были не лучше, совершенно обабившись среди женского общества. Я решил сфотографировать почти неприступные скалы острова Сирен, живописные своей мрачной красотой и ореолом таинственности, окружающим их. Я скоро был у цели своего плавания. Они особенно резко и ярко вырисовывались на фоне безоблачного неба. Несколько чаек кружилось над ними. Глухо ударили волны, откатывались, и вновь приползая, униженно лизали серую, гладкую поверхность. Лодка причалила. Я выпрыгнул на берег, привязал ее к выступу, и по природным, грубо высеченным ветром ступенькам начал взбираться наверх.

Полной грудью вбирал воздух, пропитанный запахом гниющих водорослей и соленой горечью моря.

И катился под гору, не чувствуя боли разди-
раемого тела...

Останавливался то здесь, то там, запечатлевая щелчком аппарата понравившиеся мне места. А их попадалось немало среди этих суровых скал, нависших над морем. «Моя коллекция будет пополнена», думал я, с увлечением меняя пленку за пленкой.

«Хорошо, что пришла в толову мысль удрать из этого приторного уголка. Вечные кис-
ло - сладкие физио-
номии женщин, за которыми, как собачонки, несущие по-
носку, следуют муж-
чины с зонтиками, простынями и рома-
нами в желтых об-
ложках. Гримасы, когда имеешь не-
осторожность заку-
рить папиросу в их
присутствии, не го-
воря уж о том.. что
будет, если дым по-
падет им в лицо. Те-

нис с сухопарыми, рыжими мисс, как только спадает жара, и когда так тянет прокатиться куда-нибудь на велосипеде. А все остальное время выносить присутствие всей этой своры детей, которая теребит тебя за пиджак, мнет тебе панталоны, и портит шляпу под благосклонными взглядами мамаш. И приходится нежно улыбаться, и называть их дорогими и милыми, когда так и хочется собрать их всех в охапку и бросить в море. Пусть там кричат себе на здоровье».

Мои размышления были прерваны шумом скатившихся камней. Я поднял голову, обернулся... Руки мои разжались и, стуча о камни, мой кодак покатился по склону, унося за собой всю коллекцию сделанных снимков. Губы открылись сами собой, и дикий крик, крик ужаса попавшего в ловушку зверя, раздался в тишине этого солнечного, ослепительного дня.

Передо мной стояло какое-то странное существо, человек, вся голова которого была покрыта шлемом. На лицо была надета маска, сквозь отверстие которой горели мрачным огнем темно-серые глаза. В поднятой руке он держал револьвер, устремленный прямо на меня, и медленно подвигался вперед. Второй крик вырвался у меня из груди. Я был безоружен. «Шайка разбойников!» промелькнуло у меня в голове, и отчаянным прыжком, рискуя остаться там навеки, я перескочил через скалу на другую, и побежал. Я бежал, как никогда в жизни, перескакивая через трещины, скользя вдоль скал, увлекая за собой камни, которые грозили сломить мне голову. Я взлетал на самые крутые вершины, катился под гору, не чувствуя боли раздраемого камнями тела. «Лишь бы достичь лодки! Тогда — спасение», мелькало у меня в голове. И вдруг завертелась нелепая, но неотвязчивая мысль: «В первый раз в жизни женщины оказались правы. О, чтоб их!»...

Скатывались камни, рвалась на части моя рубаша. Дыханье прерывалось, силы истощались. С минуты на минуту я мог упасть. А он не отставал. Я слышал за собой его свистящее дыхание. Он повторял за мной все мои головокружительные прыжки, на которые меня толкали ужас и отчаяние. Расстояние между нами все уменьшалось, а до лодки было еще далеко. Я сделал последнее усилие. Но ноги подкашивались, голова отказывалась работать. «Остановитесь, чорт вас дери!» — донесся хриплый голос. «Остановитесь, а то...» Но я и так не мог уж более. Зловещие глаза впились в мои, две сильных руки обхватили меня. Я был во власти злодея. С легкостью, как будто я был перышком без веса, он вбежал со мной на вершину. Это была воистину замечательная по своей красоте скала, дальше и выше всех выдававшаяся над морем. С громким, торжествующим криком, разбойник поднял меня на воздух, завертел, и размахнулся над пучиной. «Конец!» — подумал я. Все закружилось и поплыло перед глазами. Я потерял сознание.

.....

Когда я очнулся, солнце было очень низко. Я лежал на той же знаменитой скале на чем-то теплом пальто. Рядом со мной стояла бутылка рома. На груди у меня была прикреплена бумага. Я отцепил ее и, мигая глазами от удивления, прочел:

«Многоуважаемый господин! Мы очень извиняемся за причиненное вам беспокойство. Но войдите в наше положение: нам необходимо как можно больше реальности в картинах. Прорепетированная несколько раз на острове Сирен сцена преследования английского лорда Черной маской никуда не годилась. Мы приехали сегодня для репетиции. Вы были слишком за-

няты фотографией, и не заметили нас. План созрел в одну минуту. Фильма получилась идеальная! Готовится небывалый успех!!! У нас не было времени ждать, пока вы очнетесь. (Да и настроение у вас, по всей вероятности, было бы не из самых любезных). В правом кармане пальто вы найдете чек на тысячу долларов — честно заработанная вами плата, и возмещение за убыток сломанного кодака, а также и почетный билет во все кинематографы. Приходите посмотреть на себя в «Острове Черной Маски». Не пожалеете! Конкуренция устранена! Одна реальность, воплощенная жизнь. Небывалый успех!

Благодарная вам Дирекция Синематографических Фильм Сине-Триумф».

Р.ОНЦЕВЕР
(ЮРИЙ КУРОЧКИН)

КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ

Фантастическая повесть

Юрий Курочкин

(Р.Онцевер)

КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ

Опубликовано в журнале «Техника – смене» № 5 – 8,
1938 год

(Фантастический рассказ)

Р. Оппевейр

I. Сенсация

В этот час приморское шоссе всегда пустынно. С тех пор, как обрушилась знаменитая скала «Три беби», Уордсфильд перестал интересовать туристов, и эта дорога стала нелюдимой. Редко-редко проковыляет по ней старый потрепанный фордик нищего фермера, или мягко прошелестит новыми шинами длинноносый красавец Бьюик с компанией молодых дэнди, спешащих на воскресный пикник.

Было 8 часов вечера. Погрузилось в море солнце, оставив на горизонте багровую зарю. Напахнуло запахом гниющих морских водорослей — подул легкий бриз.

Ральф открыл глаза и, удивленно осмотревшись, потянулся. Ах, да — он так и не дошел до виллы Клэр — устал, да и не было особенно охоты идти на дело, заранее обреченное на неудачу. Где это объявление? Ральф выполз из-под куста молодого орешника, где он отдыхал и, достав свой промасленный рюкзак, извлек из тощих его недр помятые листы «Уордефильдского утра». Вот и объявление...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК,

достаточно сильный, нужен на временную работу. Вилла Клэр, Приморское шоссе, обращаться к управляющему м-ру А. Д. Стрейчи.

Этот Стрейчи был когда-то другом отца Ральфа. Но с тех пор, как старый Робин Кларк потерял место и, опускаясь все ниже и ниже в болото нищеты, умер, Стрейчи забыл о существовании этой семьи. Может быть, вспомнит теперь? Но едва ли, — газета попала Ральфу только в час дня, а до этого времени виллу Клэр, вероятно, успел навестить не один десяток молодых людей, здоровых и сильных. Он все же пошел, но устал, и, решив отдохнуть, прилег на берегу моря недалеко от дороги, в тени молодой поросли орешника. И вот — заснул.

Ральф вспомнил, что с утра не ел. Порывшись в брюхе большого, но полупустого рюкзака, вмещавшего в себе все состояние Ральфа, он извлек из него обломок сухой галеты и надкусанную сосиску. И то и другое ему удалось достать по дороге еще днем. — Они лежали в траве, рядом с пустой бутылкой бренди и небрежно открытой жестянкой сардин.

Иногда и пьяный бывает полезен — благодаря ему Ральф имел ужин.

Откусив небольшой кусок сосиски, Ральф рассеянно стал просматривать газету. Его интересовали только объявления. Вот уже полтора года, как он не имеет работы, и всякий интерес ко всему, что [не] касается возможностей работы, пропал. Мир перестал интересовать Ральфа. Что интересного могут сообщить газеты? — Речь принца Уэльского на банкете общества,

спиритов? Моды на вечерние туалеты? Реклама патентованных пилюль от ожирения? Горькая улыбка при чтении этих известий стала теперь сменяться злой гримасой. — Политика? Ральф никогда не интересовался ею — отец был так против нее.

Ну, да — так и есть! Рецензия на премьеру Мюзик-Холла, собачьи бега на ипподроме Гэрмсби, улыбающееся официальной, натянутой улыбкой лицо дипломата, проводящего свой отдых вблизи Уордефильда. Вот что могла сообщить газета.

Хотя... что на первой странице? Когда толстяк, бросивший эту газету у Свенстон-сквера, сворачивал ее серединой наружу, Ральф заметил, что на первой странице было что-то кричащее, настойчиво лезущее в глаза крупным шрифтом сенсации. Но Ральф тогда же забыл об этом. Эге... это уже интересно!.. Ральф сунул остатки сосиски в рот и жадно стал читать сообщение национального агентства.

«СЕНСАЦИОННЫЙ ПЕРЕЛЕТ».

Советский летчик Звонов вылетел на побитие мирового рекорда, беспосадочного полета.

Лондон, 16. (Наш. корр.). Национальное агентство сообщает, что сегодня в 14 часов по Гринвичу со Щелковского аэродрома (под Москвой) вылетел в кругосветный беспосадочный перелет новый советский самолет неизвестной конструкции. Самолет ведет известный летчик — Герой Советского Союза Звонов. Кроме Звонова, летят известные Англии по прошлым перелетам летчики Козырев и Хримчук (он же аэронавигатор). Громадный самолет «СД-5», исключительно мощный и превосходно оборудованный, по словам Реджинальда Броуна — известного специалиста по моторостроению — должен представлять собой чудо авиационной техники, настолько смелы задачи, поставленные перед ним.

«Я знаю,— сказал мистер Броун, — что знаменитый советский конструктор Королев, создатель целой серии изумительных машин — одна лучше другой, в содру-

жестве с конструктором моторов Писулиным, последние пять лет упорно работали над разработкой проекта какого-то необычайного самолета, которым хотели ознаменовать юбилей советской авиации. По сведениям из достоверных источников, этот самолет — гениальнейшее авиационное сооружение. Королев и Писулин еще раз удивили мир, причем на этот раз так, что оставляет позади все сенсации последних лет.

Известно также, что самолет выстроен в рекордно короткий срок и является первенцем серийного производства этих машин. Выпуск эскадрильи «СД-5» приводит в сильное беспокойство Японию. В палате Сакигава сделал запрос о мерах, предпринимаемых правительством в связи с таким неслыханным нарушением международных договоров (каким именно, Сакигава не мог сказать).

Если судить по проектной скорости и опубликованному штабом перелета маршруту (Москва — Англия — Гонолулу — Филиппины — Афганистан — Москва, без посадки), то в 28 часа по местному времени самолет должен пролететь над Англией в районе Уордсфильда».

Далее в газете следовали менее интересные подробности, обязательные в бульварной газете — о цвете волос летчиков, о том как они одеты и проч.

— Фью-ить! — свистнул Ральф восхищенно. — Вот это парни! Это, действительно, событие! Чертовски смелый народ, эти русские. Буольшевик...

Иностранное слово, непривычное языку, казалось неподходящим для такого почетного звания... Большевик... Когда Ральф был в Лондоне, он много слышал о большевиках. Худой, с чахоточной грудью рабочий долго рассказывал ему о **Soviet Union**. Ральф уже тогда проникся сочувствием к большевикам. Но он не был коммунистом — взгляды отца он чтил, а Робин Кларк был противником всякой политики. — «Политика, — говорил юному Ральфу отец, копаясь в любимых клумбах, — это для богатых, а мы люди с ограниченными средствами». Теперь, после полутора лет безработицы, Ральф начинал понимать, что политика — это не только для богатых. Может быть, Ральф был бы уже социалистом или даже коммунистом, но он был нелюдом,

необщителен, на людях чувствовал себя скверно и почти ни с кем не сходилась в дружбе, а все это отделяло его от рабочих сборищ, демонстраций и прочего.

Темнело быстро. Раз оторвавшись от газеты, было трудно вчитаться вновь в мелкий газетный шрифт. Ральфу пришлось поднести газету чуть не к самому носу, но и это помогало плохо.

2. Авария на приморском шоссе

От газеты Ральфа оторвал гудок автомобиля. Там, где шоссе делало крутой поворот и проходило близко к морю, стоял сигнал, требующий гудка.

Вслед за гудком, из-за поворота стремительно вынеслась темносиняя закрытая машина. Хотя ее появление здесь и было довольно неожиданно, но Ральф равнодушно скользнул по ней глазами и готов был снова уткнуться в газету.

Машина шла быстро и бесшумно. Это был добротный, шикарный шевроль, изготовленный, очевидно, по особому заказу. Ральф уже было опустил глаза в газету, как вдруг в радиаторе машины ослепительно блеснуло бледно-голубое пламя, а машина, выключив мотор, продолжала мчаться, странно кривляясь, и вскоре остановилась.

Ральф, забросив рюкзак за спину, бросился к машине.

Некоторое время машина оставалась закрытой, но затем из нее вышел человек и, подняв капот мотора, склонился к нему. Когда Ральф подошел к машине, человек, услышав шаги, испуганно обернулся. Рука его машинально полезла, в карман.

— Кто вы?.. Что нужно? — отрывисто спросил он. Левая рука его, опиравшаяся о машину, заметно дрожала. Даже сумерки не мешали заметить бледность его худого лица. Ральф внимательно взглянул на него и сел на подножку машины.

— Вы знаете мотор? — спросил он, в свою очередь, как бы не расслышав вопросов хозяина машины.

— Нет... — нехотя процедил тот, но сразу же взорвался криком. — Но, черт возьми, что вам нужно? Чего вы расселись тут?

Ральф встал.

— Ральф Кларк. Безработный шофер и монтер. Если вам нужно...

Человек испытующе посмотрел на Ральфа. Затем вынул платок и нервно обтер им руки.

— Нужно завести машину. Вам будет заплачено.

Проворно сбросив рюкзак, Ральф полез под капот. Человек стоял около машины, поставив одну ногу на

подножку, и нервно мямл длинными тонкими пальцами платок. Высокий, до некрасивого, лоб его пересекала рельефно вздувшаяся, часто пульсирующая вена.

— Готово? — оживился человек, увидев, что Ральф поднялся.

— Мне нужно сесть в кабину.

Лобастый резко положил руку на задвижку двери.

— Это нельзя...

Ральф удивленно поднял брови. Затем, не торопясь, рассучил рукава и взялся за свой рюкзак.

— Впрочем... — остановил его человек. Он что-то обдумывал. Потом решительно открыл дверку кабинки.

— Идите.

Ральф повернулся и вскрикнул. Посиневшее, искаженное от судороги лицо глядело на него. В кабине лежал труп.

— Он умер от разрыва сердца... Помогите перенести его в другую кабину.

Человек говорил тихо, но твердо, стараясь придать голосу безразличный оттенок. Ральф стоял не двигаясь. Скулы его напряглись.

— Вы убили его?

— Я не люблю, когда мне не верят. Хотите вы помочь мне и получить гинею? Или — подите к чорту.

Он вынул из кармана брюк маленький пистолет и переложил его в карман пиджака, злобно взглянув на него, и нехотя полез в кабину.

Судя по одежде, труп принадлежал шоферу. Нигде не было никаких следов ран. Сведенное судорогой лицо и руки свидетельствовали о том, что смерть пришла не от пули или ножа.

Труп был перетащен. Ральф сел за руль и включил зажигание. Оно не действовало. Пришлось снова лезть

в мотор. Хозяин машины нетерпеливо наблюдал за работой Ральфа и настороженно оглядывал шоссе.

Неисправность была найдена там, где ее совсем нельзя было ожидать, сгорел проводничок в прерывателе. Это могло получиться только в том случае, если по электросистеме мотора был бы пущен сильный ток. Но откуда ему быть, сильному току? Вспомнилось посиневшее лицо мертвого шофера — это, вероятно, тоже результат сильного тока. Динамо автомобиля в нормальных условиях не могло создать тока такой силы. Для этого нужно бы было получить энергию откуда-то извне. Но не по воздуху же перенеслась эта энергия?

Ральф докопался, наконец, до повреждения, и кое-как исправил его. Мотор заработал.

— Ведите машину, я буду показывать дорогу, — сказал хозяин машины и сел рядом с Ральфом в кабину.

Машина понеслась. Ральфу определенно не нравилась вся эта история. Он сердито отказался от предложенной ему папиросы и, упрямо нахмутив брови, смотрел вперед, ни разу не оглянувшись на соседа. Между тем сосед, как только пошла машина, оживился. Беспокойство его прошло, и только чуть подрагивающие ноздри говорили о перенесенном волнении. Голос стал спокоен. Не глядя на Ральфа, человек говорил ему:

— Меня зовут Ричмонд. Мой шофер, как вы видите, умер. Его место я предлагаю вам. Вы будете получать 10 фунтов в неделю, или, вернее 500 фунтов в год, ибо раньше, чем через год, из виллы выйти не имеете права. Это мое единственное условие и, надеюсь, предлагаемая мной оплата компенсирует его неприятные стороны.

Ральф не отвечал. Ричмонд посмотрел на него, тоже замолчал и больше не заговаривал.

3. Вилла в буковой роще

Машина неслась ровно, лишь на крутых выворотах немного замедляя ход. Навстречу бежали рощицы, перелески, скалы, круто спускающиеся к морю. Проехали стоявшую невдалеке от шоссе хорошенькую, как сошедшую с конфетной картинки «Виллу Клер». Ральф вздохнул, проводив ее взглядом.

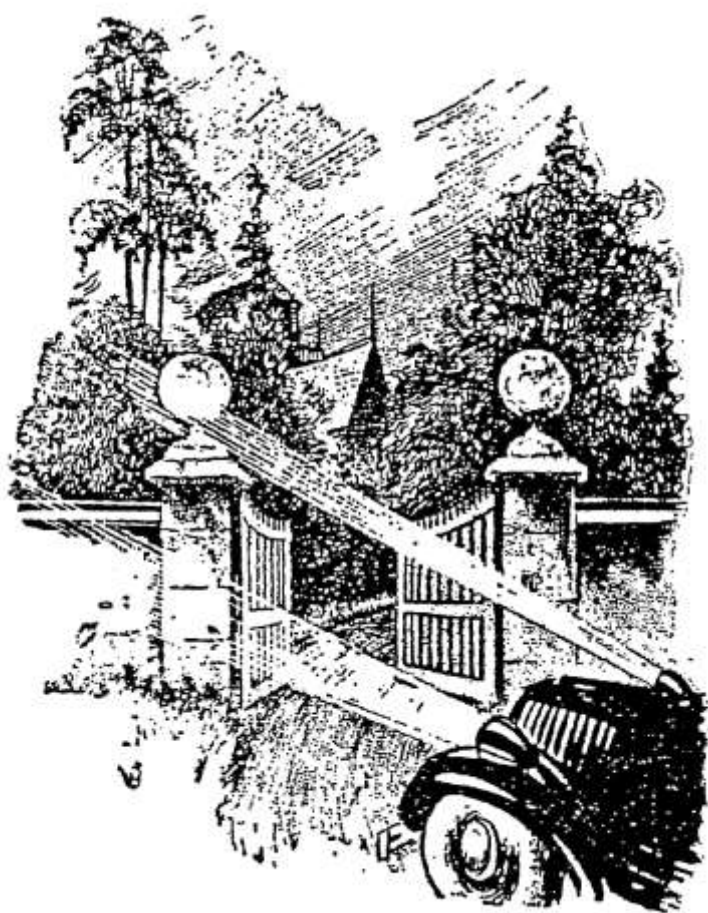
Все так же молча, доехали до сворота с шоссе. Увидев указатель о неисправности дороги, Ральф остановил и вопросительно посмотрел на соседа. Но Ричмонд лишь слабо улыбнулся и махнул рукой в сторону поворота. Внимательно всматриваясь в дорогу, ожидая встретить что-нибудь, Ральф вновь повел машину. Но дорога по-прежнему шла отличная и никаких препятствий не встречалось.

Через четверть часа показалась вилла. Она стояла в низине, скрытая с трех сторон в буковой роще, и увидеть ее можно было только вблизи.

Вилла была отгорожена высокой и глухой каменной оградой. Такие делают только специально для защиты от любопытных взглядов. Вдоль всей стены шли два толстых медных провода. Нетрудно было догадаться, что это тоже способ защиты от любопытных — линия высокого напряжения.

— Ого, дело заваривается не на шутку, — подумал Ральф. Конан-Дойлем он не увлекался в детстве, теперь же тем более.

Доехали до ворот ограды. Ричмонд сам нажал кнопку сирены, подал тройной сигнал, навел свет дополнительной фары куда-то вверх ворот. Тяжелые ворота тотчас же медленно открылись и машина въехала в ограду. В зеркальце автомобиля Ральф увидел, что ворота закрылись сами, едва только машина проехала.

— И тут фокусы, — буркнул он. С фотоэлементами он был не плохо знаком, и подобные автоматические устройства не были для него загадкой.

Сразу же за воротами открывалась ровная песчаная дорожка, усаженная по краям кустами акации. В глубине аллеи вырисовывался вычурный каменный до-

мик. Такие домики строят себе под старость бесталантные, но богатые архитекторы и врачи.

По мере приближения к домику, лицо Ричмонда все более хмурилось. Легко выпрыгнув из машины, он приказал Ральфу подать сигнал. На ступенях террасы, словно тень, выросла чья-то фигура.

— Томас?

— Я, сэр.

— Кто в лаборатории? Кто включил передатчик? Разве приехал Стоун?

— Сэр... там только мистер Гэксли.

— А, чорт! Мистеру Гэксли там нечего делать, я же приказал никого не пускать, — обрушился криком Ричмонд. Затем, после паузы, тихо добавил:

— В машине Артур. Его убил луч. Снесите его в дом.

Томас — старый, в давно вышедшем из моды сюртуке, с жесткой щеткой седых волос. Он опешил.

— Артур... его убил луч... Сэр, вы не шутите?

Ричмонд отворнулея от него и не спеша закурил.

— Быстрее!

Шумно вздыхая, старик направился к машине, шаркая подошвами по песку.

— А вы, Кларк, — повернулся Ричмонд к Ральфу, все еще сидевшему в кабине, — поставьте машину в гараж, и до утра вы мне не нужны. В гараже есть комната. Ее занимал Артур. Можете располагаться там. Гараж за домом, у северной стены.

Видя растерянность старика, Ричмонд прикрикнул на него и принялся сам энергично помогать ему.

Когда труп несли, Ральф, резко дал газ и повел машину в гараж. Поставив ее на место, он не пошел в предложенную ему комнату, а сел около машины. Стремительные события, так резко нарушившие однообразие безработной жизни, выбили его из колеи

равнодушия. Он вновь припомнил ход событий и старался связать их в одно целое. Предположения, одно фантастичнее другого, вставали в голове.

В гараже было тихо. Только мирное бормотание часов нарушало тишину.

Когда дверь гаража скрипнула, Ральф вздрогнул и вскочил, испуганно озираясь.

— Может быть, вы хотите есть, мистер Кларк, — кажется, так вас зовут? — это был Томас.

— Нет — сердито буркнул Ральф и сел. Он исподлобья начал рассматривать старика. Но открытое симпатичное старческое лицо не могло возбудить в нем ненависти или страха — старик едва ли был причастен к шайке.

— Бедяга Артур был славным парнем. — вздохнул старик, глядя в сторону комнаты шофера.

— Они убили его?

— Это вышло случайно. Но виноваты они. Мистер Гэксли знал, что кто-нибудь может проехать в тот час по дороге, и решил испытать луч. Назавтра в газетах уже можно было бы узнать о результатах. Он еще наделает делов — этот луч... Вы кто?.. — сразу оборвав, спросил он, и глаза его сделались жесткими и колючими, как его седые, нахмуренные брови.

— Я безработный. Ричмонд угрозой заставил меня ехать с ним. Словом, я теперь пленник.

Взгляд Томаса смягчился.

— Я думал, вы от них — из города.

Да.. уйти отсюда вам вряд ли удастся скоро. И пока не советую — опасно. Сегодня они что-то затевают... Ну, вы сидите, я принесу вам поесть.

И он ушел, мелко переступая старческими ногами.

Когда Томас вернулся, Ральф сидел все в той же позе. Разговор со стариком ничуть не утешил его, не разрешил сомнений. Какой-то дьявольский луч, какой-то таинственный Гэксли — какая-то чертовщина.

Старик принес холодное мясо, стакан теплого кофе и сэндвич. Глядя, как Ральф уничтожает принесенное, он тихо говорил, мигая слезящимися глазами.

— Я живу здесь год, и даже не выглядывал за ограду. Дочь скучает, она живет в городе и ей нельзя ез-

дить ко мне. Что поделаешь — надо существовать. Я ей посылаю деньги, но сам живу, как в тюрьме. Все было бы еще сносно, если бы не этот проклятый Гэксли. Мистер Ричмонд — талантливый инженер и хороший человек, я его знаю с детства и могу сказать это. Но они запугали мистера Ричмонда. Мистер Ричмонд еще лет пять назад изобрел какой-то луч, много носился с ним, пытаясь пристроить свое изобретение, но никто не сочувствовал ему, пока прошлой весной к нему не приехал Гэксли и кто-то еще из военных. Они увезли его сюда, выстроили здесь уйму всяких заграждений, так что теперь страшно подойти на 10 метров к стене, и принялись за испытания изобретения Ричмонда. Теперь это пахнет чем-то нехорошим. Уж я то знаю — где столько таинственности, там не жди добра. Честные люди все делают открыто...

— Ну, я пошел, — закончил старик, — утром зайду к вам. Желаю вам спокойно уснуть.

4. Разговор в красной комнате

После ухода Томаса Ральф еще долго сидел в раздумьи. Потом решительно встал и, открыв дверь, выглянул наружу. Вокруг было безлюдно и тихо. Большая меднорожая луна, недавно вставшая из-за буковой рощи, уныло освещала пустынные дорожки, ровно подстриженные кустики акации, массивный, вычурной архитектуры белый дом. Окна дома были темны, только за углом куст акаций отражал свет — в той стороне тоже были окна.

Ральф надвинул ниже кепи, сунул руки в карманы пиджака и уверенными шагами направился в сторону света. Не дойдя до угла, он остановился, прислушался

вновь и, уже медленно и осторожно, подошел к углу дома. Выглянув за угол, он увидел створку открытого окна. Неслышно колебалось выброшенное ветром наружу полотнище драпировки. Ральф подкрался к окну и заглянул в него. В комнате было пусто, это была гостиная: мягкая, красного плюша мебель; круглый стол; тяжелые красные портьеры на дверях; выдержанные в красных же тонах 2—3 картины; темная бронза на камине.

Ральф собрался уже отойти от окна, когда в глубине комнаты раздался кашель. Насколько мог быстро, Ральф перескочил дорожку и скрылся в кустах, окаймлявших ее. Окна были невысоко и, раздвинув ветви куста, Ральф мог свободно наблюдать за происходящим в комнате.

В комнату вошли двое. Впереди — знакомый ему Ричмонд, а сзади — немолодой уже мужчина, полный, с маленькими свинными глазками и как бильярдный шар головой. Темный, в полоску, костюм на его плотно сбитом теле сидел в обтяжку и напрягался, готовый лопнуть при каждом движении. Оба вошедших были рассержены.

— И я повторяю, мистер Гексли, свое требование о том, чтобы это было в последний раз.

— Я согласился на все ваши условия с тем, чтобы мне ни в чем не мешали. Три дня назад этот олух Витворт — ваш доверенный — посещения которого я терплю лишь благодаря вам, ради забавы включает передатчик, и — счастье, что никто не попал в зону действия луча, сегодня эту же шутку проделываете вы. В конце концов, я не понимаю — я-то здесь значу что-либо или нет?

— Сам, — Гэкли подчеркнул это слово, — требовал включить передатчик в то время, когда вас не было.

Вы задержались — это не моя вина. А что касается того, что вы попали в зону луча, то — кто мог предполагать это? Да — кто мог предполагать?

Голос Гэксли визглив и тонок. Гэксли плюхнулся в кресло и, заложив ногу на ногу, покачивал ею.

— Но я просил в передатчик без меня никого не впускать, За все отвечаю я. Мое счастье, что я не сидел в кабине рядом с Артуром. Короче — пусть это будет в последний раз.

— Прекрасно, прекрасно. Я обещаю. Рад, что мы кончили об этих пустяках и можем перейти к делу. До начала, — многозначительно поднял палец Гэксли, — осталось два часа десять минут. Сводка полета получена 26 минут назад. Пора уже направить луч в ту точку, чтобы заранее было все готово. Если чтонибудь будет действовать плохо, и самолет пролетит невредимым... я не хотел бы тогда быть на вашем месте, дорогой Ричмонд.

Толстяк беспокойно завожился в кресле и уставился своими острыми глазками на Ричмонда. Тот равнодушно выдержал взгляд, лишь глубже затянулся сигарой.

— Не надо пугать меня. Я знал, на что шел. Хотя, признаться, мне не совсем по душе ваша авантюра. Честные советские летчики совершают перелет, о котором до этого дня можно было лишь мечтать. Чем они мешают вам? Если мой луч способен останавливать моторы и — в случае отсутствия изоляции штурвала самолета с электросистемой — даже убивать людей, сидящих за штурвалом, то я совсем не имел в виду использовать луч на такие цели. Но я продался вам — и в этом все.

— Вы сентиментальны, Ричмонд. Нужно проще смотреть на вещи. Жизнь есть борьба. Вы — ученый —

знаете это не хуже меня. Так в чем же дело, дорогой? Рано или поздно они могут нас.. того... Вы понимаете? Мы отдаляем этот неприятный момент. В борьбе хороши все средства, кроме тех, которые не достигают цели. Не помните, кто сказал эти умные слова?

Гэксли рассыпался мелким жирным смешком. Затем он посерьезнел и, переложив ногу глубже, втиснул свое кругленькое тельце в кресло, продолжал:

— Этот новый советский самолет — опасная штука. Полсотни таких самолетов могут совершенно легко незаметно подлететь к столице и, не обращая внимания ни на какие средства ПВО, в какие-нибудь полчаса превратить ее в хаос, в груды обломков, в яичницу с луком. Большевики пока этого делать не собираются, но вы понимаете, как это свяжет наши действия в случае, если нам захочется выступить против них. Затем — этот самолет был бы полезен и нам. Ну, — да — очень полезен... Но как достать его чертежи? Поиски наших агентов оказались безуспешными.

— Эта страна не походит на Германию, где можно купить кого и когда угодно. Несколько лет назад, когда были живы и здоровы «реальные политики» — тогда можно было бы попытаться достать, но теперь... (Гэксли притворно вздохнул). «Реальные политики» превратились в реальных трупов. Единственный способ — сбить самолет. Тогда мы сможем кое-что узнать по его обломкам. Нет, вы понимаете — невидимый, бесшумный, сверхдальний, сверхмощный самолет! Ведь это идеал самолета! Перелет вокруг света.

В комнату вошел кто-то третий, невидимый Ральфу. — Сэр, радио...

Толстяк вскочил и торопливо вырвал бумажку.

— Идите, Томас, — отослал вошедшего Ричмонд. — Что-нибудь важное, Гэксли?

— О, да — положение меняется. Штаб сообщает, что самолет изменил курс и будет над нами не в 23 часа, как предполагалось, а через 20 минут. Приказ «само-го» гласит... (эти и дальнейшие слова Гэкли произно-сил четко и отрывисто, отстукивая в такт словам ко-стляшками пухлых пальцев по полированной глади стола)... «Сам» приказал немедленно включить пере-датчик и настроить улавливатель. Согласно показани-ям улавливателя, включить самолет в зону действия луча на 30 секунд. Самолет не должен упасть в море... Вот все. Идите, Ричмонд, время не ждет.

Ричмонд замаялся.

— Но Стоуна еще нет. Я не могу работать без по-мощника.

Гэкли словно ударили по голове чем-то тяжелым — он побагровел и завизжал.

— Как это «не могу»? Вы хотите погубить все дело? Или, может быть, вы жалеете этих большевистских летчиков? Нет, вы понимаете. Да ведь вас сегодня же убьют... Это черт знает что такое!..

— Право же, мистер Гэкли... — начал Ричмонд.

— Не слушаю! Через пять минут чтобы все было го-тово. Нет, вы поймите... это... — Гэкли задышался от ярости. Багровая шея напряглась, лицо покрылось ка-пельками пота. — Заставьте хоть Томаса, но мне нет никакого дела до ваших причин — я должен выпол-нять задание.

— Но Томас ничего не смыслит в электротехнике. Радиста нельзя отрывать, а больше в вилле никто не сможет заменить Стоуна. Хоть бы монтер какой...

— А где же я его буду искать вам? И — кто вам поз-волил отпускать Стоуна? Он должен быть здесь.

— Стоуна отпустили вы. Он, вероятно, захотел скрыться, узнав, что ваши и его старания отослать ме-

ня к праотцам там, на шоссе, не привели ни к чему.

Гэксли ошалело посмотрел на Ричмонда и, вынув большой платок, вытер им потную лысину.

— Да, вы правы... Впрочем, что это я — никто вас, дорогой Ричмонд, не собирался убивать, все вышло случайно... Но что же я буду делать?.. Нет, вы понимаете... «Сам» сживет меня со света, — плаксиво заныл он.

Ричмонд молчал, нахмуренный. О предательстве Стоуна, — бездарного ученого, не раз пытавшегося избавиться от Ричмонда и присвоить себе его изобретение — он мог предполагать и раньше, но твердо в этом уверен не был. Доставая из ящика сигару за сигарой, он нервно крошил их гильотиной. Гэксли бегал по комнате и то яростно ругался, то начинал жалобно ныть. Внезапно он остановился и, с заблестевшими надеждой глазами, бросился к Ричмонду.

— Идея! А ваш шофер Артур — ведь он должен что-то понимать... Ах, да — я забыл... — оборвал он и снова, с разбитым видом втиснулся в кресло.

Ричмонд нахмурился при упоминании имени шофера.

— Об Артуре нужно было думать раньше. Но я привез другого. И он, кажется, назвал себя электротехником. Томас! Позовите Кларка — нового шофера.

Ральф вздрогнул в своем убежище. Отпрянув от куста, он бросился бежать в гараж.

5. Короткое замыкание

Когда Томас вошел в гараж, Ральф уже сидел там, как ни в чем не бывало, и просматривал какой-то иллюстрированный проспект. От волнения он даже не

мог прочитать названия фирмы и только потом заметил, что держит листок «вверх ногами».

Через минуту он уже стоял перед Ричмондом. Гэкс-ли куда-то исчез.

— Вот что, Кларк. Вы, кажется, говорили, что знакомы с электротехникой. Мне сейчас для производства одного опыта нужен человек для работы у генератора высокого напряжения. Хотя это и не входит в ваши обязанности, но я прошу вас помочь мне. Пойдемте в лабораторию.

Генератор оказался, в самом деле, совершенно неизвестным Ральфу. Марки завода, технических данных на нем также не было.

По сути дела, Ричмонду почти нечего было объяснять — все и так было ясно. Он только сообщил кое-какие технические данные и предостерег от небрежности.

— Включите агрегат и ждите моих распоряжений, — закончил пояснения Ричмонд. — Самое главное — смотрите, чтобы благодаря какой-нибудь случайности не получилось короткого замыкания — тогда мы все полетим к чорту. Вы поняли. Все?

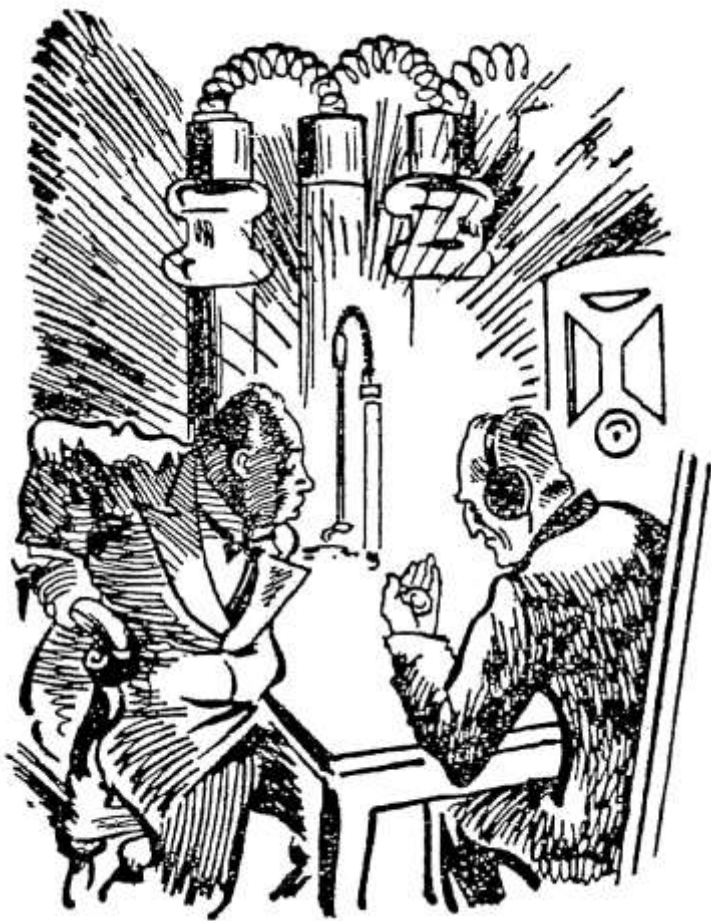
Да, Ральф понял все. Шайка мерзавцев, по указаниям какого-то всесильного «самого», хочет убить доблестных советских летчиков тем же способом, каким сегодня был погублен шофер Артур и лишь случайно избежал смерти Ричмонд. И никто не узнает об этом. Придумано хитро. Луч, направленный на самолет, очевидно, создает в его электросистеме мощное магнитное поле, мотор перестает работать, пилот поражается током и потерявший управление самолет падает. Почти то же самое Ральф видел сегодня на шоссе.

Но какое, все-таки, это гениальное изобретение! Передача энергии на расстояние. — Это позволило бы

передавать электроэнергию зимовщикам далеких полярных станций, позволило бы с помощью карманного трансформатора иметь электроэнергию где и когда угодно. Как развились бы транспорт, связь, промышленность... Весь мир преобразился бы в новый вид. Сказочные перспективы. Теперь Ральф припомнил о том незаметном газетном сообщении, промелькнувшем лет 10—15 назад. В нем говорилось о «лучах смерти», изобретенных англичанином Гриндель Мэтьюзом. Результаты испытаний свидетельствовали, якобы, о том, что «луч смерти» останавливал мотор мотоцикла, воспламенял на расстоянии щепотку пороха, убивал мышь и т. п. Возможно, что шумиха с «изобретением» полуграмотного Гринделя Мэтьюза была лишь ширмой, за которой велись эксперименты с настоящим изобретением. Но Ричмонд, вероятно, изобрел нечто еще более значительное, ибо к нему сразу же присосалось военное министерство. И вот он проданся этим акулам. А Ральф сделался их пособником. Но нет — Ральф голоден, но Ральф честен, и он не продается. Пусть лучше снова нищета, голод, холод, даже...

«Смотрите, чтобы не получилось короткого замыкания» — повторил он про себя слова Ричмонда, и с ненавистью посмотрел на него, возившегося около распределительного щита какого-то сложного прибора.

В лаборатории стоял полумрак — только распределительные щиты, стол с кучей фантастически-сложных приборов, опутанных паутиной проводов, да генератор были освещены яркими лампами, спрятанными под низкими и глубокими абажурами. Озаренное матовым сиянием неоновой лампы лицо Ричмонда, склоненное над одним из приборов, было бледно-синее, как лицо Артура, там, на шоссе.

Ральф следил за показаниями приборов и прислушивался к ровному гулу генератора. Когда он заходил с масленкой внутрь медной защитной ограды генератора, нападала сонливость, вялость, усталость — это говорило об исключительной мощности генератора.

— Осталось семь минут. Поторопитесь, Ричмонд. Это вошел Гэсли. Он хмуро и испытующе уставился узкими свиными глазками на Ральфа, даже не мигнув в ответ на его поклон.

— А этот болван не подведет? Он что-нибудь понимает вообще? Мне он не нравится, — не стесняясь тем, что Ральф его слышит, продолжал Гэсли, обращаясь к застывшему у приемника Ричмонду. Ричмонд не ответил и только презрительно скривился.

Гэсли присел около него и, нервно поглаживая лысину, смотрел на Ричмонда, пытаясь что-нибудь прочесть на его застывшем в напряженном внимании лице.

— Слышно? Ну, как?.. — тихо и заискивающе спрашивал он. Ричмонд молчал.

Ральф посмотрел на большие часы, висевшие над распределительным щитом генератора. Они показывали без 22 минут 11 час. Оставалось 3 минуты.

Минуты шли тягуче и медленно, как часы, или даже, как дни. Ожидание становилось нестерпимым.

— Три минуты... Ричмонд, ради бога — их слышно?.. Нет, вы понимаете... — молил Гэсли.

Ричмонд снял руки с верньеров и гневно повернулся к толстяку. Тот, опешив, в страхе отодвинулся и замолчал. Но вскоре заныл снова.

— Минута... Ричмонд, я хочу послушать... я прошу вас.

— Кларк! — резко прервал его Ричмонд, — дайте максимальный вольтаж. Когда на моем щите вспыхнет синяя лампа, включайте аппарат в цепь.

— Есть, сэр, — глухо отозвался Ральф. Быстро войдя за медную оградку, он нагнулся к генератору, но места, где можно было бы сразу замкнуть цепь накоротко, не нашел. Ральф вспотел от волнения. Теперь секунды

текли не медленно и тягуче, как раньше, а бежали с неимоверной быстротой.

— Эх, растяпа, — ругал себя Ральф. — Я все погубил. Через полминуты все будет кончено. — Ричмонд сам включит рубильник, и тогда... Зачем я тянул, зачем...

Тело его покрылось испариной. «Скорей, скорей»... — шептали побелевшие от волнения губы. Как назло, выводы генератора были глухо изолированы. — Что делать, что делать?.. Они погибнут!..

— Кларк, что там такое? — Ричмонд почуял недоброе. Быстро показав что-то Гэксли на щите, он побежал к Ральфу, гневно крича ему. Но тот уже выпрыгнул из-за перегородки к щиту. Секундная стрелка на часах заканчивала круг. Через пять секунд...

Опередив Ричмонда, Ральф прыгнул к рубильнику и, схватив гаечный ключ, замкнул им обе клеммы рубильника. Раздался жуткий треск... У аппарата, где сидел Гэксли, взвилось бледно-голубое пламя, и на паркетный пол лаборатории, извиваясь в судорогах, упали три трупа. Последним упал Ральф, зацепившись пиджаком за ограду генератора. Даже судорога не исказила радостной улыбки на его лице. Застывший взгляд был направлен вверх, в ту сторону, где сейчас живыми и невредимыми продолжали свой героический полет советские соколы.

А. ПИЛЬЧЕВСКИЙ

АШХАН БЫЛ ПРАВ

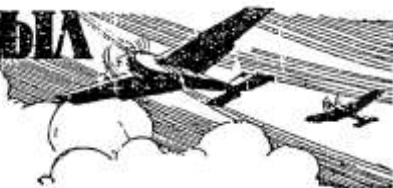
Фантастический рассказ

А. Пильчевский

АШХАН БЫЛ ПРАВ

Опубликовано в журнале «Техника смене», №№ 7-8,
1934 г.

АШХАН БЫЛ А ПРАВ

А. ПИЛЬЧЕВСКИЙ

Каждый год принесит человеку все новые и новые победы над природой. Еще недавно казалось, что управлять погодой — несущественная мечта для человека. Но вот уже несколько лет в лабораториях многих стран мира идет упорная борьба человека за овладение искусством управлять погодой. Опыты многих ученых уже оправдали себя и очень недалеко то время, когда управление погодой станет обычной вещью. А. Пильчевский, на основе уже достигнутых советскими учеными результатов, дает в этом рассказе картинку недалекого будущего.

Ашхан еще раз оглянулся на зелено-желтоватые холмики виноградной плантации, тоскливо вздохнул и побежал по пыльной дороге, клубя ногами горячую пыль. Впереди шел отец Ашхана, а с ним старик Курай, старый виноградарь совхоза. Их ног не было видно. Каждый шаг вздымал золотое курево пыли. Она толстым слоем лежала на дороге, точно кто рассыпал муку перегорелой кукурузы.

Курай и отец свернули с дороги. Ашхан видел, как старик протянул руку к низкой пшенице, пощупал еще совсем зеленые, но подернутые солнцем колосья, и сказал отцу Ашхана:

— Если бы столько солнца через месяц, ох, какая радость была бы! А сейчас...

Отец глянул в небо и ответил:

— Совсем плохо, совсем плохо, товарищ Курай.

В эту минуту подошел Ашхан.

— Велика техника 1942 года — продолжал Курай, — но никак не может человек сломить упрямства природы. Давно уже не было такой засушливой весны. Все у

нас в совхозе есть: и электрические тракторы, и самоходы-плуги. Наши быстроходные машины развозят по виноградным участкам рабочих. В соседнем совхозе уже второй год сеют пшеницу аэропланами-сеялками. Мы пески превращаем в чернозем. А вот дождя не делаем...

— И дождь можно сделать. Делают дождь, — заметил Ашхан.

— Дождь можно сделать только из лейки над своей грядкой.

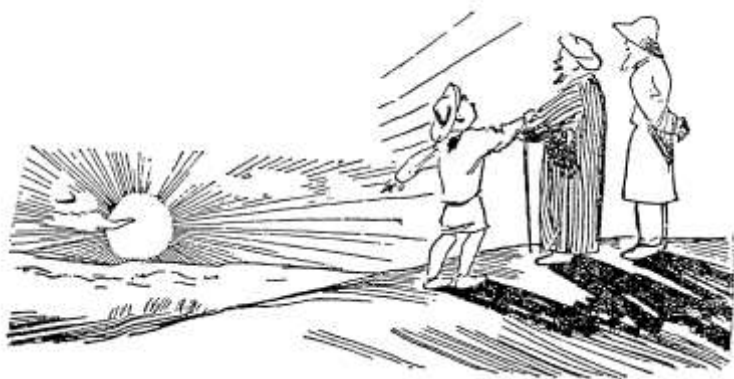
— А в Ашхабаде делали искусственный дождь, я читал, — упрямо возразил Ашхан.

Курай покачал головой:

— Искусственный не то. В нашем совхозе больше 35 квадратных километров. Разве можно сделать такой искусственный дождь?

— Можно. Я же читал, что можно. Под Ашхабадом делают очень большие дожди.

Отец не знал, на чьей стороне ему быть. Курай — старый виноградарь и почтенный знающий старик, но не совсем доверяет изобретениям и различным техническим новшествам.

А Ашхан — хоть ему и двенадцать лет, много читал, много знает. Часто рассказы Ашхана внимательно слушают старики.

— В крайнем случае, если еще не будет дождя три дня, следует, товарищ Курай, послать самолет в Ашхабад, или дать радиogramму о высылке этого самого дождя.

Курай подумал и потом воскликнул:

— О, если три дня не будет, надо сделать все, что только можно! Иначе гибель, гибель, гибель...

— Нет, не нужно ждать три дня. Нужно сейчас дать радио-грамму, и сегодня еще успеют прислать дождевые самолеты.

Курай молча глянул на Ашхана и слегка пренебрежительно улыбнулся. «Молодой ты еще, зеленый». Отец, точно поняв Курая, поспешил заявить:

— Три дня подождем.

— Нет, не надо ждать — упрямыствовал Ашхан. Тогда Курай, слегка положив руку на плечо Ашхана, заговорил с ним ласковым и нравоучительным тоном. Он рассказывал Ашхану об искусстве ухода за виноградниками, прикидывал, сколько тысяч центнеров винограда он вырастил за тридцать шесть лет работы на виноградных плантациях. Он вспоминал, как часто кропотливый труд людей опрокидывали различные капризы природы, — то засуха, то буря, то насекомые.

— А все-таки, нужно вызвать дождевые самолеты сегодня, — сказал Ашхан, когда старик умолк.

Курай пропустил мимо ушей несмело прозвучавшее замечание Ашхана. А отец завел с Кураем длинную беседу о пшенице соседнего совхоза.

Дома Ашхан не находил покоя, не зная, что делать, пока не вспомнил о радисте-комсомольце Урага.

— Слушай, Урага, — ворвался в совхозный радио-кабинет Ашхан. — Давай потребуем из Ашхабада дождь! Уже желтеет виноград. Сохнет пшеница. Они хотят ждать еще три дня. А по моему, нельзя и одного дня ждать. Да и зачем ждать? Ведь сохнет!

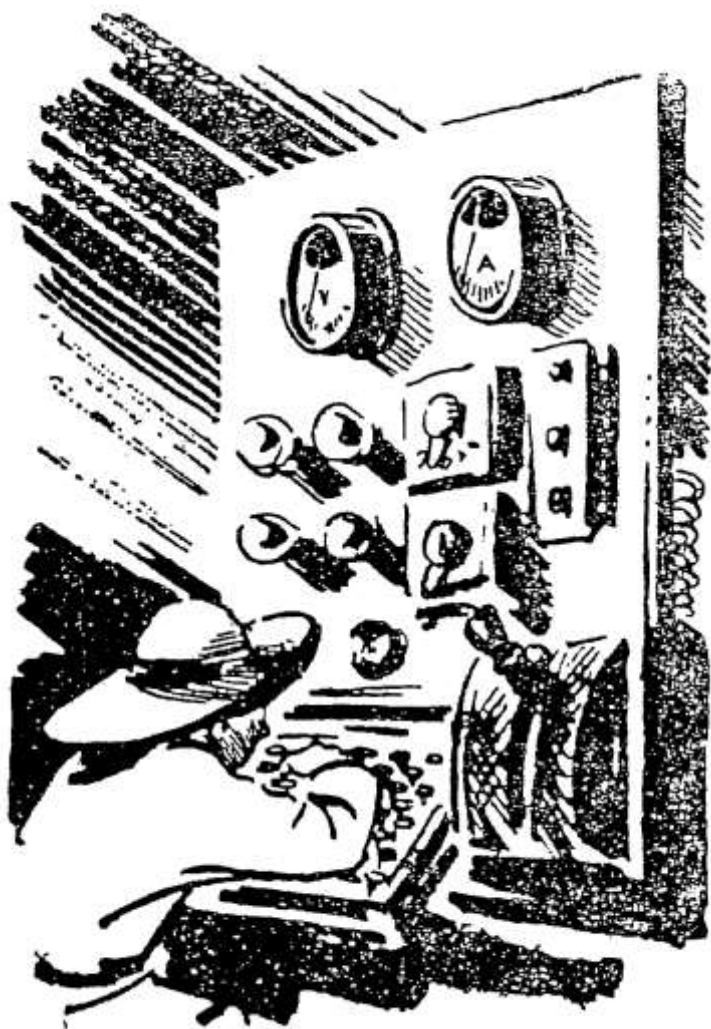
— Мы этого без правления не имеем права делать! Идем!

В правлении были согласны с Кураем и отцом Ашхана: подождать три-четыре дня. Ашхан ничего не сказал. Но сегодня дольше, чем когда-либо, сидел в радиокабинете Урага и особенно внимательно следил, как молодой радист передавал сводки и донесения в район. Радиogramмы передавались вновь изобретенным передатчиком, напоминавшим по внешности небольшую пишущую машинку. Слегка ударяя пальцами по небольшим круглым клавишам с обозначенными наверху буквами, Урага быстро посылал в эфир слова.

— Ну, ты, Ашхан, минутку побудь здесь, я только в канцелярию сбегая.

Ашхану только это и нужно было. Глядя на проворно бегавшие по клавишам пальцы радиста, он думал о том как хорошо было бы сейчас завладеть хоть на несколько минут радио-аппаратом. И как только за дверью затихли шаги Урага, Ашхан присел к радио-передатчику. Осторожно перебирая пальцами по клавишам, он сообщал:

«Ашхабад. Дождевая станция. В совхозе «Новая заря», Копетдагского района, сгорает от засухи виноград. В соседнем совхозе горит пшеница. Не было совсем дождей. Нужна немедленная помощь. Ашхан, сын тракториста».

Не дольше, как через три часа, звукоуловитель в кабине радиста Урага возвестил о приближении быстроходного аэроплана. В совхозе недоумение: все совхозные самолеты на месте. На аэродром вышли председатель, главный инженер и старший агроном: «Кто-нибудь из начальства летит» — решили они.

Самолет-разведчик ашхабадской дождевой станции пересекал воздух со скоростью около 300 километров в час. Показавшись на горизонте точкой, быстро принял очертания аэроплана и опустился на аэродром.

Вслед за летчиком из кабинки вышел агроном дождевой станции.

— Что же вы замедлили с дождем? Вам надо было дней пять назад это сделать. Но еще, конечно, ничего страшного пока нет. Вы товарищ Ашхан? — обратился он к председателю.

— Это я — и из-за самолета вышел слегка смущенный Ашхан и нерешительно остановился, не зная, что ему делать: подойти ближе, или, пока не поздно, убежать?

— Подойди сюда, молодой энтузиаст! — пригласил, приветливо улыбаясь, агроном.

— Тебя совхоз должен премировать. Если бы послали радиogramму завтра утром, все наши самолеты были бы уже на полпути между Ашхабадом и средним Поволжьем. Там засуха. А там работы много, и мы оттуда вернулись бы только дней через десять. Разрешите познакомиться: летчик-оператор Шухад!

Летчик Шухад познакомился с присутствующими, и с широкой улыбкой пожал руку Ашхану.

— Итак, не будем терять времени. Завтра в четыре часа утра наша эскадрилья приедет с дождем.

— Возьмите меня с собой. А завтра обратно, — попросил Ашхан.

— А отец позволит?

— Сейчас спрошу, подождите! — бросился он бегом с аэродрома.

— Наша станция — рассказывал агроном-дождевик, поджидая Ашхана — располагает двумя способами делать дождь. Во-первых, она делает туман, из которого потом поднимаются тучи и идет дождь. А, во-вторых, любые имеющиеся тучи, из которых не идет дождь, она делает дождевыми. Бывает так, что над посевами проходят тучи, а дождя нет. Наша эскадрилья соответствующими физико-химическими средствами вызывает из таких «мертвых» туч настоящий дождь. Вот вы, увидя в небе тучи, говорите: «тучи есть, возможно, что пойдет дождь». А наша станция в таких случаях гово-

рит так: «Есть облака, значит есть дождь наверняка». Помолчав немного, агроном дождевик сообщил:

— А на днях на северном Кавказе мы разогнали затяжной дождь, продолжавшийся подряд шесть дней и угрожавший гибелью посевов. У нас есть химические вещества и для рассеивания туч. Мы завтра сделаем у вас туман, если не будет над полями туч. А если будут тучи, задача облегчается. Туман или облака мы создаем при любой погоде. По составу частиц между туманом и облаком разницы нет. Они только по внешнему виду не похожи друг на друга.

Объяснения были прерваны. Подошел Ашхан с отцом.

— А он не выпадет из самолета? — спросил отец.

— У нас закрытая двухместная кабинка. Будет сидеть со мной рядом. Совершенно безопасно. А завтра с дождевой эскадрилей доставим его обратно. Он молодец.

— Полетим, товарищ Шухад. До завтра, друзья!

Ашхан первым, замирая от радости, залез в кабину.

Отряд эскадрильи в 18 самолетов опустился на лугу, далеко от совхоза. Это был «отряд тумана». Из кабинки одного из самолетов вместе с агрономом-дождевиком вышел Ашхан.

Он хотел было бежать домой, чтобы разбудить отца и соседей: пусть посмотрят, как поднимается вверх искусственный туман; но боясь, что не увидит, как все это делается, раздумал и остался.

На лугу возня. Прилетевшие на самолетах люди устанавливали в ряд небольшие площадки, напоминавшие консервные банки. В площадки был насыпан неиз-

вестный химический порошок. Лента плошек уходила все дальше и дальше.

Ашхан стоял у первых плошек. Всем распоряжался агроном. Он взмахнул желтым флажком. Рассыпавшиеся по линии плошек люди поспешно зажгли небольшие дорожные факелы и тыкали ими в плошки.

Закурились плошки. Молочно-белые клубы газа поднялись вверх. Легким ветром их уносило в сторону виноградных плантаций и пшеничных полей. Ашхан подошел к агроному, чтобы лучше видеть, что будет происходить дальше.

— Ты, наверное, недоумеваешь, как из этого выйдет туман? — заговорил агроном, следя за уходившими вдаль клубами газа. — Имей в виду, что при горении этот очень сложный порошок выделяет газы. Частицы газа сгущают влагу, всегда имеющуюся в воздухе в парообразном состоянии, образуя мельчайшие капельки тумана. Ты вот взглядишь туда хорошенько! Видишь?

Он показал рукой вперед. Ашхан увидел, что над куском луга расстиралась белая пелена, точно на землю лег дым.

— Еще несколько лет назад делались только опыты. А сейчас мы регулируем погоду, как любой опытный механик регулирует ход машины. В любую погоду, мы делаем дождь. А если дождь надоедает и мешает посевам, мы его уничтожаем. Ведь в воздухе, как я тебе сказал, всегда при всякой погоде есть влага. Надо было только найти способ превратить ее в облако. Сейчас эта задача решена.

Агроном рассказал о последних экспедициях самолетов дождевой станции.

— Смотрите! Смотрите! — прервал рассказ Ашхан. — Уже ничего не видно!

— Ты приглядывайся, а я уже не первый раз вижу.

— Ничего не видно! А-ай, какой туман!

И, действительно, луг был виден на расстоянии не более десяти шагов. Исчезли в тумане и солнце, и сотрудики станции, возившиеся у плошек. Ашхан почувствовал, что он дышит влажным воздухом.

Туман густел. Казалось, будто над землею повис осенний день. Агроном отошел в сторону и пропал в тумане. Ашхан остался один. Где-то вблизи раздавались голоса. Так прошло больше часа. Ашхан всматривался в непроницаемую белесовато-молочную мглу и ничего не видел. Скоро он заметил, что луг вырисовывался все больше и больше. Но вверху по-прежнему был густой туман.

Подошел агроном.

— Уже поднимается вверх. Часа через два три будет не туман, а облака. Хочешь с нами полетать и посмотреть как мы будем из этих облаков спускать вниз дождь? Хочешь?

— О, — только и выговорил удивленный всем происходившим Ашхан.

Туман внизу редел. Уже далеко был виден луг. Ашхан увидел также и самолеты. К ним шли люди с ящиками, наполненными плошками.

— Ашхан! — позвал знакомый голос агронома.

У длинного ряда самолетов незаметно проходило время. Люди рассказывали, шутили, смеялись, бегали по лугу взапуски. У земли уже не чувствовался туман, он уходил все выше и выше. Отчетливо были видны вдалеке постройки соседнего совхоза. Но небо было задернуто сплошной сероватой пеленой. Ашхан почти не отрывал глаз от неба. Он заметил, что кое-где обозначились первые светлые полосы. Но зато середина между такими полосами стала серой, цвета облака.

— Полетим, малый? — подошел и положил руку на его плечо летчик Шухад. Я тебя возьму на свою машину. Хочешь?

— Можно готовиться, ребята — послышался голос агронома.

Люди засуетились у самолетов. Одни залезали в кабинки, другие осматривали наружные механизмы. Особенно тщательно осматривали аэропылы, помещенные внизу под каждым самолетом.

Все заняли свои места. Заворчали моторы. Восемнадцать самолетов побежали по низкой, прожженной солнцем траве и отделились от земли.

В кабинке самолета, где сидел Ашхан, сразу потемнело. Самолеты пролетали полосу облаков, родившихся из искусственного тумана. Через минуту-две в ка-

бинке снова стало светло. И Ашхан увидел через окно летящие рядом самолеты эскадрильи.

— А это что вы делаете? — прокричал он над ухом своего соседа, — сотрудника дождевой станции, медленно вертевшего рукоятку какого-то прибора, вделанного в пол кабинки.

— А это аэропыл, который разбрасывает над облаками специально изобретенные химические вещества для получения из облаков дождя. Вот, посмотри на соседний самолет!

Ашхан взглянул в окно. Под соседним аэропланом клубилась белая пыль, оставляя после себя длинную полосу.

— А сейчас мы ринемся в самые облака, — сказал сотрудник.

Ашхан не отходил от окна кабинки. В кабинке потемнело. На стекле блеснули дождевые капли. Ашхан прильнул лбом к окну и заметил мокрое крыло самолета. Снова просветлело. В кабинку проник солнечный луч. Но тотчас скрылся. Ашхан понял, что самолет влетел в новое облако. По стеклу сбегали густые дождевые струи.

В совхозе «Новая заря» проснулись рано. Очень обрадовались туману, но не знали, в чем дело. И только когда заметили нырявшие в искусственных облаках самолеты, догадались, что «прилетел дождь» из Ашхабада.

— Там где-то мой Ашхан летает! — с плохо скрываемой гордостью сообщил отец Ахана стоявшим рядом Кураю и Ураге.

— Ашхан молодец! Герой! — заметил Урага.

— Да, Ашхан был прав, — сказал старый Курай.

Но беседа и наблюдение за самолетами были прерваны. На лицо и одежду собеседников упали первые

крупные капли дождя. И за ними тотчас пролился самый настоящий теплый дождь, какого уже давно не знали виноградные плантации и пшеничные поля.

Облака, истекающие дождем, светлели. Между ними шныряли самолеты, понуждая каждый оставшийся клочок облака упасть на землю долгожданным дождем.

А. ПИЛЬЧЕВСКИЙ

СТЕНА - НЕВИДИМКА

Научно-фантастический очерк

А. Пильчевский

СТЕНА – НЕВИДИМКА

Опубликовано в журнале «Техника смены», №№ 9-10,
1938 г.

СТЕНА - Невидимка

(Научно-фантастический очерк)

А. ПИЛЬЧЕВСКИЙ

1. Самолеты и танки остановились

Французский генеральный штаб вовсе и не ожидал от голубых предварительного объявления войны. Но он великолепно знал о передвижениях неприятельских корпусов к границам и был готов к тому, что не сегодня-завтра, вражеские армии перейдут границу.

Так это и случилось. В один из праздничных майских дней на улицах Парижа неожиданно заговорили репродукторы. Веселые, жизнерадостные лица мгновенно преобразились. Вместо смеха и улыбок всюду слышались тревожные голоса.

А репродукторы настойчиво оповещали:

— Неприятельские армии прорвались через границу, пройдя территорию Люксембурга и южную часть Бельгии. На юге вторжение произошло в районе Мюльгаузена. Наши армии вступили в соприкосновение с неприятелем. Идут упорные бои!

На границе происходят странные явления. Неприятель вторгнулся во Францию огромными массами прекрасно вооруженных армий только на севере и юге, на небольших пространствах, там, где меньше всего его ожидали. Таким образом, почти на всей границе, кроме небольших северного и южного участков, было спокойно. Было тихо и на таких центральных участках

границы, которые вели непосредственно к столицам обеих сторон.

Это несколько озадачило французский генеральный штаб:

— Что за сумасшедший план у них? Наступают почти всеми своими силами только на крайнем севере и на крайнем юге, а вся остальная граница обнажена, — недоумевали руководители штаба на военном совещании. И тут же было решено:

— Ударить по центру неприятельской стороны и захватить столицу!

В течение нескольких часов было подготовлено наступление на столицу. Впереди широкой лентой шли танки-крепости, вооруженные многочисленными орудиями и пулеметами.

От сотен приближавшихся к границе крепостей в пограничной полосе стоял небывалый грохот. Земля дрожала. Звенели стекла в домах маленьких городков и сел. Стальные гиганты смерти и разрушения подошли к самой границе. Вверху, в синеве весеннего неба в помощь танкам спешили к границе тяжелые пятимоторные и семимоторные бомбовозы, окруженные со всех сторон многочисленной стаей истребителей.

Но что это? Пройдя несколько метров по неприятельской земле, танки заметно замедляли ход. Они шли все тише и тише и, наконец, остановились.

Танкисты суетились, осматривали их со всех сторон. И беспомощно разводили руками, не находя никаких причин для такой неожиданной остановки всех машин.

Сзади торопилась на выручку вторая линия танков. Но на самой границе и с ней случилось то же — танки остановились, как вкопанные. Осмотрев самым тщательным образом механизмы, механики-танкисты за-

веряли, что никаких поломок и повреждений нет. Они заводили моторы, но моторы, точно безнадежно испорченные, не работали.

Потрясающая картина произошла в воздухе. Гул моторов бомбовозов и истребителей умолк, пропеллеры перестали вертеться, и самолеты, кружась и ежесекундно рискуя столкнуться друг с другом, планирующим полетом садились на землю. Они старались сделать посадку подальше от границы, чтобы сесть на своей территории.

О случившемся полетели с границы срочные радиодонесения в штабы. Встревоженные и озадаченные штабисты на высокоскоростных самолетах прибыли к границе. С ними вместе прилетели военные специалисты, инженеры, научные работники.

Под наблюдением специалистов, зорко следящих за действием моторов, были на пробу снова пущены вперед на границу два небольших танка.

На самой границе произошло снова то же — моторы остановились. Были пущены еще два танка. На этот раз каждый мотор наблюдали два специалиста. И когда рокот моторов и этих двух танков начал замирать, все стало ясным.

Все были поражены сделанным открытием и даже сразу не решались говорить об этом открыто.

— Все равно уже — пустите два маленьких. Для нас все ясно, но лишний раз проверить не мешает. Тем более, что мы столкнулись с чрезвычайно важным изобретением голубых...

Были пущены еще две танкетки. С ними повторилась та же история.

Среди остановившихся танков были поставлены измерительные электроприборы. Их показания подтверждали правильность заключения специалистов.

2. Тайна разоблачена

Тут же, у границы, было проведено экстренное полевое совещание, на котором специалисты доложили:

— Хитрость голубых, а вместе с тем, и весьма серьезное их изобретение, разоблачены. Они создали электроматнитную зону. Здесь неподалеку должны находиться и источники ультракоротких волн, которыми насыщена зона. Попадая на электрическую систему зажигания мотора, ультракороткие волны выводят машину из строя, и как видно, эта зона тянется высоко вверх, так как волны действуют и на моторы самолетов. Нам нужно или снабдить все наши танки, самолеты и автомобили моторами другой системы...

— Это сейчас совершенно невозможно!

— Нечего об этом и думать — враг в стране.

— Это равносильно гибели всей армии и захвату голубыми всей Франции. Пока мы снабдим новыми моторами все наши машины, неприятель со всеми своими армиями будет хозяйничать в нашей стране.

— Все же зону высоты надо проверить. Быть может, она тянется вверх всего на четыре — пять километров.

— Проверить! — было приказано группе летчиков. Десяток самолетов взвился вверх. Некоторые из них исчезли за облаками. Другие были видны в просвете между туч. Они спиралью поднимались на очень большую высоту, превращаясь в еле заметные точки. Глаза штабистов и специалистов, вооруженных биноклями, были направлены в небо. Минуты казались днями. Все напряженно ожидали результатов полета.

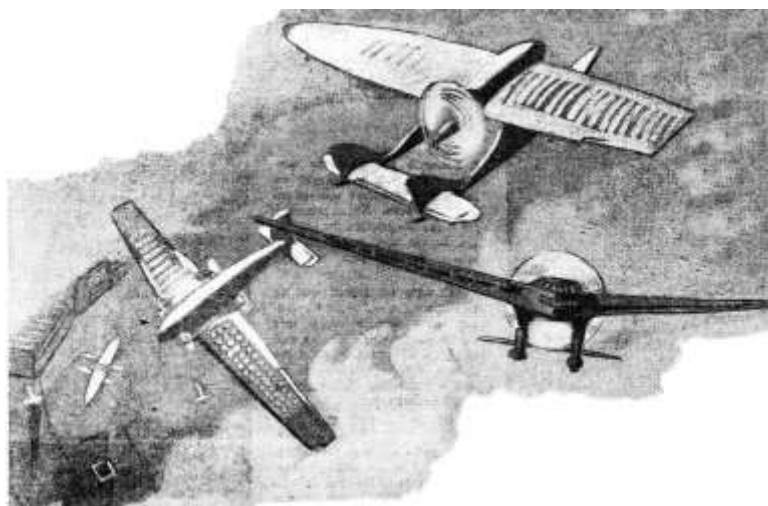
Однако, долго наблюдать не пришлось. Наблюдатели поспешно уселись в автомашины и быстро помчались вглубь страны. С самолетов были получены ра-

диограммы о том, что к границе движутся бронемашины и танки голубых.

Поднялись и улетели бомбовозы, истребители. Не могли сдвинуться с места только танки, стоявшие в полосе электромагнитной зоны. Артиллеристы-танкисты просили оставить их внутри своих машин, чтобы огнем многочисленных танковых орудий встретить неприятельские бронемашины и танки. Но им пришлось отказать в этой просьбе. Как оказалось, на территории зоны орудия не производили выстрелов.

И к тому времени, когда к Зоне приблизились броневые автомашины и танки, в сопровождении нескольких самолетов голубых, на границе в полосе мертвой зоны стояли неподвижно десятки французских танков.

Танки и броневые машины голубых выпустили по ним несколько снарядов, и снова скрылись.

Во французском штабе недалеко у границы продолжалось совещание. Картина войны была ясна. Заперев почти всю границу электромагнитной зоной, голубые обрушились колоссальными силами многочисленных своих армий, обильно снабженных новейшей военной техникой, на небольших северном и южном участках границы. Здесь они наступали мощной лавиной, железный поток которой еще не могли задержать французские армии. Враг медленно, но упорно шел по французской земле. Конечно, французское командование могло бросить навстречу неприятельским армиям не менее значительные силы, но пограничная зона таила в себе одну опасность. Она была неприступной стеной для французских моторизованных частей. А стоило перебросить на север и юг главные силы, как голубые в течение секунды могли выключить волны, и затем появиться здесь с танками, бронемашинами, самолетами.

Чтобы избежать этого, французам нужно было держать значительные силы вдоль всей границы. А это не позволяло сосредоточить основательные кулаки для отражения врага на севере и юге. Создавалось опасное положение. Голубые неудержимо продвигались вперед, направляясь с севера и юга к Парижу. На территорию Франции вступали все новые и новые их колонны.

— В течение полусуток прорвать зону, во чтобы то ни стало! Другого выхода нет, — было решено в генеральном штабе. Прилетевшие на самолетах к границе крупнейшие ученые Франции пришли к единодушному заключению:

— Зона не может простираться на десятки километров вверх. Она кончается где-то на границе между атмосферой и стратосферой.

Эскадрилья самолетов с летчиками, вооруженными кислородными аппаратами, была отправлена в срочный стратосферный полет. Отсчитывая секунды, весь штаб в полном составе ждал у радиоприемника вестей с самолета.

Радостно дрожали руки у радиста, принимавшего сообщение. В штабе наступило веселое оживление.

«Летим на высоте 10.750 метров свободно. Находимся на расстоянии пяти-шести километров от границы над неприятельской территорией, Путь на этой высоте свободен. Ждем дальнейших приказаний»:

— Вернуться! — было передано из штаба в воздух. Самолеты вернулись и подтвердили, что на той высоте, которой они достигли, путь для самолетов в неприятельскую страну свободен.

3. Неожиданный конец войны

Неподалеку от зоны готовилось еще небывалое в истории войн грандиозное воздушное наступление. Большому отряду самолетов было приказано прорваться между атмосферой и стратосферой.

Около трехсот мощных машин поднялись в воздух. Они летели отдельными отрядами по несколько эскадрилий в каждом. Самолеты делали большие круги, и скоро их уже нельзя было видеть невооруженным глазом. И, к каждому самолету был подвешен небольшой танк с одним мелкокалиберным орудием и двумя пулеметами.

Ширина воздушного наступления простиралась вдоль границы приблизительно на сорок километров. Это был участок границы, расположенный ближе всего к неприятельской столице. На этом участке, неподалеку от границы, были скрытые за холмами, в рощах и

лесах сильные ударные отряды французской кавалерии и пехоты.

Через три-четыре часа томительного ожидания на неприятельской территории недалеко от границы поднялись сильнейшая орудийная канонада и пулеметная стрельба.

Радио ведущих самолетов доносили французскому генеральному штабу о том, что все танки благополучно посажены на неприятельскую территорию, и вместе с самолетами успешно уничтожают артиллерийские батареи и пулеметные гнезда противника.

Прорыва зоны голубые не ожидали и не верили в это. Французские танки, спущенные с самолетов, полным ходом шли на батареи, уничтожая их огнем орудий и своей металлической массой, рассеивая живую силу пулеметным огнем. Самолеты снижались, и бреющим полетом довершали то, что начинали танки. Защитная огневая линия голубых была прорвана.

Широкой живой лентой мчалась в помощь танкам и авиации французская кавалерия. С ними прискакал большой отряд специалистов и научных работников. С помощью двух пленных артиллеристов — офицеров удалось отыскать местонахождение станции Зоны. Она была под землей. Отряд спешенных кавалеристов без труда занял ее. Опустившись вместе с ними в подземелье, специалисты привели в негодность аппараты.

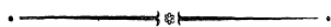
Зона перестала существовать. Через несколько десятков минут на протяжении всей границы показались многочисленные автомашины моторизованной французской пехоты. Французская армия развернула широкое наступление там, где его не ожидали голубые, уверенные в непреступности Зоны.

С севера и юга Франции командование голубых спешно перебрасывало свои армии в центр страны на

выручку столице, которой угрожала серьезная опасность. Продвижение врага на севере и юге Франции приостановилось. План голубых рухнул.. Молниеносный захват французской столицы не удался. Зона Подвела генеральный штаб голубых и привела к обратным результатам. Через три дня французские войска подошли вплотную к неприятельской столице.

А. ВЛАДИМИРОВ

ВОЙНА

Фантастический рассказ

А. Владимиров (Л. Владимиров)

ВОЙНА

Опубликовано в журнале «Вокруг Света», №4, 1932 г.

**Вокруг
Света**

№ 4.

ФЕВРАЛЬ 1932 г.

ВОЙНА

А. ВЛАДИМИРОВ

КАК-ТО очень быстро спустилась ночь. Весенняя, темная и очень гулкая, с заморозком после теплого апрельского дня. Корка тонкого, прозрачного льда, со звоном разламывалась от каждого прикосновения. Завтра, когда встанет солнце, звенящий лед растает. Он превратится на время в пар, чтобы вновь вернуться к ночи. Апрель!

...Они готовились целый день, доделывая оставшиеся после месяца напряженной работы мелочи.

Покров чрезвычайной тайны прикрывал необычайную, тревожную суету.

Пропуски обычного образца были — вот уже несколько дней — отменены приказом командования. Сюда допускали только самых верных, самых испытанных людей, и эти верные и испытанные говорили сегодня вполголоса, шепотом, как заговорщики.

Только под самый вечер загудели моторы. Сперва с перебоями — с быстрыми включением и выключением, потом смелее, длительнее, и... наконец, всерьез. Могучие пропеллеры резали и молотили упругий весенний воздух.

По знаку светового сигнала в воздух первыми взмыли истребители.

Первая, вторая, третья эскадрильи.

Они с невероятной быстротой набирали высоту, и хотя внизу взлет и был невидим, он чувствовался по быстроте удалявшегося звука. Первая, вторая, третья эскадрильи имели на вооружении самолеты последнего выпуска. Их летные качества: нормальная скорость полета — 350 километров в час, потолок полета — 5000 метров, вооружение — скорострельные легчайшие пушки и по два скорострельных пулемета системы „Фиат“, весом всего 7,5 килограмма каждый. Любой из присутствующих на аэродроме водителей отлично знал об этом.

Кружась над аэродромом, истребители поджидали главные силы. Начальник соединения радиотелеграфировал: „Держись на линии аэродрома. Потолок полета — 3100 метров. Жду распоряжения взять курс на Н-ск“.

Радиотелеграфист вытянулся перед комендантом в струнку. Его тонкая, затянута в ремни фигура от предельного напряжения, от сознания минуты в самом деле вибрировала, как струна. Комендант, пробежав радиотелеграмму, строго насупился, и с тревогой посмотрел в ту сторону, где предполагался загадочно молчавший противник. Он боялся его дальнобойной артиллерии. Вот сейчас, по этому огненному знаку, она смогла бы разнести ураганным огнем и самолеты, и ангары, и людей; избороздить посадочную площадку глубокими, осыпающимися воронками.

Но противник почему-то молчал.

Комендант отдал распоряжение зажечь световые сигналы.

Отряд бомбовозов плавно оторвался от земли и пошел вверх.

Отряд транспортных самолетов с десантом пулеметчиков в кабинах плавно оторвался от земли.

Самолеты-распылители ОВ поднялись последними.

Комендант, не обращаясь к почтительно замершему в кружке небу, круто повернулся на каблуках и направился к зданию, чуть белевшему в темноте. Первые радиосводки с пути уже ждали его на столе в уютном кабинете. Над аэродромом повисла дымовая завеса. Она предохраняла аэродром от ответного налета неприятельских бомбардировщиков. Часовые на постах плакали от дыма, разъедающего глаза. Комендант взошел по ступенькам штаба.

* *

*

ОНИ летели крадучись, забирая наибольшую высоту. Пять тысяч метров отделяли их от поверхности земли и от смерти.

Истребители, отделившись от главных сил, ушли вперед. Их задача состояла в том, чтобы, отвлекая на себя контратаку неприятельских эскадрилий, обеспечить прорыв главных сил на линии бомбежки и высадки десанта. По существу, они были обречены на гибель.

Отряды бомбовозов в боевом порядке, со скоростью 205 километров в час следовали за истребителями. Это была лишь средняя скорость современных пятимоторных бомбовозов. Но рука каждого пилота напряженно сжимала ручку управления самолетом. Как только отряд попадет в зону неприятеля, ручка управления будет повернута на самый полный ход, во что бы то ни стало прорываться, рассыпавшись, как вспугнутая стая птиц, прорываться каждому по отдельности, на свой собственный страх и риск, к намеченным для обстрела пунктам города — такова была оперативная задача отряда бомбовозов. Для чего же иначе каждый бомбовоз нес на своих крыльях восемь тонн

фугасных, фосфорных и начиненных отравляющими веществами бомб? Спущенные с прицепа опытной рукою пилота, бомбы должны были разрушить и поджечь с разных концов город. Приказ, объявленный перед полетом, говорил несколько выпендриво, — в нем чувствовалась рука коменданта, — но, в конце концов, кратко:

«Стратегически важные пункты города Н-ска: городская электростанция, западный и юго-восточный вокзалы, сталелитейный завод, химический завод, аэродром и водонапорные башни должны быть превращены в груды камня и железа».

То, что Н-ск, как всякий крупный торгово-промышленный центр, был переполнен женщинами, детьми, стариками-инвалидами — не принималось во внимание, или, наоборот, принималось во внимание, но лишь как тактическое преимущество над противником.

И теперь каждый водитель держал в голове только одно: первый сноп прожектора, первый залп зениток — полный ход, бомбежка и затем... удирать, уди рать, чего бы это ни стоило, обратно к посадочной площадке, к жизни...

ЗВУКОУЛАВЛИВАТЕЛИ противника поймали подозрительное гудение множества самолетов за десять минут до того, как вражеская эскадра, идя полным ходом, смогла бы повиснуть над городом.

Ослепительные клинки сотен прожекторов, тревожась, полетели вверх, разрезая черную пелену ночи.

Наблюдательные посты, расставленные сплошным забором далеко за чертой города, фиксировали в поле наблюдения колоссальную нападающую эскадру врага, с быстротой урагана несущуюся на город.

Дежурящие „под парами“ эскадрильи истребителей в течение двух минут, одновременно с нескольких точек города, взмыли в воздух и пошли на сближение с противником, на ходу обхватывая нападающую эскадру с флангов.

Город, только что пылавший мириадами огней, мгновенно погрузился во тьму. Электростанция по сигналу воздушной тревоги прекратила подачу осветительного тока.

Дымовая завеса, пущенная с разных концов города, набросила на город серое, безликое покрывало.

Оживленную уличную толпу моментально смыло в подворотни, подъезды, газобезопасности.

Поезда, трамваи, автобусы, автомобили застыли на месте с погашенными огнями.

Город замер.

Город в несколько минут стал сумрачным, молчаливым редут.

И вдруг заговорили зенитные батареи. Они нащупали прицел и взяли нападающую эскадру в сужающийся, неумолимый прямоугольник.

Истребители обороняющейся стороны завязали воздушный бой с врагом...

О ХОДЕ воздушного налета и обороне население информировали по радио.

Первая сводка — 23 ч. 09 м.

«Бомбовозы противника в рассыпном строю прорываются к городу. Нашим истребителям удалось обойти врага с флангов и не допустить дальнейшего рассеивания его сил. Потери противника точно не известны, но по всем данным огромны. Наши потери: пять истребителей и зенитная батарея, выведенная из строя фугасной бомбой большой разрывной силы,

удачно сброшенной с самолета взгза... (Пауза —30 секунд.) Четыре бомбовоза противника, прорвавшись сквозь зону заградительного огня, забросали бомбами привокзальную площадь. Юго-восточный вокзал горит. Жилые дома на площади разрушены. Количество жертв неизвестно. К месту обстрела срочно отправлены пожарные и дегазационные команды и моторизованный санитарный отряд... (Снова пауза.) Спокойствие, спокойствие, еще раз спокойствие! Решительный отпор врагу!»

Сообщение по радио начальника химической оборони:

«Алло! Алло! Слушайте! Враг рассеивает ОВ, отличающиеся большой подвижностью и могущие проникать сквозь маску, вызывая приступы легкого удушья и кашель. Не поддавайтесь на хитрую уловку врага! Держите противогаз на голове! Во что бы то ни стало сохраняйте противогаз на голове!.. Без противогаза вы беззащитны. Держитесь! Враг скоро будет отбит».

Вторая сводка — 23 ч. 23 м.

«В различных районах города от сброшенных противником фосфорных бомб возникли пожары, не поддающиеся быстрому тушению. Принимаются экстренные меры к их локализации. Временно выведена из строя заречная водонапорная станция... В районе Сорок третьей улицы противник сбросил несколько бомб со стойким ОВ невыясненных силы и свойств. Н-ская дегазационная команда, смело войдя на территорию зараженного участка, погибла в полном составе, не успев отступить. На участок выехала для испытательных работ бригада химспециалнстов... (Пауза.) Еще шесть самолетов противника сбиты нашими истребителями... (Пауза.) Выброшенный в районе Н-ской зенбатарей с самолетов противника на парашютах отряд

неприятельских танкеток окружен и расстрелян, не причинив значительного вреда обороне города... На медпункты Красного креста начинают поступать первые партии тяжело раненых, обгоревших и отравленных. Жертв нападения гораздо меньше, чем можно было бы предполагать. Продолжайте соблюдать спокойствие. Сеющих панику сдавайте воинским патрулям»...

Внеочередное сообщение:

«Командующий приказал: на удар ответим ударом! Наши самолеты уже бомбардируют расположение противника и неприятельский аэродром. Выше головы! Враг будет побежден!

.....

Шестая сводка:

«Победа! Победа! Слушайте! Слушайте! Враг отбит по всему фронту. Наши истребители преследуют остатки вражеских эскадрилий и расстреливают их в упор. Вскоре дадут свет! Вскоре дадут свет!»

ЕЩЕ не получив полных сообщений о результатах воздушного налета, командующий нападающей стороной отдал приказ о наступлении.

Армии было приказано прорвать фронт неприятеля на протяжении десяти километров под прикрытием ураганного огня, и, развивая операцию, ворваться в город Н-ск.

Наступление должно было начаться на рассвете.

Генштаб следовал указаниям высоких военных стратегов, recommending тактику „таранного броска“ с разгромом главных сил противника комбинированным ударом с воздуха, с суши и с моря, и с быстрым захватом его главных стратегических центров.

Штурмовым колоннам с вечера раздали усиленный паек и спирт.

Рассвет...

Бледно-розовая полоса появилась на востоке и, пробиваясь сквозь серую иглу раннего утра, расплзлась по небу.

— Бух! — ударило двенадцатидюймовое орудие.

— Бух! — ударило оно во второй раз.

И третий выстрел.

Через минуту балдахин из завывающей стали навис над линиями укреплений противника.

Нападающая сторона выпустила дымовую завесу. Под ее прикрытием из леса выползли серые громады пятидесятитонных танков, снабженных мощными танковыми приспособлениями, и, предшествуемые легкими танками и вертлявыми танкетками, поливая противника ураганным огнем из пулеметов и пушек, повели наступление. Следом за танками из окопов поднялись штурмовые колонны пехоты.

Рассыпавшись стайками, пехота перебежками пошла в атаку. Она должна была добыть в рукопашной схватке врага, выгнанного из своих укреплений артиллерийской канонадой и танками, и закрепиться на новых, отбитых у врага позициях.

Эти серые солдатики — такие смешные, по сравнению с громадами танков — были на самом деле главной и решающей силой наступающей армии, хотя их верховные водители не переставали убеждать себя в том, что при современном состоянии военной техники живая сила армии — всего лишь бесполезный и политически опасный придаток войны. Но, рассуждая так в тиши штабных кабинетов, они вслед за авиацией, вслед за броневыми глыбами — танками — посылали самую простую, обыкновенную пехоту, ибо только она могла завершить удар и отразить контратаки противника.

Едва ли об этом думали серые солдатики, бегущие с ружьями наперевес за быстро уходящими от них танками. Они и не думали об этом. Они лишь беспорядочно стреляли на ходу и орали во всю глотку — „а-а-а-а-а!“, чтобы заглушить остатки страха, не добитого до конца медвежьими дозами спирта.

Они добежали до первых линий неприятельских укреплений, сровненных с землей огнем артиллерии, и, не найдя там того, кого приказано было бить, побежали дальше.

На второй линии укреплений повторилось в точности то же самое. Развороченные артиллерийскими снарядами проволочные заграждения, окопы, блиндажи, зняющие пустотой пулеметные гнезда и... ни одного неприятельского солдата, хотя бы убитого, ни одной брошенной впопыхах винтовки или подсумка — сви детельства о том, что здесь некогда был враг.

Танки ушли теперь далеко вперед, и огненный балдахин из завывающей стали плясал где-то впереди, за несколько километров от наступающей пехоты. Тогда солдаты побежали дальше. Они то и дело прикладывались пересохшими губами к фляжкам, где еще оставалось немного переболтанной от бега и теплой, противной воды. Солнце взошло теперь совсем высоко. Делалось жарко.

На третьей линии...

— Кронек, — сказал один солдат своему отделенному, — мы бежим уже полный час, а еще не потеряли в отделении ни одного убитым. Здесь что-то не ладно!

— Я тоже так думаю, — сказал отделенный, который еще не вытряс из себя накаченный с вечера спирт, и поэтому снизошел до интимного разговора с подчиненным. — Но ведь это к лучшему?!

— Я убежден, — сказал опять солдат, не слушая Кронека, — что здесь какая-то ловушка. Помяни мое слово, будет здоровая потасовка.

Отделенный ничего не успел ответить на это. Кригом поднялся невероятный крик.

— Прорыв — кричали отовсюду. — Неприятель отступил по всему фронту.

— Приготовиться к посадке на автомашины! — закричал ротный командир, подбегая к отделанию. — Противник от страха наложил в штаны! Впереди нас нет никакого противника!

— Но, может быть, он сзади, — хотел сказать тот солдат, который только что говорил с Кронеком, но, вспомнив об уставе, удержался.

И лишь когда большая часть наступающей пехоты была погружена на грузовики, обороняющийся противник обнаружил себя и уверенно доказал, что во всем этом предприятии его нельзя сбрасывать со счетов.

Откуда ни возьмись, в воздухе появились десятки вражеских самолетов, которые, мгновенно снижаясь в штопоре, косили сплошным веером пулеметного огня моторизованные колонны, одновременно забрасывая их гранатами.

Со стороны было очень страшно смотреть, как обстрелянный самолетом грузовик вдруг начинал вихляться из стороны в сторону, а стоящие на его платформе — плотно-плотно, в затылок друг другу — солдаты вдруг начинали напоминать собою рожь, прибитую к земле крупным градом. Такой грузовик, пробежав несколько сажен по дороге, с пронзительным воем валился в канаву, а колеса его, вывернутые кверху, продолжали по инерции крутиться, как у перевернутой заводной игрушки.

Тяжелая артиллерия противника начала обстреливать дорогу издали.

Вдобавок ко всему этому, откуда-то с боков начался обстрел флангов наступающей армии, всегда несколько оголенных при таком форсированном марше. Никакие попытки принудить невидимого противника к молчанию не имели успеха. Орудия и пулеметы противника были прекрасно замаскированы и с чрезвычайной скоростью перебрасывались с места на место. Артиллерия наступающих не могла их нащупать, пехота и легкие танки — найти. Штурмовые колонны лишь растекались вширь, тем самым рассасывая силу концентрированного удара на Н-ск и замедляя быстроту его нанесения. Сильно потрепанная в ночном налете на город авиация нападающей стороны пока что не играла значительной роли в развивающемся наступлении. Теперь уже появилась масса убитых и тяжело раненных, и санитары едва успевали эвакуировать их в тылы. Наступающие заметно выдохлись.

— Ты прав, дружище! Потасовка началась! — хотел сказать отделенный Кронек своему солдату, но, обернувшись, не нашел его рядом с собой. Солдат, по видимому, вылетел из автомобиля на крутом повороте.

— Только ли раненым или убитым? Хотел бы я знать! — сказал вполголоса Кронек, и вдруг пожалел солдата, как иногда сожалеют о затерянной впопыхах глубокой и значительной мысли.

ПРИКАЗ командарма об отступлении передовые заслоны обороны получили в полночь.

В полном порядке, используя темноту как прикрытие, стараясь не стучать снаряжением, стрелки вышли из окопов и, сомкнувшись в ряды, пошли назад.

Долетающая из Н-ска канонада, гудение в воздухе невидимых самолетов, клинки множества прожекто-

ров, исполосовавших небо, давали повод к разного рода догадкам.

— Над Н-ском, а может быть, в самом Н-ске идет бой?

— Быть может, армия обойдена, и для спасения ее требуется отступить глубоко в тыл?

Командиры получили приказ разъяснить бойцам обороны значение и смысл предпринимаемого отступления.

От бойца к бойцу они передали слова приказа командарма:

— Мы отступаем для наступления. Нападающий враг должен быть отражен, разбит и уничтожен.

Но только высшее командование было осведомлено полностью об истинных намерениях командарма и военного совета.

Только высшее командование знало:

— что город Н-ск представляет собой такой крепкий орешек, который едва ли удастся раскусить врагу;

— что в тылу противника командарм оставил большое количество небольших, но отличающихся огромной подвижностью и большой огневой силой ударных снайперских отрядов, составленных из решительнейших и преданнейших людей, до времени хорошо упрятанных и замаскированных;

— что правее Н-ска командарм сосредоточивает большую армию, прекрасно технически оснащенную, которая нанесет фланговый удар наступающему противнику;

— что дальнобойная артиллерия обороны располагает самыми точными прицелами всех дорог, соединяющих наступающую армию с главными силами нападающей стороны и с базами боеприпасов;

— что...

Отступающие части еще до рассвета вошли в Н-ск.

Путь на Н-ск для нападающей стороны был расчищен, и последняя, не зная об отступлении противника, совершенно впустую расстреливала его передовые позиции, оставленные еще ночью...

ВЕСЬ последующий ход боя за овладение Н-ском разыгрывался как по нотам. Но теперь обороняющаяся сторона играла ведущую роль в разыгрываемой пьесе. Командарм обороны удачно применил один из тех стратегических приемов, который неоднократно применялся в предыдущие военные кампании. Он жертвовал городом, чтобы сохранить армию от первого удара и нанести решающий удар противнику во втором туре войны. Защита Шанхая была еще у всех в памяти...

В стремительном темпе полчища врага докатились до ворот Н-ска. С боем они овладели частью его окраин и... замерли, будучи не в силах продвинуться ни на шаг вперед. Целые колонны танков с укрытыми в них отрядами пехоты, попадая на минированные поля улиц, гибли, превращаясь в бесформенные груды железа и разрезанных на части трупов. Наступающие стайки стрелков подвергались жесточайшему обстрелу из разрушенных домов, где засели неуязвимые снайперы. Каждый раз в решительный момент они пропадали, словно проваливаясь под землю. В обороне города принимало поголовное участие все оставшееся в нем население. Никакие угрозы, никакие расстрелы на месте, без суда и следствия, не помогали. Женщины и дети подносили патроны там, где не могли проходить солдаты. Обороняющийся противник сумел построить искусную сеть подземных ходов и блиндажей, неожиданно появляясь в таких местах, где его совсем не ожидали, и срезая выдвинутые вперед части. Каждый

— Ну ТАК ВОТ, товарищи, — сказал докладчик, откидывая упавшую на лоб прядь волос и доставая из кармана френча портсигар. — Вот и все. Разумеется, я очень многого не сказал. Собственно, я ничего непосредственно не сказал о XIV годовщине нашей непобедимой Красной Армии, всегда готовой дать отпор врагу под руководством ЦК партии и Реввоенсовета... Но вы просили меня рассказать о технике будущей войны, и, вероятно, поэтому мой доклад вышел таким абстрактным, таким специфически-военным. Собственно, я передал вам один отрывок из моей повести, которую я пишу для нашего красноармейского литературного журнала. Вот поэтому кой-какие детали Звучали в моем рассказе несколько более подчеркнуто, чем это могло бы иметь место в реальной действительности... Я попрошу вас не искать в моем рассказе никаких аналогий с действительностью. Город Н-ск — не Минск, и не Хабаровск, и не Ленинград, и обороняющаяся в рассказе сторона — совсем не Красная армия. И если мои симпатии, как вы имели время и возможность почувствовать, целиком на стороне обороняющихся, то это объясняется очень просто. Я, прежде всего, — пролетарий и коммунист, а в переживаемый нами период нападающей стороной — об этом говорят реальные факты, например, последние японо-китайские события — всегда являются гниющие заживо империалистические державы. Вот отсюда и идут мои симпатии к обороняющейся стороне... Вообще же, меня больше всего порадовало бы усвоение вами одной, доминирующей в моем рассказе-докладе мысли, а именно той, что всякая обороняющаяся сторона имеет в своем распоряжении большое количество разнообразнейших благоприятных факторов, могущих обеспечить ей конечный военный успех, даже если она несколько слабее техниче-

ски, чем нападающая сторона. Сюда, конечно, следует отнести высокий дух войск, организованность населения и активную поддержку, оказываемую армии, высокое оперативное искусство ведущих начальников, умело и вовремя осуществленный стратегический маневр и т.д., не говоря уже о том, что на всякое самое убойное современное орудие истребления раньше или позже найдется свое противодействие и своя защита от него. И главная опасность применения этих высоко-механизированных средств войны, — как бы не стремились скрыть это от масс господствующие классы, — заключается в том, что вести их, ремонтировать их, строить их должны люди, масса, пролетарии, которые в конце концов обратят эти орудия против собственной буржуазии, посылающей их в бой. Этого ни в коем случае нельзя недоучитывать, особенно имея в виду, что в современной нам обстановке любая империалистическая война, между какими бы воюющими коалициями она ни велась, острием своим будет несомненно направлена против Советского Союза...

— Я вижу вокруг себя множество записок, — докладчик наклоняется, чтобы подобрать записки, и, быстро пробежав глазами первые из них, говорит:

— Я так и знал, товарищи, что я имею дело с квалифицированной аудиторией, которая напомнит мне о целом ряде важнейших вопросов, упущенных мною в моем своеобразном докладе. Вот товарищ Семенов спрашивает: «Что побуждает капиталистов затевать войны? Не противоречия ли, которые изо дня в день подтачивают капитализм?» Конечно же, они самые, товарищ Семенов. Именно непреодолимые противоречия капитализма обуславливают возникновение империалистических войн. Но здесь — заколдованный круг, из которого капитализму не вырваться. Империали-

стическая война 1914—1918 гг., возникнув из-за непреодолимых противоречий довоенного капитализма, выражавшихся хотя бы в том, что основные империалистические державы — Англия, Германия, Франция — должны были переделить мировые рынки, которых явно не хватало для всех хищников, — породила во сто крат сильнейшие противоречия, и привела к тому, что в результате целой полосы революций на одной шестой части мира возникло социалистическое государство, являющееся ныне самой большой опасностью для существования гниющего, находящегося в полосе всеобщего глубочайшего кризиса, капитализма. И вот, чтобы вновь попытаться вырваться из удушающих противоречий, капиталисты вновь затевают войну, и эта война, собственно, уже идет на Востоке, где сейчас дерутся с неменьшей свирепостью, чем в империалистическую войну. Нужно сказать со всей большевистской решительностью, что опасность новой грандиозной империалистической бойни никогда еще, во все послевоенное время, не стояла так близко у дверей мира, как теперь. И мы должны быть готовы к этой войне, ибо, прежде чем начать сведение счетов, капиталисты, без сомнения, постараются разгромить Советский Союз, чтобы легче было рассчитаться друг с другом.

И вот, в этой связи стоит вопрос, заданный товарищем Дьячко. Товарищ Дьячко спрашивает: «Как велика техническая оснастка нашей армии? Обеспечивает ли она нам победу?» Я скажу на это так, товарищи. Мы войны не хотим. У нас с вами стоят огромные задачи по строительству бесклассового социалистического общества, по переделке нашей крестьянской страны в индустриальную. Мы последовательно проводим политику мира, и недаром наш наркоминдел Литвинов с

открытым забралом дерется хотя бы за частичное разоружение всех стран ради интересов широких масс трудящихся. Но мы, устами нашего вождя, сказали: «Ни одной пяди чужой земли не хотим, но своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим». И это необходимо хорошо запомнить каждому, кто пожелал бы напасть на наш Союз. Я не могу удержаться, чтобы не привести слова, сказанные командующим Ленинградским военным округом товарищем Беловым, который сказал: «Пушки, танки, авиация, пулеметы станут действовать в руках большевиков совсем иначе, чем у буржуазии». Этими памятными словами разрешите мне, товарищи, и закончить свой доклад.

С. БАРТЕНЕВ

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО, НО ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ

Фантастический очерк

С. Бартенев

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО,

НО ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ

Опубликовано в журнале «Вокруг света», № 28, 1928 г.

(Одна из картинок будущей войны)

Будущая война или, — как ее заранее уже окрестили, — Вторая Мировая Война, будет во многих отношениях резко отличаться от прежних войн как своей техникой, так и способами ведения боевых действий. За те 10 лет, которые протекли со времени окончания войны 1914 — 1918 г.г, военная техника, по выражению одного западно-европейского военного писателя, «выросла больше, чем, по крайней мере, за сто лет, предшествующих Мировой войне».

«Сверхдальнобойная», бьющая на сто и более километров, артиллерия, самые разнообразные по своему действию на человеческий организм газы, могущественная авиация, мощный подводный флот, танки, электротехника в ее разнообразном применении — таковы главные «козыри» в руках современного полководца. Это — одна сторона будущей войны.

Другая — заключается в том, что и самый характер боевых действий будет отличаться от способов действий прошлых войн. Все минувшие войны велись только на фронте, велись лишь между армиями враж-

дующих сторон. В тылу же, внутри страны, можно было жить, ничуть не тревожась за свое существование.

Но теперь все это изменилось, и в будущей войне удары неприятеля будут наноситься не только фронту, но и тылу.

Чем же объясняется такая перемена? Тем, что теперь, со времени войны 1914—18 гг, вполне выявилась громадная роль тыла на войне. Огромное количество всего, что требуется современным громадным армиям, чтобы жить и драться, вызывает необходимость мобилизации для войны всей промышленности страны. Громадное большинство заводов, фабрик и других промышленных предприятий государства будет во время войны работать на 90% на оборону. Размах будущей войны будет так велик, и так велики будут потребности армии, что мобилизация всей промышленности страны будет единственным средством справиться с удовлетворением всех этих потребностей. А так как враг прекрасно это понимает, то, несомненно, в первую очередь он постарается нанести ряд сокрушительных ударов по нашему тылу, чтобы расстроить нашу промышленность, вызвать перебои в деле «питания» фронта, создать панику и недовольство войной среди населения.

Главное средство для таких нападений на неприятельский тыл, это — бомбардировочная авиация. Современные аэропланы-бомбардировщики или, как их называют, «бомбовозы», имеют все данные для подобных налетов. Их радиус действия, т.е. расстояние, покрываемое без спуска, доходит до 1.500 км; грузоподъемность — до 20 тонн (1.250 пудов), вес бомб — до 2¹/₂ тонн (около 150 пудов). Авиационные бомбы или, как их называют, аэробомбы, имеются различных видов: разрушающие, фугасные, химические, зажигательные

и пр. Главная роль будет принадлежать фугасным и химическим. Химические бомбы явятся самым грозным бичом тыла в будущую войну, так как разрыв нескольких таких бомб может совершенно остановить нормальное течение жизни, иногда на очень большой территории. Вот подобные «воздушно-химические» нападения врага в будущую войну и будут, весьма возможно, направлены против нашего тыла.

СССР — единственное в мире пролетарское государство, в то же время и единственное государство, не желающее никаких захватов, никаких увеличений своей территории за счет других. Но — увы! Далеко не так мирно настроены капиталистические государства, у которых СССР, как бельмо на глазу. Внутри самой Европы со времени окончания мировой войны 1914—18 г.г. не прекращается грызня из-за рынков сбыта. Атмосфера Европы, как никогда, насыщена электричеством. Война все время висит в воздухе. И наш Союз, несмотря на все свое миролюбие, легко может оказаться втянутым в новую кровавую бойню.

Мы должны быть к ней готовы.

Мы должны уметь отразить нападение врага.

А чтобы уметь это сделать, необходимо дать себе ясный отчет в том, что представит собою будущая война и на фронте, и в тылу.

Задача настоящего очерка — нарисовать картину возможного воздушно-химического нападения врага на тыловой город, важный в промышленном или политическом отношении.

Перед читателями пройдет ряд эпизодов воздушно-химического нападения в таком виде, в каком оно может произойти в действительности по данным современной военной науки.

Уже целую неделю все советские и иностранные газеты были полны телеграммами и краткими правительственными сообщениями о резком ухудшении положения во внешней политике, о том, что в воздухе сильнее, чем когда бы то ни было, запахло войной. И хуже всего было то, что, как ни старались советские дипломаты в течение долгих лет улаживать всевозможные «конфликты», имевшие целью вовлечь пролетарскую республику в войну; как ни бились они над тем, чтобы продлить еще «передышку», — чувствовалось, что на этот раз дело без войны не обойдется. Целую неделю без усталы работал совнарком; целую неделю в частях Красной Армии шли поспешные мобилизационные приготовления; целую неделю не знал «ни отдыха, ни срока», налаживая свой огромный, сложный аппарат, начальник воздушно-химической обороны города...

Все было, как вчера, как третьего дня и — так всем мучительно, страстно хотелось верить этому — так будет завтра. Так же светило солнце, так же на тротуарах кипел человеческий муравейник, так же, как и всегда, гудели трамваи и громыхали тяжелые грузовики «Хлебопродукта». Но чувствовалось, что все было «то, да не то». Точно какое-то облачко тревоги налетело на город, и сразу же отошло прочь то мирное, будничное настроение, которое царит всегда там, где над всем господствует труд. Точно ровное, спокойное дыхание города вдруг заменилось тревожным, прерывистым, учащенным.

Да и самый внешний вид города сразу приобрел иной вид, словно какие-то тени прошли по нему — нарек на грозные возможности.

Вон сверкающая на солнце колокольня всем хорошо известного в городе исторического собора, на которой теперь устроен пункт наблюдения за воздухом. А вот, правее — крыша Народного Дома, превращенного в районное газоубежище.

А там, далеко, в той стороне, где небо постоянно задернуто дымом заводских труб и откуда в ранний утренний час доносятся звуки гудков, там тот таинственный теперь Запад, откуда каждую минуту можно ожидать всяких гадостей.

И не мудрено.

Только что вышло «экстренное прибавление» к утренним газетам с сообщением, что на мирный исход переговоров — надежды нет. Что война еще не объявлена, но надо быть готовым к тому, что военные действия могут начаться каждый час. А объявление войны — это теперь на «посвященном Западе» считается предрассудком: объявить войну можно и после начала военных действия. Сообщение это заканчивалось такими заключительными строками: «Чем бы ни кончились переговоры, прежде всего необходимо до конца сохранить полнейшее спокойствие, выдержку и самодисциплину».

А в вечерних газетах появилось уже такое обращение:

КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ ГОРОДА.

«В случае неожиданного воздушно-химического нападения противника, т.-е. при появлении над городом неприятельских самолетов с целью бомбардировки города химическими, зажигательными и фугасными бомбами, главное — не теряться и принимать следующие меры:

1) На тех заводах, фабриках, предприятиях, учреждениях и ЖАКТ'ах, где имеются газоубежища, не-

медленно переходить в них, а где их нет — в районные газоубежища, в крайнем случае — спускаться в нижние этажи и подвалы домов.

2) В случае падения химической аэробомбы, тотчас же сообщать об этом в штаб воздушно-химической обороны района.

3) В случае одновременного возникновения пожара, вызывать пожарную команду.

4) При появлении газоотравленных — звонить по телефону в скорую помощь.

5) При малейшем подозрении, что ваши пищевые продукты и вода отравлены, ни в каком случае не употреблять их до прибытия отряда нейтрализации О. В., который вызывайте по телефону 732-56.

6) Начало нападения будет возвещено особой сигнализацией».

О том же ежедневно передавало и радио всем, у кого имелись радио-приемники, дополняя эти краткие правила особой инструкцией о защите от отравляющих боевых веществ одежды, домашней утвари, пищи; и справками, куда обращаться за помощью в различных случаях при воздушно-химическом нападении врага.

На всех перекрестках появились громадные плакаты:

С Т О И!

Если ты еще не знаешь, что нужно делать при воздушно-химическом нападении врага на город, с е г о д н я же обратись за справкой об этом в ячейку ОСО-Авиахим на твоем заводе, предприятии, учреждении, районе.

**Штаб воздушно-химической
обороны города.**

И вот, люди быстрее обыкновенного двигаются по тротуарам, сходятся, обмениваются поспешными словами и снова расходятся, чтобы поскорее закончить свои дела, пока не начнется «то». Нервнее звучат резкие звонки трамваев, с неполной нагрузкой мчатся грузовики, быстрее проносятся военные и мобилизованные обороной города автомобили.

И вот совершилось! Но совершилось совсем не так, как думалось, как описывалось в фантастических романах, трактовавших на тему «Война будущего». Все оказалось с одной стороны более просто, а с другой — куда сложнее, чем то, что создавалось фантастикой. А вообще говоря, все было, повторяем, не так, как предполагалось.

Впрочем, по порядку.

Как только в воздухе определенно запахло войною, тотчас же были учреждены линии постов воздушного наблюдения, параллельно западной границе государства: одна — километрах в 80 — 100 от города, а другая — в 20 — 25. Посты эти были соединены в группы, причем в каждой группе один пост — Центральный. Каждый пост был соединен телефоном со своим центральным а тот — радио-телеграфом — со штабом обороны города. Кроме того, были «воздушные посты» и в самом городе.

На некоторых из постов были установлены звукоулавливатели — приборы для определения, в каком направлении летят неприятельские эскадрильи. С помощью такого прибора можно выиграть еще больше времени для предупреждения о готовящемся неприятельском налете на охраняемый город.

Часов в 8 утра такого же погожего дня, какой был и при начале нашего рассказа, люди, находившиеся на наблюдательном посту Колосово, в 95 километрах к

западу от нашего города, уловили в звукоулавливатель шум летящей неприятельской эскадрильи. Через 3 минуты об этом было передано по телефону на центральный пост, а еще через 3 минуты заработал радиотелеграф: «Центральный номер пять». — «У аппарата, начальник штаба обороны». — «Северо-запад — запад около 20 километров неприятельская эскадрилья». — «Хорошо. Когда появится над постом, донесите». — «Есть. Донести, когда появится над постом».

Через 15 минут после этого на центральном посту № 5 заметили в 5 километрах к западу от поста и на высоте 2000 метров неприятельскую эскадрилью.

Если бы наблюдатели были настроены более поэтически и, главное, если бы в их распоряжении было хоть полминуты свободного времени, они невольно залюбовались бы открывшейся перед ними картиной. На бледно-голубом фоне неба резко вырисовывались четыре отряда самолетов, словно четыре стаи журавлей: три впереди и четвертый — несколько поодаль, слева. Переливчатое гуденье аппаратов, точно отдаленное жужжание шмелиного роя, делалось с каждой минутой все явственнее, все слышнее, все настойчивее.

Иногда отдельные самолеты вырывались из строя, и тогда сразу же нарушались правильные фигуры косяков, а затем, точно смутившись, они торопились выравнивать фронт.

Как только в штабе обороны получено было известие о появлении неприятельской эскадрильи над Колосовым и о том, что самолеты летят прямо на восток, по городу понеслись автомобили с особыми, резкими гудками, «гудками тревоги». Одновременно начальники воздушно-химической обороны районов дали сигнал тревоги, принятый на всех заводах и предприятиях и в отделениях милиции. Загудели гудки заводов

и фабрик; постовые милиционеры, на ходу проверяя свои противогазы, розданные им при начале «тревожного времени», стали прекращать уличное движение. Трамваи, которые были вблизи от своих парков, юркнули туда, а остальные — остановились там, где застал их сигнал тревоги.

Пожарные команды, отряды нейтрализации О. В. кареты скорой помощи — все приготовились к работе. Те заводы и фабрики, которые без ущерба для дела могли приостановить работу, прекратили ее. А на тех заводах и предприятиях откомхоза, где работа должна продолжаться непрерывно, — водопровод, электрические станции, телеграф, телефон, железные дороги, — всем рабочим, которые должны были при всех условиях оставаться на своем посту, были розданы противогазы и противогиперитные костюмы. Все освободившиеся рабочие перешли в газозащитные убежища.

Кое-где в этих газозащитных убежищах открылись своего рода летучие клубы, и на все лады обсуждались события дня.

Все эти последние дни истребительная эскадрилья на своем аэродроме готовилась к действию. Длинной лентой протянулись по земле стальные птицы — легкие одноместные самолеты-истребители с выглядывавшими спереди пулеметами.

В это утро, по распоряжению штаба городской обороны, самолеты приготовились к бою. Летчики суетились около своих аппаратов, команда по их указаниям доканчивала приготовления к полету. Воздух был наполнен гудением моторов и резкой трескотней пропеллеров.

Не прошло и 10 минут после получения сведений о приближении неприятельских бомбардировщиков к городу, как все на аэродроме пришло в движение.

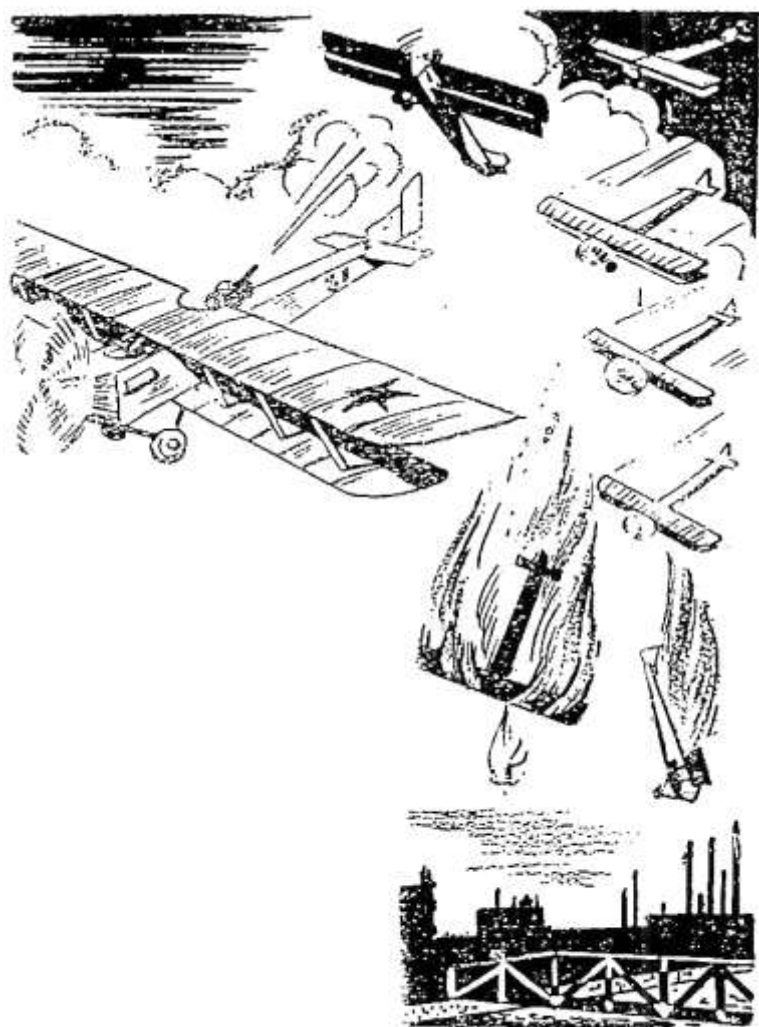
«Бомбовозы летят!» — словно электрический ток пробежал по линии стальных птиц. «В воздух!» Еще сильнее загудели моторы, яростнее прежнего затрещали пропеллеры, и один за другим, подпрыгивая на неровностях аэродрома, понеслись аппараты по земле, и друг за другом взвивались в воздух. На лету они выстраивались в воздушный боевой порядок, пролетели над городом; и быстрые, легкие, увертливые истребители понеслись на встречу тяжелым неприятельским бомбовозам. Завидя истребителей, противник тоже начал перестраиваться.

Результат короткого воздушного боя наших истребителей с неприятельскими бомбардировщиками был таков: пулеметным огнем с неприятельских самолетов были убиты или ранены летчики. Аэропланы, потеряв управление, стали падать и тяжело рухнули на землю. Большинство остальных бомбовозов, смущенные быстрым и смелым налетом истребительной авиации, не приняло серьезного боя, повернуло назад и стало уходить восвояси.

Прогнав большую часть неприятельских «налетчиков», начальник нашей истребительной эскадрильи, во главе одного из отрядов, пошел, пользуясь своей быстротой, преследовать врага, а остальной части эскадрильи подал сигнал — возвращаться на аэродром.

Над городом вести воздушный бой уже было опасно для населения.

Лишь одному отряду неприятельских бомбовозов из 6-ти аппаратов удалось проскользнуть к городу. У них был план города, имелось и определенное задание по «бомбежке» заводов, и воздушные бандиты уверенно пошли к цели своих действий.

Обстрел вражеской
эскадрильи

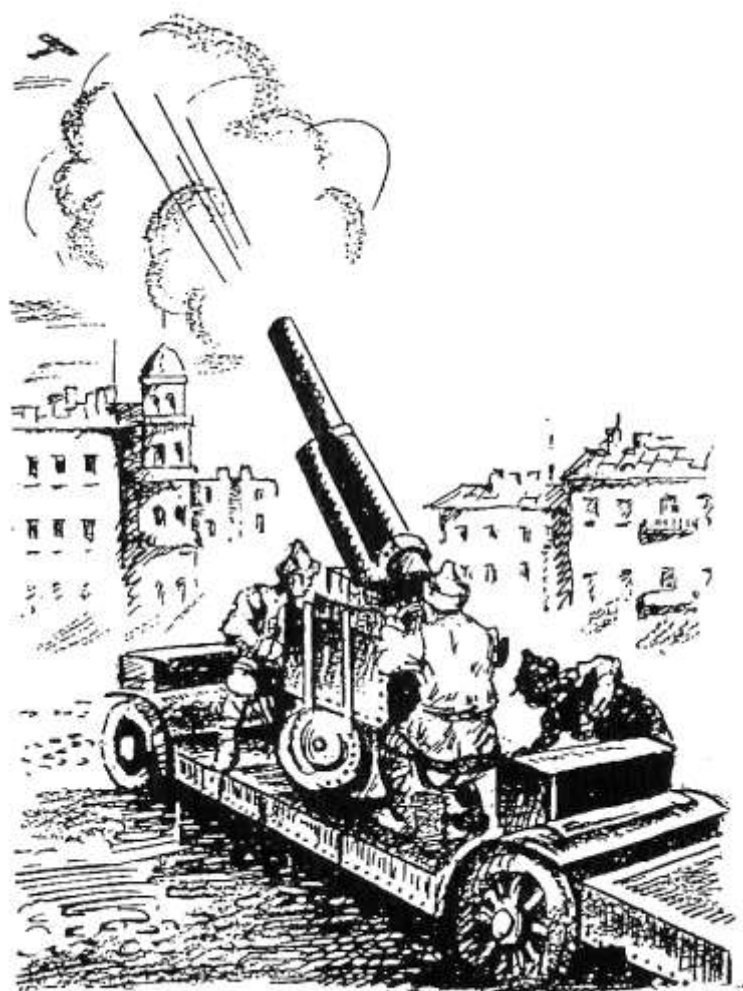
Но не успели они подойти к окраинам город, как заработали «зенитные» орудия, поставленные в разных пунктах города так, чтобы каждая точка в воздухе над важнейшими зданиями города — заводами, фабриками, складами, правительственными учреждениями — обстреливалось, по крайней мере, из двух орудий.

На крышах высоких зданий были установлены зенитные пулеметы на случай снижения аэропланов на 1.500 — 2.000 метров.

Приближаясь к городу, шесть смельчаков-бомбовозов струхнули и поднялись вверх, взяв высоту около 3.000 метров. Этот маневр все-таки не вполне спас бомбовозов, и от шрапнельного огня наших защитных пушек они не ушли.

Покрывая гуденье неприятельских аппаратов, загрохотали скорострельные 76-ти миллиметровые пушки, и полетела ввысь шрапнель. Высоко в небе рвалась она, обозначая места разрывов круглыми, плотными, молочно-белыми дымками и выбрасывая из своих стальных «стаканов» сотни свинцовых пуль. Но как ни усовершенствованы современные зенитные орудия, как ни тщательно разработаны их методы и приемы стрельбы, все-таки стрельба по воздушному врагу, летящему на высоте нескольких километров, — дело не легкое. Один из бомбовозов оказался сильно подбитым и, завертевши в воздухе, как подстреленная куропатка. камнем полетел вниз и, конечно, разбился со своим летчиком. Другой аппарат должен был спуститься на одной из городских площадей из-за того, что у него оказался пробитым бензиновый бак, и горячее стало вытекать.

Остальные четыре бомбовоза продолжали лететь над городом, порою окутываясь облачками разрывов

Стрельба по самолетам из зенитных орудий

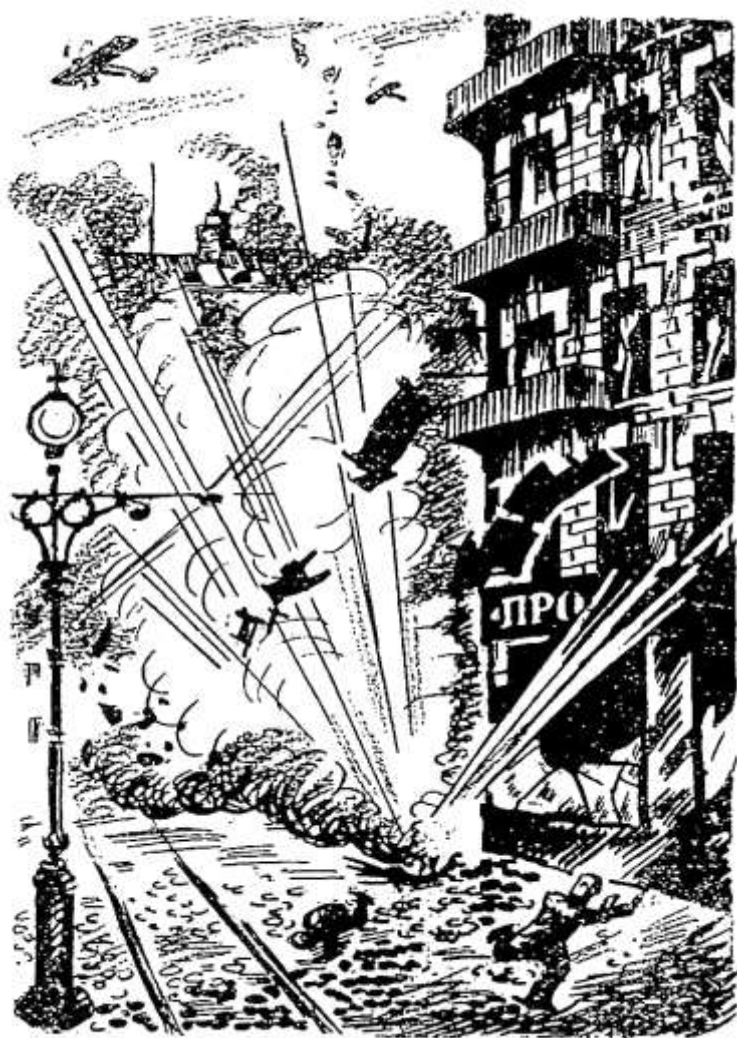
шрапнели так плотно, что, казалось, не ускользнуть им от метких пуль. Но мгновение — и облачко оставалось назади, и аэропланы плавно продолжали полет. Вот они достигли своих целей: завода «Красный Пролетарий», фабрики «Октябрьская Победа» и вокзала Западной жел. дороги. Но зенитные орудия настолько нагнали страха на разбойников, что они не решались снизиться для бомбометания. А с большой высоты оно было очень не метким, и ни одна из сброшенных бомб не попала в цель.

Но все эти бомбы были химические, и свое злое дело они отчасти сделали...

Улицы производили странное впечатление своим безлюдьем. Ни трамваев, ни обычной, вечно торопящейся толпы пешеходов на тротуарах, ни привычного разноголосого дневного шума большого города. Слово в ранние утренние часы, когда город еще не проснулся. Но солнце стояло высоко в небе, и это еще больше усиливало впечатление необычности. Большинство населения попряталось, укрывшись от громадных хищных птиц из дюралюминия, летевших над городом и несших с собою смерть и разрушение.

Но, конечно, движение на улицах в полной мере не прекратилось, и то тут, то там мелькали пешеходы, и изредка, не стесняемые уличным движением, быстрее обыкновенного проносились автомобили.

И вот, внезапно вынырнув из-за шестизэтажного дома, высоко в небе показались три аэроплана. Секунда — и в воздухе послышался торопливый, частый-частый шорох: «шу-шу-шу-шу», с каждым мгновением все слышнее и слышнее, все ближе и ближе, постепенно переходя в сиплый свист. Мгновенная тишина и, словно раздирая воздух, грохот страшного взрыва всколыхнул все вокруг. Один — и тотчас же другой.

Сбрасывание бомб с удушливыми газами

Со звоном посыпались стекла в домах, сорвалась вывеска магазина, чей-то стчаянный крик пронесся в воздухе, в окнах показались испуганные лица.

Почти одновременно — в воздухе стал распространяться противный, острый, сладковатый запах. Он пополз в незапертые двери домов, во дворы, стал проникать сквозь разбитые стекла в квартиры... В домах поднялась суматоха. Вот быстро распахнулась калитка в воротах одного из домов и оттуда выскочил человек без шапки и, крича: «телефон, где телефон?» — побежал по тротуару. В другом доме спешно закрывали, чем попало, разбитые стекла и, размахивая какими-то салфетками или передниками, старались прогнать газ из комнат.

Вот, приблизительно, как может произойти воздушно-химическое нападение на город. Мы видели те меры, которые были приняты военной властью для защиты города, видели работу постов наблюдения, зенитных пушек, истребительной авиации.

Посмотрим теперь, какие меры принимаются гражданскими властями и самим населением для предотвращения последствий нападения.

Начнем с конца. Население может очень широко помочь самому себе. Оказать первоначальную помощь жертвам вражеского налета до прибытия врача, обезвредить жилища, отравленные газом, наконец, вынести пострадавших из отравленного места — вот, что необходимо знать всем, что должно быть широко распространено среди населения. Все это — домашние меры. А затем — кареты скорой помощи, оборудованные таким образом, чтобы внутрь их не проникали газы; команды для обезвреживания отравленных мест — «нейтрализующие команды» — с гидропультами и химическими составами для очистки местностей от га-

зов; пожарные команды в противогазах для тушения пожаров, возникших при падении бомбы.

Смелая работа истребительной авиации, которая может своими действиями прогнать большую часть неприятельской бомбометной эскадрильи; меткий огонь зенитной артиллерии, умеющей загнать врага на такую высоту, где ничего существенного не сделаешь, это самое главное для защиты тыла от воздушно-химического нападения. Затем, всестороннее оказание помощи населению, пострадавшему от химических бомб. Наконец, самодеятельность масс населения.

При помощи нашей могущественной организации ОСО-Авиахим, население постепенно делается все более и более грамотным в деле обороны тыла; все более способным разбираться в вопросах авиации, газов, и в случаях, подобных вышеописанному, оно может проявить самостоятельность и постоять за себя.

Настоящий очерк написан был еще до произведенного 2—3 июня в Ленинграде «воздушно-химического учения», и поэтому о результатах его мы ничего здесь не говорим. Это «учение» происходило в обстановке, близко напоминающей ту, которая очерчена у нас. Оно было первым опытом широкого показа населению большого города, что представляют собою те воздушно-химические нападения, о которых мы говорим в нашем очерке. Ленинградцы ясно могут себе теперь представить картину возможного будущего нападения врага на наш тыл.

15 июля начинается «Неделя обороны». Мы должны целиком посвятить ее на то, чтобы задуматься над вопросом: какова будет будущая война, и как мирное население нашего Союза может искать защиту от ее оружия — авиации и химических бомб.

К. КАЙТАНОВ

ПРЫЖОК
с 25 000 метров
(1941 год)

Фантастический рассказ

К. Кайтанов

ПРЫЖОК С 25 000 МЕТРОВ (1941 ГОД)

НАШЕ НЕБО:[Записки парашютиста] - Л.: Сов. писатель, 1939 г.

Прыжок с 25 000 метров (1941 год)

Полет был назначен на ночь. Молодые экспериментаторы Петр Луценко и Алексей Золин утром рассчитывали достигнуть потолка, затем по прямой пересечь материк с юго-запада на северо-восток. Посадка в Чкаловске. Итого восемь часов полета.

Если машина оправдает расчеты конструкторов, то на высоте в двадцать пять тысяч метров расстояние между Чкаловском и Н. будет покрыто за пять часов.

Девятьсот — тысяча километров в час!

Металлическая птица спокойно висела на стальных тросах, сверкая сизым переливом стальной обшивки. Винт, точно головка ласточки, непропорционально миниатюрный, вдавался в широкие плечи самолета, скошенные к хвостовому оперению. Снизу в профиль машина действительно напоминала ласточку в момент ее стремительного и красивого полета.

— Снаряд, выпущенный из артиллерийского орудия, даже в первые секунды своего полета не обладает абсолютной аэродинамичностью, — сказал Луценко, глядя на острогрудый полированный обтекатель кабины. — Именно скорость снаряда в первоначальный момент ее нарастания и увеличивает сопротивление. Но тут, — Луценко окинул взглядом весь самолет, — я не вижу даже точки для лобового сопротивления. Встречному потоку воздуха остается только скользить, — упереться ему буквально не во что.

Конструктор К., установив на своем самолете мотор с мощным нагнетателем, полагал, что достигнет высоты пятнадцати тысяч метров.

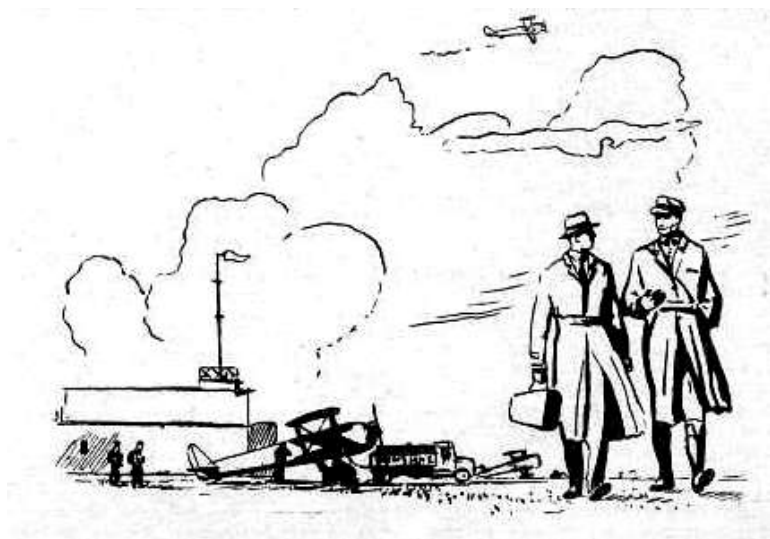
— На своей машине мы решим одновременно три задачи: достигнем предела высоты, дадим предел скорости и выбросим парашютиста в нижних слоях стратосферы.

Луценко подошел к толстому целлулоидному окну люка, через которое был отчетливо виден механизм автоматического выбрасывателя.

— Летчик Сизов погиб при попытке совершить прыжок с самолета на скорости четыреста километров. Силой динамического удара парашют был изорван в клочья. Наш парашют позволит выброситься со скоростью в тысячу километров. Но ни у одного человека нехватит физической силы, чтобы на этой скорости

отделиться от самолета. Автоматический выбрасыватель не потребует никаких усилий от парашютиста. Нужна только готовность к прыжку. По одному нажиму спускового механизма парашютист вылетит из люка. И еще одно преимущество. Падая затяжкой, парашютист уйдет далеко от самолета и, главное, погасит огромную несущую скорость, приданную ему скоростной машиной.

Летчики отошли от самолета. Дежурный по ангару сбавил огни, часовой с винтовкой через плечо стал ходить взад и вперед вокруг самолета, распростершего свои остролистые крылья почти над всей площадью ангара.

В три часа ночи ворота ангара раскрылись, бесшумно скользнув по металлическим желобам.

Начальник комиссии по организации полета и прыжка из стратосферы, полковник Домов, и два конструктора наблюдали за последними приготовлениями к старту. Летчик Луценко уже сидел в кабине самолета.

та, а его спутник Золин облачался в легкий скафандр с заплечным и нагрудным парашютами.

— Только парашюты и убеждают меня в вашем воздушном полете, — улыбаясь, сказал полковник Домов. — Без этих парашютов вы в вашем скафандре больше похожи на водолаза.

Золин улыбнулся сквозь стекла шлема и открыл вентиль индивидуального кислородного прибора.

— Отлично, — послышался глухой, словно придавленный голос из скафандра.

Золин повернулся, подошел к самолету, и по лестнице ему помогли забраться в заднюю кабину.

Последняя минута. Провожающие попрощались. Герметические кабины захлопнулись. Теперь летчики могли дышать только на искусственном кислороде, который поступал из специальных аппаратов, установленных по бокам кабин.

Тихо взвизгнула лебедка, и самолет, сверкнув своими плоскостями, мягко опустился на бетонную дорожку, уходящую из ангара на огромный параллелограм аэродрома.

Длинные лучи прожекторов, как мечи, скрестились в перспективе, куда уходила бетонная дорожка. Белая ракета вспыхнула над полем. Путь свободен. Казалось, самолет приник к земле, чтобы вспорхнуть с бетонной дорожки. Чуть дрогнули плоскости, приглушенный мотор запел могучим металлом. Невидимо кружившийся винт поглощал воздух, швыряя его за хвостовое оперение. Провожающие прижались к земле.

Машина метнулась в темноту и, проскочив дорожку, ушла в воздух, едва освещенная прожекторами...

В четыре часа шестнадцать минут, ровно через час после старта, ультракоротковолновый передатчик

«Большая земля» послал в воздух первую радиограмму:

«Капитану Луценко. Сообщите координаты, температуру, потолок, самочувствие».

В те минуты, когда Луценко принял радиограмму «Большой земли», самолет находился на высоте шестнадцати тысяч метров, под сине-фиолетовым сводом неба. На этой высоте был уже день, ясный, с далеко видимым горизонтом. Земля лежала внизу, за ватным покрывалом кучевых облаков, темных от огромной тени земли.

Пользуясь искусственным климатом, летчики дышали совершенно свободно, не чувствуя того удушливого действия разреженного воздуха, который убивает всякий живой организм уже на высоте восьми-девяти тысяч метров. Автоматические поглотители углекислоты извлекали из герметических кабин пилотов вредный газ, обогащая кабину кислородом.

Золин, сидевший в специальной скафандре, пользовался стационарной воздушной системой, чтобы не расходовать запас драгоценного кислорода из индивидуальных приборов.

Прочитав Золину по телефону радиограмму с «Большой земли», Луценко передал ответ:

«Позывные норд-ост, потолок семнадцать тысяч, температура минус пятьдесят три, «климат» прекрасный, самочувствие хорошее. Луценко. Золин».

Автоматические приборы слепого пилотирования вели самолет точно по заданному курсу. Луценко отдыхал, наблюдая движение стрелок. Показатель скорости стоял на цифре «750». Если усилить действие нагнетательной системы и дать газ за защелку, то скорость вполне можно повысить до тысячи километров.

Однако, по расчетам летчиков, этой скорости сейчас было достаточно.

— Как самочувствие? — спросил в телефон Луценко.

— Отличное. Несмотря на потолок, спать не хочется.

— Стоит, однако, выключить нашу дыхательную систему, — шутя отвечает Луценко, — чтобы заснуть и не проснуться. Кстати, проверим действие автоматического выбрасывателя.

Золин поднялся, положил в люк выбрасывателя полосатый балластный мешок и нажал кнопку выбрасывателя. Люк, словно глотнув добрую порцию воздуха, выбросил балласт в пространство.

— Безотказно действует, — доложил он Луценко.

На четвертом часу полета машина была на расстоянии двух тысяч семисот километров от старта и шла на высоте двадцати пяти тысяч метров. Приближалась зона, в которой должен произойти первый эксперимент этого высотного полета. Летчику Золину предстояло оставить самолет. Парашюты, нагрудный и заплечный, висящие поверх мягкого скафандра, делали Золина похожим на шар, несколько сплюснутый в своем центре. Приготовившись к сбрасыванию парашютиста, Луценко дал последние наставления своему спутнику:

— Осторожность и точный расчет. Раньше полутора минут парашют не раскрывать. Пользоваться радиосвязью. Счастливого!

Золин встал во весь рост, отключился от стационарной системы кислородного питания и включил индивидуальные приборы. Он укрепил над шлемом миниатюрный радиозонд и стал в свободное отверстие люка, затянутого толстой коркой прозрачного целлулоида.

За маской скафандра видны были лишь горящие нервным огоньком глаза Золина. Первый эксперимент. Манекен, выброшенный с этой же высоты, прекрасно приземлился в шестидесяти километрах от точки сбрасывания. Каково будет приземление первого человека?

Золин нажал ногой педаль автоматического сигнала, и в момент, когда самолет, чуть проваливаясь, начал терять высоту, Золина стремительно выбросило из самолета. Машина, почувствовавшая значительное облегчение, рывком устремилась вперед. По этому движению Луценко узнал, что спутник его уже летит в безвоздушном пространстве.

Миниатюрный сжавшийся комочек падал в синефиолетовой стратосфере, безмолвно и одиноко отсчитывая удары секундомера, подвешенного к скафандру над самым ухом. Звонящий свист, вначале слабый, потом нарастающий, а сейчас грозный, зловещий, сопровождал безудержное падение человека. Тонкая резиновая оболочка, защищенная двуслойной парусиной, укрывала тело Золина от пятидесятиградусного мороза, удушающего действия среды, в которой происходило его невероятное падение. На шестидесятой секунде в ушах Золина зазвучал колокольчик секундомера, отбивающий минуту затяжного падения. На второй минуте скорость падения все нарастала. В изолированном колпаке скафандра стало трудно дышать. Снова прозвенел колокольчик секундомера, и Золин потянул тяжелой, облаченной в резину рукой широкое кольцо вытяжного троса. Он падал вниз спиной, глядя на выдернутое кольцо в ожидании рывка. «Раскроется ли?»

За спиной вялый купол парашюта вытянулся в колбаску и стал медленно наполняться воздухом. Вытянув правую руку, Золин падал так, чтобы видеть

проносившиеся над головой стропы и наполнявшийся купол.

«Как бы рывком парашюта не сорвало радиозонд, укрепленный на шлеме скафандра», — подумал Золин.

В эти минуты высота нахождения безудержно падавшего парашютиста автоматически передавалась на землю. Функции автомата-радиста выполнял радиозонд, непрерывно подававший сигналы.

Купол парашюта уже почти раздулся. Вдруг — странный толчок, от которого у Золина на мгновение потемнело в глазах. В ушах раздался звон. Снижение шло почти нормально, если не считать утомительного раскачивания — болтанки, которая началась в первом ряду кучевых облаков. Золин посмотрел на левую руку, к которой был прикреплен миниатюрный прибор автомата-барографа, и увидел, что высота его падения уже одиннадцать тысяч метров, — четырнадцать тысяч метров он прошел затяжным прыжком.

Он на мгновение отключился от кислородной системы и открыл вентиль, давший доступ естественному воздуху. В тот же миг в голову ударила страшная тяжесть. Золин включил кислородную систему. Спуск продолжался. Земля вырисовывалась поверхностью, будто припухшей, в утренней дымке, освещенная боковыми лучами солнца.

Вначале не узнать раскрывшейся панорамы, потом по двум-трем характерным ориентирам Золин нашел на западе маленький городок С., на севере — далекую площадь озера.

Золин рассчитал площадь посадки, — она придется, примерно, в девяноста километрах от точки сбрасывания.

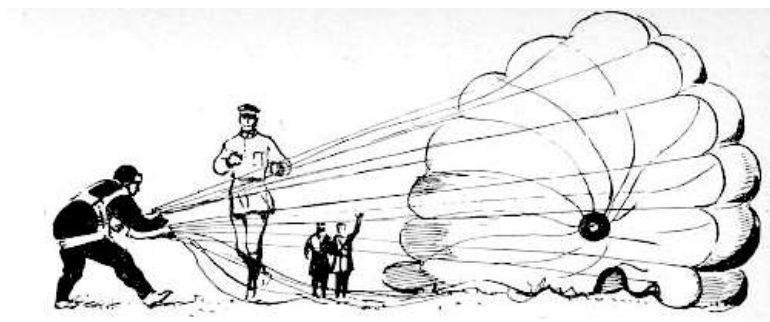
«Так и должно быть, — подумал он. — Несущая скорость самолета — девятьсот километров, полторы ми-

нуты — затяжка. За это время я удалился от точки сбрасывания не менее, чем на семьдесят километров. Километров двадцать на снос».

Золин приземлился под двумя парашютами на мягкий грунт пустынной местности и, установив компактный радиопередатчик, вызвал «Большую землю».

Первая радиограмма была послана с места приземления в штаб перелета.

Замкнув кольцо своего высотного полета, Луценко сделал блестящую посадку и два часа спустя уже встретился с Золиным, доставленным с места приземления. Молодые пилоты полностью подтвердили расчеты конструкторов. Советский стратоплан первым в мире поднялся на высоту, к которой десятки лет стремились европейские и американские летчики.

Председатель комиссии по организации перелета полковник Домов горячо поздравил товарищей. Он протянул Луценко и Золину официальный акт о полете, скупое говорящий о героизме экипажа и технике советского самолетостроения:

«15 июля 1941 года советский цельнометаллический стратоплан с воздушными нагнетателями и спе-

циальной аппаратурой для свободного дыхания, пилотируемый капитаном Луценко, стартовал с аэродрома Н. и, поднявшись на высоту двадцать пять тысяч метров, показал среднюю путевую скорость девятьсот тридцать семь километров в час. На этой же высоте второй участник полета, лейтенант Золин, снаряженный в мягкий скафандр, при помощи автоматического выбрасывателя совершил парашютный прыжок в стратосфере. Падая затяжным прыжком девяносто секунд, Золин раскрыл парашют на высоте одиннадцати тысяч метров и благополучно приземлился в девяноста семи километрах от точки сбрасывания.

Летчик Луценко вернулся на свой аэродром, к которому вышел с высоты достигнутого потолка с абсолютной точностью. Навигационное оборудование и особенно компас во время высотного полета давали исключительно точные показатели. Влияние земного магнетизма на приборы было столь ничтожно, что к месту посадки самолет вышел с точностью до одного градуса.

Полетами товарищей Луценко и Золина завершена крупная серия экспериментальных работ в области стратосферы».

Н. Г.

МОГУЩЕСТВО ЧЕЛОВЕКА ПОСЛЕЗАВТРА

Фантастический очерк

Н. Г.

МОГУЩЕСТВО ЧЕЛОВЕКА ПОСЛЕЗАВТРА

Опубликовано в журнале «Мир приключений», № 1,
1928 г.

ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ

МОГУЩЕСТВО ЧЕЛОВЕКА ПОСЛЕЗАВТРА

Очерк Н. Г.

Очень серьезные ученые, совершенно не верящие в спиритизм или в другие способы сверхъестественного общения, убеждены, что, развивая н о р м а л ь н ы е и е с т е с т в е н н ы е с и л ы с в о е г о м о з г а, люди будут непосредственно общаться между собой, вне зависимости от пространства.

Люди Послезавтра будут, может быть, «творить чудеса», но при этом они не станут бросать вызов законам природы, а всего только научатся управлять этими законами и пользоваться ими, как бы это ни звучало для нас удивительным и невероятным.

Ученые говорят, что будет возможно видеть во всех деталях жизнь и действия людей, обитающих в расстоянии тысяч миль. Но в этом не будет ничего сверхъестественного. Это просто будет совершаться по вполне естественным, хотя и непонятным нам еще законам, управляющим мозгом одинаково мужчины и женщины. Возможно, — и говорят, что скоро это станет совершению обычным, — что люди будут передавать свое собственное изображение на далекие расстояния другим людям, призывать их на помощь, предупреждать о грозящей им опасности.

Люди, вероятно, будут обладать еще и другими, гораздо более чудесными способностями. Они смогут выходить за пределы времени и видеть, и знать вещи в далеком прошлом, в настоящем и в будущем. Снова

«прошлое», «настоящее» и «будущее» станут всего только терминами связанного ныне временем разума.

«Уходя в молчание», как выражаются восточные мудрецы, наш разум сможет переноситься быстрее; чем наше тело, и видеть то, что мы уже позднее увидим нашим физическим взглядом. Мы увидим, быть может, нашу собственную будущую жизнь, будущее истории, надвигающиеся события, хотя они и должны наступить в результате наших собственных решений и свободной воли. И в этой нашей способности тоже не будет ничего сверхъестественного, никаких сообщений с «духами», никакой магии. Человек просто будет развивать естественные способности своего разума, которые имеются у нас всех, но использовать которые мы пока не умеем.

Если все это правда, то в будущем людей ждут новые, широкие перспективы.

Есть ли у нас какие-нибудь доказательства, что все это не одна фантазия? Не обманываем ли мы себя старыми предрассудками темных веков истории? Возможно ли, что древние магические действия были на чем-то основаны, и что они производились людьми, обладавшими какими-то туманными и едва мерцающими представлениями о естественных силах, известных прежним цивилизациям, и исчезнувших вместе с гибелью рас?

Изучение самовнушения направило нынешнюю науку на след многих странных явлений, которые станут обычными для детей Завтрашнего Дня и будут ими широко использованы. Не нужно забывать, что люди узнали о власти разума над телом из практики гипнотизма или «месмеризма», как его сначала называли. Месмеризм считали чуть не колдовством, когда в восемнадцатом веке им стали заниматься шарлатаны.

Одним самовнушением или по внушению других, действующему на наш мозг, возможно, как мы знаем, излечивать многие болезни, преимущественно нервного происхождения.

Во французской клинике в Нанси, основанной покойным аптекарем Эмилем Куэ, слепые прозревали, глухим возвращался слух, паралитики начинали ходить, иной раз тотчас же, как по какому-то «чуду», иной раз после продолжительного курса лечения.

Это было не исцеление верой в обычном смысле этого слова. Все это спокойно делалось очень простым человеком с небольшой белой бородой, голубыми честными глазами и обаятельной улыбкой, который говорил своим пациентам, что они могут исцелить себя силами, скрытыми в них самих, внушением себе, что они могут видеть, слышать или ходить, когда они были слепы, глухи и недвижимы. Он учил их, что они должны только не мешать внушению действовать на подсознание. Популярный русский ученый, академик В. М. Бехтерев, в своей статье в «Вестнике Знания», посвященной самовнушению и системе Куэ (куэизму), как исцеляющему фактору, приводит удивительные случаи исцелений после самовнушения, применявшегося Бехтеревым еще с начала 90 годов истекшего столетия. О Куэ наш ученый говорит, что его книга переведена на все европейские языки и расходуется в сотнях тысяч экземпляров, что она вызвала в Англии и Америке настоящее движение, что о ней появилась целая литература и что учениками Куэ создаются институты его имени, и не только с терапевтическими, но и с нравственно-педагогическими целями.

Известный и очень серьезный английский писатель Ф. Гиббс интересно рассказывает о своих личных впечатлениях от знакомства с Куэ и его системой:

— Это было в Лондоне, в Альберт-Холе. Куэ не демонстрировал свой способ излечения внушением, а читал лекцию о своих теориях. Но все же он добродушно согласился заняться несколькими заиками, прибравшимися к его кафедре.

Улыбаясь им, он заставил каждого из них очень медленно повторять за собой: «я никогда больше не буду заикаться»! В первый раз они это делали с больших трудом и нерешимостью. Во второй раз они проносили эту фразу уже легче, и совершенно свободно — в третий раз.

— Теперь, — с веселым смехом сказал Куэ, говорите: «я излечился». Говорите так громко, как только можно.

Каждый из этих людей закричал: «я излечился»! — и потом я сам слышал, как они совершенно свободно и радостно болтали со своими знакомыми.

Несомненно, что большею частью внушением исцеляются нервные расстройства; но, ведь, эти расстройства производят и органические разрушения. Бывает и так, что болезнь чисто воображаемая, но это все же болезнь, сильно вредящая телесному здоровью. Отсюда ясно, и во всяком случае это уже доказано, что сильно напряженное воображение может исцелить так же, как и причинить болезнь.

Очень интересен пример Шарля Бодуэна, приведенный им в его труде, посвященном Куэ. В оригинале эта книга называется «Psychologie de la suggestion et de l'autosuggestion» («Психология внушения и самовнушения»). Русского перевода этой книги нет).

Бодуэн рассказывает про человека, страдавшего астмой и проснувшегося в деревенской гостинице в сильном припадке. Ему не хватало воздуха, он встал, не мог найти спичек и ощупью пробрался к окну. Чорт

возьми, где же это оконная ручка? Он не мог ее найти и в отчаянии разбил кулаком стекло. Снова и снова втягивал он в легкие воздух. В висках постепенно перестало стучать, спазмы, удушье прекратились. Он вернулся на кровать, чувствуя значительное облегчение. На следующее утро ему подали счет, в котором было вписано: «Сломанное стекло в футляре от часов—4 франка 33 сантимов».

Это комический случай, но он иллюстрирует, как сильно действие воображения на физические органы. Вспомним уверенные слова знаменитого ученого: «мы не можем поставить каких-либо определенных границ могуществу мозга над телом».

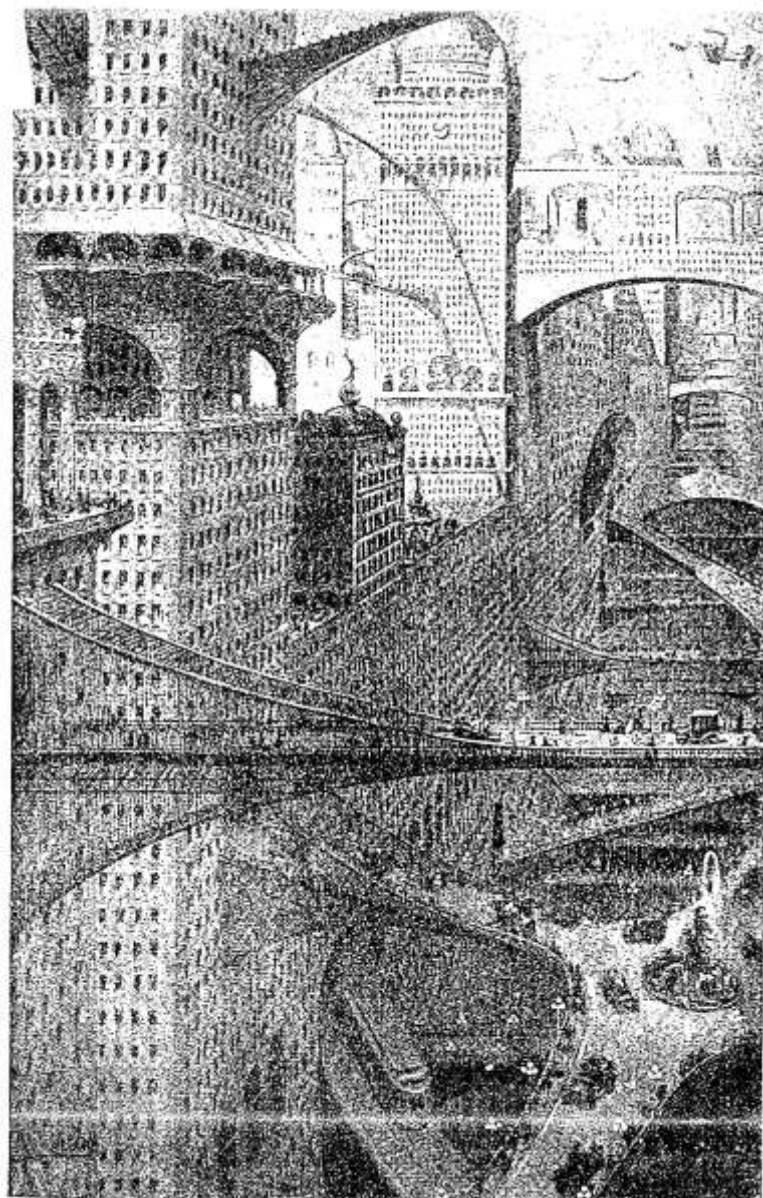
Современные ученые раскрывают много тайн, касающихся человеческого мозга, но все это очень еще незрелое знание и далеко несовершенное. Только недавно такие выдающиеся люди, как Павлов, Бехтерев, Фрейд, Юнг, исследовали подсознательную жизнь человека, эту таинственную, скрытую область, которая таит в себе все впечатления, чувства и импульсы, переживаемые нами со дня рождения и, вероятно, еще до рождения. Наш сознательный разум только отчасти имеет представление об этом складе познаний, этим огромном эмоциональном вместилище, об этих таинственных мастерских, в которых совершается большинство наших умственных и физических процессов, даже в часы нашего сна. Сознательный разум пытается игнорировать или подавлять некоторые из этих инстинктов и желаний, когда они появляются из своих укромных уголков, и это является причиной внутреннего разлада, ведущего часто к большим несчастьям и даже к умственному расстройству. Самовнушение действует спокойно и могущественно в подсознательном мире человека. Мысль, упавшая туда, как семя, разви-

вается, крепнет, иногда очень скоро, иногда в течении продолжительного времени. Заглядывая в этот подсознательный мир, современные психологи начинают убеждаться в некоторых естественных явлениях, которые, при условиях их развития, дадут людям Завтрашнего Дня новую и Удивительную власть разума над материей.

Многие из этих психологов верят, что люди будущего практически используют чувства, скрытые теперь и неразвитые. Люди Завтрашнего Дня будут видеть не одними глазами. Они, быть может, будут поразительно чувствительны к вибрациям, которые теперь не производят никакого впечатления на наш сознательный разум. Они будут в состоянии развить умственные силы, и это даст им власть над другой формой силы, называемой нами м а т е р и е й, но про которую нам говорят, на основании последних изучений атомов и электронов, что она является э н е р г и е й.

Вот что несомненно: есть и всегда были люди, которые, по каким-то неизвестным причинам, очень чувствительны к некоторым колебаниям и ощущениям. Возьмем простой, но все еще таинственный пример людей, зарабатывающих себе средства к существованию, определяя местонахождение воды, нефти и металлов. По трепетанию прута из орешника они находят залежи минералов или подземные ключи.

Очень долго к этим людям относились скептически, и верил им только деревенский люд, считавший их за колдунов. Но перед войной германское правительство использовало таких людей в своих африканских колониях, а французское правительство определяло с их помощью залежи каменного угля. Несомненно, что люди эти остро чувствуют какие-то колебания, которые не действуют на других людей.

В таких городах, быть может, станет жить Послезавтра человек. Не нужно будет ни телеграфных, ни телефонных проводов, ни антенн.

Пресловутое «чтение мыслей» свидетельствует, что есть люди, очень чувствительные к малейшим физическим движениям, и что у них так развито чувство осязания, что они достигают поразительных результатов.

Один ученый рассказывает, как однажды он сам еще мальчиком на вечеринке играл роль посредника при человеке, «читавшем мысли». Тот взялся с завязанными глазами повторить в точности все драматические движения, которые задумает один из присутствующих. «Чтеца» тщательно стерегли в соседней комнате, в то время, как один из гостей совершил воображаемое преступление ручкой столового ножа, перелез через несколько стульев и вытащит у другого гостя носовой платок.

Ввели «чтеца мыслей», который держал мальчика за руку. Чтец повторил все движения во всех деталях. Рассказывающий признается, что совершенно не сознавал тогда, что влияет на чтеца.

Теперь наука установила характер того, что он тогда делал. Это называется «мускульное чтение». Легкие сокращения мускулов мальчика, очень слабые изменения пульса и дыхания, незаметные движения, которых он даже не сознавал, тотчас же замечались подсознанием человека, державшего его за руку, и вели его безошибочно, куда мальчик хотел, чтобы он шел. Даже без касаний «чтецы мыслей» пользуются тем же методом. Они подмечают малейшие изменения дыхания и движений аудитории, так точно, как в детской игре, когда кричат: «холодно» и «горячо».

Ясно, что в чтении мыслей нет ничего сверхъестественного. Оно является доказательством того, что наши чувства могут быть гораздо тоньше, и что мы только не успеваем об этом подумать среди суеты повседневной жизни.

Люди Завтрашнего Дня, вероятно, будут читать книги не глазами, а пальцами (Отсылаем читателя к очерку Т. Д. Павлова «1—2— 3—4—5» в № 12 «Мира Приключений» за 1927 г.). Зрение их будет, может быть, «круговым», так что они смогут увидеть то, что происходит за их спиной, так же, как и то, что у них перед глазами. Они прочтут газету прежде, чем развернуть ее, и увидят цвет и форму предмета в полном мраке. Слепые, потерявшие глаза на войне или в какой-нибудь катастрофе, будут видеть через кожу в любой части тела.

Что же сказать про телепатию — передачу мыслей от одного человека к другому, невзирая на пространство? В будущем людям не нужны будут современные способы сообщений. Они просто по желанию будут входить в общение с далекими друзьями и читать мысли друг друга.

Эта невероятная возможность совершенно изменила бы нашу жизнь. Представьте себе, что было бы, если бы мы умели видеть то, что скрывается за масками, которые носит человечество. Мы узнали бы тайные мысли, скрытые страдания, неудовлетворенные желания, муки тщеславия и отчаяния. Но можно думать, что это повело бы к большей симпатии между людьми и к терпимости. Люди стали бы понимать друг друга. Может быть, исчезли бы ненависть и жестокость.

Русские, германские и французские психологи изучали с большим вниманием явления телепатии и ясновидения.

Великий германский физик, профессор Оствальд, выдвинул теорию «энергетики». Как всякая материя включает в себе энергию, так, — думает он, — происходит и со всеми психическими явлениями. Он говорит, что они являются следствием превращения знер-

гии, скрытой в атомах, электронах и химических процессах тела, в нервную и психическую энергию. Мысль, по его мнению, просто — форма энергии. Разум и тело заключают потенциальную энергию страшной силы, так точно, как атом — невидимая единица огромной силы. Если бы мы могли овладеть этой энергией и управлять ею, то, может быть, действительно, «двигали бы горами».

М. КОВЛЕВ

СТЕПЬ ПРОБУЖДАЕТСЯ

Рассказ

М. Ковлев

СТЕПЬ ПРОБУЖДАЕТСЯ

Опубликовано в журнале «Всемирный следопыт», № 5,
1930 г.

СТЕПЬ ПРОБУЖДАЕТСЯ

Рассказ Михаила Ковалева

Рис. худ. А. Прижедлавского

I. Бубен и обрез.

Липкая промозглая тьма ноябрьской ночи тесно обступила костер. Головешки тревожно потрескивали, багровели, вспыхивали и обрушивались. Спиральные дымные фонтанчики и золотая мошकारа искр улетали в ветренное лохматое небо. Кровавые отблески и мягкокрылые тени, сменяя друг друга, проносились по скуластым лицам сидящих вокруг костра. Гигантский горб холма, выпятив вперед кривые базальты уступчатых подножий, с трех сторон защищал огонь и людей. С четвертой была степь — бескрайняя, черная, молчаливая. В сотне метров справа тесно прижались к материнской груди скалы кривые лачуги и юрты спящего улуса. Ночь нависла кругом.

Один из сидящих гулко вздохнул. Узловатые пальцы его протянулись к огню и бесстрашно подняли вверх струисто тлеющий уголь. Положенный на табак, уголь побагровел, золотыми вспышками разрывая

ажурную пленку нагара. Частые вспышки закровавили мерно причмокивающие на мундштуке трубки толстые губы. Курильщик сбросил уголь, смачно плюнул в костер и сипло бросил:

— Время!

— Что же, докладывай, Апон! — поддержал его кто-то из тьмы.

Молодой курчавый хакас наклонился вперед. Через узкий прорез монгольских век задумчиво и пристально всматривались в огонь живые черные глаза.

— Старики! — медленно заговорил Апон. — Не надо итти в Урянхай^[1]. Что Урянхай? Урянхай далеко-далеко. Про далекое люди всегда говорят хорош. А почему? Потому, что издали видно одно солнце, а дождь увидишь, только попав в него. Вы, старики, сказали: «Апон, иди в Урянхай; Апон, смотри, как там люди живут». И Апон послушался. Апон поехал через Абакан^[2], Минусу^[3] и Ермаковку^[4]. Много-много дней ехал Апон. Сначала была степь, потом был лес, горы, еще лес и еще горы. Большой лес и большие горы! Десять раз, сто раз такие горы, — обернулся он к угрюмому холму за своей спиной. — Горы до неба! А за горами был Ус^[5]. А в Усе много-много комиссерен спрашивали Апона, куда ему нужно, и не хотели пускать его в Урянхай. «Урянхай теперь Танну-Тува — другая сторона, — говорили они. А чтоб итти в другую страну, нужно пазалыг-бланка — визу». Но у Апона не было пазалыг-бланка. Тогда Апон опустил голову и сказал, что поедет домой. И верно, поехал, да не один, а вместе с толстым русским Васей. Недалеко отъехал Апон. В лесу он отдал лошадь с телегой Васе, а сам пошел напрямик в сторону полуденного солнца. Только берданку, спички да сухари взял с собой Апон. Три дня и три ночи шел он лесом и горами, лазал по камням, ломал ногти,

сбивал ноги. Над горами свистел холодный ветер. Было холодно, ох, как холодно! Но Апон шел. Видел сохатого, видел барана-архара с рогами, круглыми как бубен шамана, и лесной дядя хотел съесть Апона. Тогда Апон стрелял из берданки, лесной дядя сделал «уф» — и ушел. Три дня и три ночи шел и карабкался Апон, пока не остались позади последние горы и деревья. А за горами снова стало тепло и начались степи. Такие же, как и у нас, хорошие степи. Это был Урянхай.

Слушатели теснее подвинулись к огню. Отсветы костра сверкали в напряженных зрачках. И, чувствуя на себе горячие взгляды, Апон с увлечением продолжал рассказывать:

— Но стоит ли туда переселяться? Бросать родную землю, дешево распродавать стада, которые не проведешь через горы? Так могут сделать только баи. Не лучше ли всем чохчос^[6] помогать друг другу, живя здесь, объединиться и вместе держать скот. Вы думаете хорошо в Урянхае? Нет! Зачем ты, Алексей, зачем Губон-шаман и ты, богач Димитрий, говорите, что в Урянхае болота из молока и холмы из баранины? Зачем твердите, что за половину белого червонца там дают столько пастбищ для скота, сколько охватит взгляд с самого высокого кургана. Для чего обманываете, что в Урянхае жирный баран стоит половину рубля, а за пол-барана дают ситцу на трех баб? Слушайте, люди Хакасы! — зазвенел рассказчик. — Это все ложь, так говорит вам Апон. В Урянхае тесно, земли мало, стада тощие, баранина и молоко стоит столько же, сколько и у нас, а ситцу и табаку нет совсем. В Урянхае трудно достать спички, и за три коробки дают барана. Здесь для наших детей совэт-улгу^[7] сделала школы, а там их еще нет. Тут мы сами выбираем себе хакуметчи^[8] и во всем нам помогает совэт-улгу. А в Урянхае не

так... Алексей, Губон-шаман и богач-Димитрий обманули вас, люди Хакасы.

Тяжелая трубка уже давно перестала пыхтеть. Курильщик наклонился к огню, и его юркие, заплывшие жиром глазки вонзились в лицо Афона.

— Не слушайте его, хакасы! — захлебываясь слюной и размахивая трубкой, закричал Димитрий. — Он сам лгун. Он продался коммунистам и совет-улгу. Коммунистам нужно, чтобы вы жили на их земле, работали на них все вместе и платили налог. Вот для чего они не хотят пускать вас в счастливый Урянхай. Вот почему они подкупили Афона распускать сплетни. Не даром Афон хотел поступить в чиитэрийин комунис пиригизи^[9]. Не слушайте этого лгуна!

Курильщик тяжело поднялся. Под расшитой рубашкой колыхался его упругий живот.

Афон вскочил тоже, швыряя в лицо Димитрия короткие, злые слова:

— Ты, клоп! Ты, как и всякий бай, сосешь кровь! У нас, у бедняков ты высасываешь кровь! За твоим скотом смотрим мы, а жиреешь ты. У тебя тысяча и сто баранов. Совет-улгу не любит таких, как ты. А ты не любишь платить налог. Вот почему ты хочешь удрать в Урянхай. Ты подговорил Алексея и Губона-шамана. Алексей тоже богат и не хочет отдавать власти своих долгов. А шаман сердится, что кругом стало много врачей и ветеринаров, которые не дают ему портить людей и скот. Ты клоп и шаман клоп!

Димитрий взвизгнул и, высоко занеся руку, размахнулся. Трубка свистнула и, стремительно блеснув над костром, резнула щеку Афона. Он покачнулся, хватаясь за ушибленное место, как-то странно присел и вдруг пружинисто прыгнул через костер, поднимая маленький, костлявый кулак.

Голоса и движение раскололи ночной покой. Высокий сутулый мужчина в обшитых бисером катанках^[10], сверкая продетой в левое ухо крученой жести серьгой, встал между врагами. Кучка хакасов, шумя и переругиваясь, окружила их плотным кольцом.

— Стой, Апон, стой, Димитрий! — крикнул высокий. — Дело нельзя решать кулаками. Мы сами разберем, кто прав.

— И я! — донесся из тьмы за костром, чуть хриплый старческий голос.

* * *

В зыбкий полукруг огненных бликов, важно ступая обутыми в короткие сапоги ногами, входил широкоплечий грузный человек.

Космы засаленных черных волос падали на расширенный бисерными звездами ворот его рубахи. Клочкова-тая мочала встрепанной, тронутой грязной сединой бороды закрывала подбородок и широкие скулы, поднимаясь к неподвижным рачьим глазам. Прикрепленная к рубашке густая бахрома из длинных разноцветных лоскутов, закрывая грудь, болталась по коленям. Пришитые к ней и к рукавам маленькие медные бубенчики надтреснуто брякали при каждом шаге. Зловещий жестяной звук разрывал внезапно наступившую почтительную тишину.

Шаман медленно подошел к костру и, вытянув руки, поднял над огнем тяжелый обруч разрисованного спиральями и звездами кожаного бубна. Сухие губы двигались, что-то шепча, и стеклянные тупые зрачки бесстрастно смотрели во тьму. Бубенчики замолкли, и литая тишина нависла кругом. Хакасы молчали, поспешно опускаясь на корточки. Опершись ладонями о

согнутые колени, они напряженно ждали. Багровые отблески костра и кружевные тени дрожали на лицах. Только высокий человек с серьгой, трое молодых парней и Апон остались стоять в стороне.

Высокий наклонился к Апону и горячо зашептал:

— Ты поспешил, парень! Разве ты не знаешь, что почти все люди из нашего улуса должны Димитрию кто пять, а кто и десять баранов. Разве ты никогда не слышал, что кто не в долгу, тот или сам богат, или боится шамана? Их послушают, а нам будет плохо.

Апон выпрямился и, подавляя негодование, заговорил:

— А кто виноват в этом, Карол? Ты — хакуметчи нашего улуса! Меня не было здесь много-много недель. Давно уже вместе со всеми нашими единомышленниками, — показан он на свою группу, — ты должен был заявить в район, что шаман и баи сбивают и обманывают людей улуса. Ты сам виноват. Теперь уже поздно спорить. Иди, запрягай коней. Поедем в район.

Карол мрачно потупился. Потом, решась на что-то, тряхнул кудлатой головой, от чего звонко брякнула серьга в его ухе, и шагнул вперед. Чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. Один из стоящих рядом молодых хакасов, до сих пор кивками и слабыми восклицаниями подтверждавший упреки Апона, остановил председателя.

— Смотри, — указывая на костер, тихо сказал он. И, словно подчеркивая это предупреждение, ухнул раскатистый удар бубна.

Камлание начиналось.

Шаман мерным шагом обходил огонь. Отблески костра озаряли трепавшиеся лоскутки. Оловянные мертвые зрачки старика поднялись в беззвездное хмурое небо. Слабо бренчали колокольчики. Через каждые два

шага шаман вытягивал вперед бубен и гулко ударял по напряженной коже толстой треугольной дощечкой с длинным хвостом из разноцветных лент. И в такт каждому отрывистому вибрирующему звуку тонко, нараспев взвизгивал.

Хакасы сидели на корточках, не оборачиваясь и вздрагивая при каждом ударе. Шаг шамана все удлинялся. Теперь он уже почти прыгал, широко раздвигая кривые ноги и на ходу вертясь как волчок. Удары учащались, гремели, им вторило угрюмое эхо холма. Все чаще и сумбурнее мелькали ленты, мелкой жестяной дрожью, надрывая уши, бряцали бубенцы. Раскаты бубна слились в урчащий надрывной вой. Вокруг костра, сливаясь в сплошную многоцветную ленту, сумасшедше вертясь, проносилась то багровая, то черная фигура шамана. Ноги отбивали неистовую дробь. Задыхаясь, шаман подвывал ударам, все выше и выше поднимая истошный жалующийся голос.

Звуки и шаги переплетались, догоняя друг друга, нарастая, как колеблющаяся гора, чудовищным древним плачем троглодитов, плачем давным-давно прожитых веков, заливая замолкшую черную степь.

И вдруг — обрушились... В последнем диком ударе и взвизге точно лопнула кожа бубна и горла. Шаман, шатаясь, остановился. Оскаленные глаза его вылезли из орбит. Пот заливал морщинистые багровые щеки. Искривленные страшной гримасой, залитые пеной губы со свистом втягивали холодный воздух. Стремительным рывком шаман выхватил из-за пазухи горсть маленьких блестящих цилиндриков и серебристым каскадом швырнул их в молящихся.

Хакасы гибко вскочили, и почти каждый на лету поймал цилиндр. Шаман закачался и с глухим стуком, не разгибаясь, как доска упал ничком на влажную

землю. Руки его раскинулись, ноги, точно в конвульсиях, выбивали частую дробь. Хакасы обступили шамана кольцом и снова присели на корточки. Каждый, тесно зажмурив веки, приложил к лицу пойманного на лету цилиндрического божка. Сделанные из бумаги и тряпок, завернутые в многоцветную мишуру, божки дрожали на молитвенно застывших лицах, серебрясь и играя отсветами в зыбких отблесках костра.

А шаман прорицал. Не поднимая головы, отрывистыми воплями выкрикивал странные слова:

— Хенази, хенази! ^[11] Где солнце бывает в полдень? Хенази, хенази! Туда идите, люди, Хакасы. И конь, и баран, и юрта — туда! Ольхе, ольху, ольхи! ^[12] Разбил непокорных Агу-бог. Самохвал-камень ^[13] — непокорные в камень. Разбейте непокорных, люди Хакасы! Туда, где солнце бывает в полдень, там молоко и мясо. Туда идите, люди Хакасы! Так велит Агу-бог!

— Ольху-у! Ольху-у! — надрывным стоном ответили молящиеся. И замолкли, теснее прижимая к губам мишурные туловища божков. Тишина и тьма тесно обступили потрескивающий огонь. Апон осторожным движением положил руку на холодные пальцы председателя. Карол понял и бесшумно двинулся вперед. Но было поздно. Шаман поднял от земли иссиня-белое, дергающееся судорогой лицо и, подпираясь локтем левой руки, молча вытянул правую.

Димитрий понял первый. Гибко вскочил и кинулся на молодых.

— Бей комунисам! Держи комунисам! — истошно закричал он, наскакивая на Карола.

Тяжелый кулак председателя жестким ударом обрушился на переносицу бая. Димитрий странно цапнул руками за воздух и, закачавшись, свалился. Апон и его друзья бросились в сторону. Но сейчас же вслед затем мелькающая путаница кулаков и лиц с воем окружила бегущих. Сухолицый сутулый хакас, взвизгивая, взмахивал выхваченным из-за голенища ржавым кухонным ножом. Плюхающие звуки ударов и горячее хрипение дерущихся наполнили ночь. Апон наотмашь хватил кулаком в чей-то гулко екнувший живот, мучительно напрягаясь, отбросил локтем наседавшего слева, зажмурился от звонкого удара в ухо, метнулся было

в сторону и упал, спеленутый кандалами дюжины жестких рук.

Карол, тонко вскрикивая, бил направо и налево, и от каждого удара узловатых костлявых кулаков навзничь летел очередной нападавший. Человек с ножом подскочил сзади, ухнул и, приседая в отчаянном размахе, хряпнул металлической рукояткой ножа по шершавому затылку председателя. Жалко звякнула серьга. Колени Карола подломились и он тяжело упал. Липкий туман захлестнул глаза, что-то стиснуло горло, кулаки разжались. Ноги дерущихся топтали бесчувственное тело.

Один из молодых, стиснув челюсти, отбивался долго и страшно. Сбросив овчинный тулуп, он как вихрь вертел вокруг себя сучковатое полено. Дерево с гудением рассекало воздух, мощные глухие шлепки валяли нападавших. И на мгновение они отступили. Храпящий гвалт побоища сменился на-пряженным молчанием.

Тогда Димитрий, поднявшись на одно колено, жирно всхлипывая и глотая слюну, выдрал из-за пазухи потемневшую сталь старого обреза. Кулак скользнул по ржаво лязгнувшему затвору и короткое дуло зыбко задрожало в руке.

Димитрий, поднявшись на одно колено, стал прицеливаться.

— Уйди! — поводя прицелом, хищно закричал Дмитрий. Хакасы, толкаясь, расшатнулись по сторонам. Человек с дубиной, увидев обрез, метнулся, ахнул и, бледнея, присел, готовый прыгнуть. Гулкий хлопок расколол тьму. Эхо запрыгало по холмам, ударило, повторило и, замирая, унеслось в ночь. При-

стреленный слабо вздрогнул и уронил полено. Потом покачулся, удивленно и кротко огляделся, глубоко с надрывом произнес: «о-о-ох!», подламываясь, упал и вытянулся.

II. Побег.

Слизывая жир, стынувший на заскорузлых грязных ногтях, и сладко причмокивая, Димитрий ел. Дымящаяся горка темного остро пахучего бараньего мяса на огромной глиняной тарелке стояла перед ним. Бай пальцами отрывал обжигаяще горячие куски, икал, сладко щурился и поминутно подносил к сальным губам тяжелый жестяной ковш. Жена Димитрия — щуплая, тусклоглазая хакаска, — путаясь в бесчисленных складках черного сарафана, заботливо ходила вокруг. Выбивающиеся из-под туго стянувшего голову цветно-

го платка растрепанные тощие косы болтались на ее груди. В просторной юрте было жарко и душно. Уставленные посудой полки и многоиконный киот, где засаленные лики христианских угодников мирно опирались о туловища хлопущкообразных шаманских божков, затягивались табачным туманом.

Две тяжелые трубки дымили не переставая. Одну из них сумрачно зажал в гнилых зубах сутулый Алексейс. Свалившая предсельсовета медная рукоятка кухонного ножа торчала у него из-за грязного голенища. Шаман курил сосредоточенно, изредка придавливая тлеющий табак специальным деревянным стержнем.

Кончив есть, Димитрий звонко рыгнул и, отодвигая заброшенную обглоданными костями тарелку, взглянул на гостей. Жена прибрала посуду, набила мужу трубку и, храня покорное молчание, притаилась в углу.

— Как, Губон? Пойдут ли? — спросил Димитрий, заглядывая шаману в глаза.

— Все пойдут, — коротко ответил шаман.

— Ты сказал им, Губон, что те, кто не пойдет, должны сейчас же платить долги мне, Димитрию? Сказал, что тех, кто не заплатит, будут гноить в тюрьме?

— Сказал. — Шаман затянулся и, выбрасывая дымный фонтан к полукруглому войлоку потолка, бесстрастно прибавил: — И также то, что после смерти таких будет гноить Агу-бог.

Алексейс ерзнул на своем месте.

— Надо, надо идти! — быстро заговорил он. — И скорее идти. За мной много, ох как много долгов! Я могу заплатить их, что эти налоги для моего богатства. Но только глупый платит, когда можно не платить!

Димитрий засмеялся жирно и сладко. Огниво, которым он разжигал трубку, заплесало в руке.

— Ты очень прав, Алексей, — давясь дымом и хохотом, вымолвил он. — Лучше не платить. Но разве ты не знаешь, что скоро за твоим алымом приедут комиссарен. Вместо недоимки они возьмут тебя.

— И тебя тоже, — отрезал Алексей. — Или ты уже забыл? Где молодой Карном? Чья пуля вчера ночью отправила его к богу Миколке?

— К богу-Агу! — холодно поправил шаман.

Димитрий перестал смеяться. Затянутые салом глазки нервно сузились. Он помолчал и ответил раздумчиво:

— Да, надо итти. И скорей. Мы пойдем той стороной, где садится солнце и где нет русских сел. А дальше будет большой лес.

— Большой лес! — подхватил Алексейс. — Лес и горы. А помнишь ли ты, что говорил о них Апон? Как проведем мы там наших баранов и коней?

— Мы и не станем проводить. — Димитрий спокойно прищурился. — Я уже посылал своего работника к толстым иноземцам в Миколаевку^[14]. Завтра оттуда приедет большой купец. Он купит у нас, баев, все наши сытые стада. Пусть немного дешевле, но зато сразу. Этот сплетник Апон сказал, что в Урянхае баран стоит столько, сколько и здесь. А белые червонцы провезти туда много легче баранов.

Алексейс восторженно закатил глаза.

— Ух, ух! — сладко сказал он. — Ты очень умен, Димитрий. Ты будешь большим вождем. Но кто же купит баранов у бедняков, которые пойдут с нами?

— Никто! — самодовольно улыбаясь, произнес Димитрий. — Разве только рыси и лесные дяди в горах. А нам что до этого? Плохо, что мы не можем итти в Урянхай одни только баи. Но так нельзя. Надо, чтобы шел целый народ. Все люди, всего улуса. Тогда совет-

улгу скажет: иди, народ, ты свободен жить где хочешь. Совет-улгу не давит малый народ, как давил большой белый царь. Но совет-улгу тоже злая. Она не хочет, чтобы мы, баи, жили хорошо, разводили большие стада и нанимали себе много-много работников. Как будто плохо быть богатым. Совет-улгу завидует нам и одних нас не пустит. А вместе с народом пройдем и мы. — Димитрий замолчал.

— Ты будешь большим вождем! — почтительно покачивая головой, повторил Алексейс. — Большим вождем! Если так, то нам надо только не выпускать никого из улуса да крепко держать Карола и Апона. Никто не должен уйти, пока Апон и Карол сидят в ремнях и пока не двинемся мы, баи. Хорошо ли смотрит Иван? Крепко ли заколотили баню? Не поедет ли потихоньку баба Карола в район болтать там свои жалобы и сплетни?

Шаман выколотил трубку о каблук и медленно сказал:

— Иван верен Агу-богу. Димитрий дал ему половину белого червонца и берданку. Иван знает как стрелять и...

Тяжелый удар выстрела прокатился за юртой. Заливистый крик слился с эхом. Где-то, удаляясь, неистово загрели колеса. Дробный топот бегущих слышался рядом. Угол войлока откинулся, пропуская в юрту колючий ветер и дождливую ночь. Косматый человек с дымящейся одностволкой в руках ворвался внутрь и, задыхаясь, прокричал:

— Аристаны ^[15] бежали!

* * *

По липкой грязи, за припертой тяжелым болтом дверью прохлюпали широкие шаги. Кто-то снаружи

остановился у самой притолки, поводимому, прислушиваясь, переступил с ноги на ногу, гулко вздохнул и не спеша прошел дальше.

Под низким потолком наглухо заколоченной курной бани стояла духота и тьма. Только через продолбленную ниже сруба узкую лазейку-дыру, полузасыпанную кучами влажной, недавно разрыхленной земли, проникали слабые отсветы мокрой, осенней ночи. Три человека, скорчившись, ждали.

— Прощел? — нервно шепнул один из них. — Он сторожил все время. Кто это?

— Кривой Иван! — сдавленно ответил другой и звякнул облепленным глиной заступом. — Кому еще? Разве не Иван подпевает баям на каждом собрании? Димитрий дал ему денег и берданку. Велел стрелять в того, кто захочет уйти из улуса. Баи боятся, что уехавшие позовут комиссэрен. А мы боимся их, баев. Слушай, Карол, слушай и ты, Апон! Вы знаете, мы, батраки, не хотим итти в Урянхай. Но шаман и Димитрий велят нам итти. Мы верим Апону, что там будет хорошо только баям. Но если мы не пойдем, Агу-бог накажет нас за неповиновение шаману, а совет-судья за то, что мы должны много баранов Димитрию. Так сказали шаман и Димитрий. Но если комиссэрен приедут сюда, пусть они арестуют Димитрия и других за то, что они убили парня Карнама. И пусть они не велят нам итти в Урянхай. Мы будем очень рады этому. Мы сможем не итти и в то же время не станем отвечать перед Агу-богом за то, что не выполним его воли. Так решили мы, бедняки-батраки. Мне — Петре — и Кукону поручено вывести вас отсюда и дать вам коней. Я разрезал ремни, которыми вы были связаны. Вот прокопанный мною выход. Идите же в район, зовите комиссэрен, а мы вам скажем большое-большое спасибо.

Длинное тело Карола двинулось к говорившему.

— Спасибо тебе, Петрэ. — Где кони? — тихо спросил он.

Пришедший указал направо.

— Кони за холмом, Кукон с ними. У вас будут ладные кони. Длинный Хмол дал в коренники свою Ки, я — Искээра. Ты знаешь, я беден, у меня только один конь, но когда мой Искээр бежит, никто не увидит его подков! Ки тоже ладный конь. Во всей степи только у Димитрия есть такие кони.

Апон наклонился к лазейке.

— Идем, Карол, — горячо шепнул он во тьму. — А ты, Петрэ, дай мне топор или нож. Ночью в степи нас могут окружить волки... Всякие волки...

— В телеге есть топор, берданка и патроны, — зашептал освободитель, подталкивая беглецов.

Три тени поочередно мелькнули в лазейке.

Из ночного, нависшего неба моросил назойливый мелкий дождь. Колючий ветер порывами насккивал на длинный ряд заснувших лачуг и юрт. Влажная тьма обступила улус. Беглецы крались задками, бесшумно переступая по липкой грязи. Холм совсем неожиданно выдвинулся из мрака. У подножья стало суше, и здесь беглецы, все еще крадучись, пошли быстрее. Базальтовый выступ подножья закрыл от них улус. Где-то близко, за бархатным занавесом тьмы слабо пофыркивали и мягко стучали подковами лошади. Засунув три пальца в рот, Петрэ издал короткий чуть слышный свист.

— Ого-го! — внятно, но сдавленно прилетел ответ.

Из темноты, поблескивая оковкой, выплыли очертания телеги. Закутанный в тулуп маленький человек, стоящий тут же, бросил на руки Афона сырые веревки вожжей.

— Хантым он, — весело сказал он. — Добрый путь — И вместе с Петрэ отбежал в сторону.

— О-оп! — уже не скрываясь, звонко крикнул Карол. Застоявшиеся лошади горячо и шумно рванули с места. Колеса взвизгнули, упругий ветер хлестул в лицо, и телега, гремя, ринулась вдаль.

— Эге-ге! — неистово заревел кто-то со стороны улу-са. Пучок красного огня разодрал ночь. Ружье оглушительно ухнуло, и покатилося кругом, дробясь и ломаясь, гулкое эхо.

Но копыта плясали, грохотала телега и летели навстречу просторы.

III. Звери преследуют.

Заря поднималась лениво. Над холодными далями медленно багровело небо. Густые тени стлались по мокрой земле.

Ступенчатые конусы холмов вырастали из тьмы. Сначала показались пирамидальные шапки девственно белых снегов, потом из вуалевых лохмотьев тающих туманов стали выползать кривые горбы подножий. Матовая дымка скрывала даль. Направо и налево, вдоль чуть намеченного проселка уходили к небу острия диких высот. Они закрывали далекие горизонты, то лысые, как головы мудрецов, то засеребренные первыми снегами.

Кругом бежали сутулые, низкорослые курганы. Белые ребра известковых камней торчали на них, как кости погребенных там древних хакасов. Сухотравная пустынная степь стыла вокруг, зябко дрожа в объятьях жгучего ветра.

Холодное дыхание пустыни оведало мчащуюся телегу. Лошади, уже третий час раскидываясь в отчаян-

ной рыси, мерили даль. Крупы и сухожилия лоснились жирной пеной усталости. Сено сбилось. Апон ничком лежал на жестких досках подпрыгивающей, кричащей осями телеги и ожидающим чутким взглядом смотрел назад, в уже преодоленные просторы.

— Нету? — через тесно сжатые губы спросил Карол. И тугие вожжи щелкнули по влажным бокам лошадей.

— Нет... — не оборачиваясь, сказал его товарищ. — А будут, Карол.

Ответ был короткий и мрачен. Оба беглеца замолчали.

Звери охотились на людей.

Обросшее шерстью иссохшей травы выпуклое брюхо холма почти перегородило дорогу. Слабо намеченные колеи кинулись влево, огибая холм. Телега круто повернула, узкая, еще туманная расщелина, сдавленная желваками валунов и зеленоватыми глыбами ба-

зальта, пронеслась мимо. И сразу же лошади, сбивая ритм, шарахнулись в сторону. Искээр, отчаянно задрал голову, косил налитыми кровью белками. Потом рванулся, почти разрывая построшки и увлекая за собой Ки; ринулся вперед неистовым, грохочущим галопом. Апона мучительно подбросило на жестких досках, но вдруг он увидел, передернулся, выхватил кнут и уже сам, понукая, истошно закричал:

— О-о-оп! О-оп!

Из расщелины, в мягком скачке развевая пушистый хвост, показался сухоногий мохнатый зверь. Ярко-рыжая шерсть заливала его костлявую спину, широкими проплешинами сползая к серым бокам. Длинная, низко склоненная голова гибко качалась в такт стремительной рыси. Не отставая от мчащейся телеги, красный волк^[16] бежал чуть сзади и сбоку. Равнодушный как случайный попутчик, он следовал рядом, даже не смотря на лошадей, но в непонятной его небрежности чувствовалось неумолимое решение.

Апон, во все стороны подкидываемый надрывающимися в грохоте колесами, рванул берданку.

— Подожди! — задыхаясь, крикнул Карол, — Он один!

Ружье опустилось. Люди неотступно следили за волком. И вдруг... Не веря себе, они подняли руки к глазам. Зверь, казалось, раздвоился. Уже вторая рыже-серая тень рядом с первой следовала за телегой.

— Смотри! — Апон жестко стиснул локоть товарища. Карол повел глазами вдоль протянутой руки.

Третий волк бежал слева.

Лошади обезумели. Фыркая и дико задирая гривастые шеи, они скакали, далеко выкидывая звенящие копыта. Телега металась во все стороны. Карол уже не правил, отпустив бесполезные вожжи.

Из-за кривого кургана плавно вынырнул четвертый волк. Распластываясь в беге, звери бесшумно летели за телегой.

Седое небо медленно светлело. Тени холмов, приближаясь, распахивались перед слепо несущимися конями. Пять (уже пять!) живых теней неслись во след.

Карол не выдержал. Кнут взвизгнул, и змеистый ремень заплясал по потным крестцам.

— О-о-оп! О-оп! — раздирая рот, кричал человек.

Лошади хрипели в усилиях,

Апон, унимая колючую дрожь, поводил пляшущим дулом берданки. Тугой толчок швырнул его плашмя. Телега вздыбилась, треснула, кони заплясали на месте. Коренник заржал истошно и залиvisto. Карол, прижав ладонью ушибленный висок, приподнялся.

В десяти метрах впереди неподвижно застыли еще три волка.

Звери охотились на людей.

Чуткая тишина сменила грохот и крик. Лошади, застыв на месте, крупно и часто дрожали. Вскакивая, Апон увидел ввалившиеся огромно-черные глаза на бумажно белом лице Карола.

— Топор! — снова поднимая ружье, прохрипел он.

Волки уже тихо, почти трусцой сжимали круг. Хвосты деревянно вытянулись.

Зыбкая мушка заслонила лобастую голову. С грохотом отдал приклад. Синее облачко метнулось в сторону. Волк визгливо взвыл и рухнул, поводя сухими ногами. Апон уронил сменный патрон, ткнул дулом в оскаленную слюнявую пасть набежавшего волка. Карол с криком отмахивался топором. Лошади снова неистово кинулись вперед, давясь свистящим дыханием. Рыжий зверь, раскачиваясь, повис у Искээра на шее. Черная кровь хлестала по белым клыкам.

Телега грохотала, подскакивала, неслась. Волки прыгали у колес. Зубчатый капкан челюстей впился в ногу Апона. Закусив губу, он взметнул приклад. Тяжелое дерево хрустнуло на шершавом черепе. Волк дернулся. Телега страшно подскочила на заднем колесе. Лохматое тело забилося в пыли с переломленным хребтом. В прокушенном голенище Апона выросла горячая мокрота. Не видя перед собой новых врагов, он обернулся. Карол еще раз взмахнул топором и удивленно застыл. Телега шатнулась и снова остановилась. Ноги Искээра медленно подогнулись. Он проржал коротко и страдаяще, закачался и гулко упал.

Шесть волков вприпрыжку исчезли за буграми. Апон растерянно осмотрелся. И понял все.

Из-за дальнего холма позади, иссиня-черные на фоне рассвета, летели, догоняя, два тарантаса.

* * *

Апон хотел подняться и со стоном опустился на прежнее место.

— Димитрий! — слипающимися губами выдавил он. Но Карол уже и сам увидал. Он заметался было кругом, бестолково размахивая топором, рванулся к лошадям, что-то закричал и, нелепо притопнув, сплеча ударил по постройкам. Апон, преодолевая боль, сполз с телеги. Истомленный Ки вздрогнул, отряхивая ненужную сбрую. Тяжелая рука рванула его под уздцы. Дышло упало.

— Лезь! — гаркнул Карол.

Бледнея от пронзительной боли в икре, Апон швырнул берданку и навалился животом на горячую спину лошади. Перекинул здоровую ногу и сел. Карол схватил кнут и неуклюже взобрался за ним. Конь вздрогнул от непривычной тяжести, затанцовал,

фыркнул, дернулся под ожогом кнута и прыгнул вперед. Сзади уже доносился слабый перестук тарантасов.

— Не уйдем!.. — подскакивая в грузном галопе, почти простонал раненый,

— Молчи! — сурово кинул Карол. — Енисей; близко, совсем недалеко...

Конь, задыхаясь, скакал по степи.

Командир наклонился к Апопу и спросил:

— Товарищ, что с вами?.. Товарищ!

Рассвело совсем. Белый холодный свет разлился по сумрачным далям. Холмы по краям дороги, отступая, разбегались к еще туманным дугам горизонта. Только впереди, перегораживая взгляд, громоздились усеченные гранитные пирамиды береговых высот. Упругий влажный ветер бодро дунул в лоснящуюся от пота,

шумно хрипящую грудь коня. Кнут в руке Карола визжал по мокрым, ходуном ходящим лошадиным бокам. Сзади, настигая, медленно нарастала дробь колес.

— Оставь... я все равно ранен, — не оборачиваясь и странно сутулясь, заговорил Апон. — Ки не вынесет двоих. Оставь меня.

Карол, сдавливая челюсти, посмотрел назад. Переполненные людьми тарантасы неслись в километре от них. Уже различались молниеносно мелькающие ноги лошадей. Преследователи явно забирали вправо, отрезая спуск к парому. Карол выпрямился и властным, но нежным движением положил левую руку на прыгающее плечо Афона. Правая снова взметнула кнут.

Оставалась лишь одна надежда — лодка. Дробный скрежет колес приближался. Его уже не заглушало свистящее дыхание коня. Но и холмы впереди, выросшая, взлетели в хмурое небо. Земля поползла кверху. Лошадь зашаталась. Под запекшейся е переполненном кровью сапоге левой ногой Афона, надрываясь в отчаянных ударах, бунтовало сердце коня. И когда за последним гребнем расплеснулся впереди ветренный великий простор Енисея, Ки застонал как человек и рухнул. Кровавая пена заklubилась из его ноздрей.

Поднимая прокусившего себе губу иссиня-белого Афона, Карол взглянул направо. В полукилометре от них, к вырезанному в груди холма паромному спуску уже подлетали тарантасы.

* * *

Сияющая как стальной ятаган в исполинских ножах каменных берегов, несла могучая река тяжелые зеленые волны. Богатырские плечи течения расшвырнули лысые скалы островов. Кинжалы ослепительно белых осенних береговых льдов кипели шумной пеной.

Среди свинцовоизумрудных волн величаво проносились огромные, рыхлые льдины. Между ними вскипала снеговая каша, льдины грузно сталкивались, вертясь как волчки.

По Енисею шла шуга — осенний пловучий лед.

Суровое отчаяние охватило Карола. Только тяжелый паром мог пробиться через эти льды. Мгновение человек стоял неподвижно, беспомощно стискивая руки. Потом решился и, обняв спину Апона, вместе с ним сбежал к гудящей воде.

Глаза Карола метались между каменных глыб и рассыпчатого гравия побережья.

«Лодку! Только бы лодку!» — одна напряженная мысль захватила сознание.

И лодка нашлась.

В десятке метров слева наполовину в воде, как щит черепахи, чернело промасленное днище рыбацкой плоскодонки.

— Помогай! — хрипел Карол, просовывая ладони под скользкий борт. Четыре руки тянули, надсаживаясь в смертном усилии. Еще и еще! Немели мускулы. Апон душно простонал и пошатнулся.

Лодка нехотя грузно перевалилась на тупой срезанный киль. Под полусгнившей лавкой брякнуло надломленное весло. Наваливаясь грудью на трехугольный срез кормы, Карол толкал, сжав зубы, белея от напряжения и рвущей боли растянутых сухожилий. Апон, тонко вскрикивая, помогал товарищу. За каждым его шагом оставалось дымящееся малиновое пятно.

Киль взвизгнул по скользкому гравию. Нос шумно раздвинул пенную воду. Остроребрая льдинка предупреждающе стукнулась о лодку, булькнув, нырнула в закрутившуюся бутылочно-зеленого цвета воронку и

проплыла мимо. Апон перевалился через борт и упал на лавку.

— Не могу, друг, — почти прорыдал он.

Карол взмахнул рукой успокаивающе весело. Толкнул еще раз и, уже ощущая ладонями плавное движение всплывшего носа, обернулся на хищный крик позади.

К лодке бежали пятеро. Впереди, стремительно ковыляя под уклон, как-то боком прыгал Алексейс. Заржавленное «пибоди» качалось в его руках.

Карол, черпнув сапогом обжигающе холодную воду, грузно вскинулся в лодку. Налег на весло. Течение рвануло корму, и кипятковые барашки вспенились вокруг бортов.

— Стой! Убью! — злобно ревел Алексейс.

Карол, сгибая ноги, нагнулся и широко сплеча занес весло. Нос запенил зеленую стынь волны. Увлекаемая толчками и течением лодка кинулась вперед.

Выстрел бухнул и густо пророкотал по воде. Апон уловил еще растерянно-кривую гримасу на твердом лице товарища. Потом Карол, как птица, красиво и вольно взмахнул руками и молча рухнул на дно. Серьга в его ухе звякнула и задрожала. Развороченный затылок набухал горячей кровью.

— Архысь ^[17], — преодолевая тоску и муку, позвал Апон. Ответа не было. Тогда он сам поднял упавшее весло.

Каменный берег медленно уходил назад, и фигуры на нем молчали. Еще раз фыркнуло огнем «пибоди». Смешной фонтанчик взбулькнул за кормой. Апон облизнул соленую губу и через силу ударил веслом. Волны закручивали лодку, вынося ее на самый стрежень, в грозный поток льдин. Крутая блестящая глыба подвинулась в шуме и пене. Весело беспомощно заюлило в

стремительной воде. Глыба грянула в хрупкие доски. Дерево жалко захрустело, и правый борт легко, как бумага, вдавился внутрь. В щели хлынули проворные струйки. Нос лязгнул по льду, задрался кверху, скользнул и снова сполз в волны. Каскад холодной пены обдал Апона с головы до ног. Но это вернуло ему силы. Кривясь от боли, встал по щиколку в ледяной воде и снова взмахнул веслом.

Целое ледяное поле, крутя перед собой кипящий водоворот снегового сала, наступало на корму. Повинуясь веслу, лодка прыгнула вперед. Лыдина зловеще царапнула по обшивке и пронеслась мимо. Но за ней, бурля, надвигалось острозубое войско шуги. Апон боролся, хрипя в усилиях, то задерживая лодку, то стремительно бросая ее в редкие просветы свободной воды.

Разбитая лодка текла и незаметно погружалась, наполняясь водой. Холодные струи леденили истекающую кровью ногу. Холод смерти подступал к горячему сердцу Апона. Он поднял голову...

И увидел, что победил. Желанный берег надвигался. Он был уже близко, вырастая надежным гранитным приютом. Но еще ближе шел паром. Стальной трос звенел как струна контрабаса. Тяжелые бревна ворот^[18] трескали под его нажимом. Огромный паром рассекал льдины железной оковкой мощных бортов. Блистели жиром торжествующие глазки Димитрия. Он стоял впереди потных лошадей, окруженный толпой хихикающих подпевал, и тыкал на лодку пальцем.

Тогда Апон понял. На том берегу было «пибоди», на этом будет обрез. А в середине — смерть.

Выпрямляясь, он бросил весло. Лыдины звенели. Течение медленно выносило полузатонувшую лодку прямо к сходям уже пристающего парома. Толчок.

Еще, еще. Корма медленно повернулась, прижимаясь к камням.

— Три версты еще! — беззвучно прошептали окочевшие губы. — Еще три! До района... а нога...

Он деревянно и фальшиво усмехнулся. Затем — медленно и бережно заноса больную ногу — вылез из лодки и стал неподвижно, полузакрыв глаза. Ледяная дрожь трепала худое мокрое тело.

Мерный грузный топот отчетливо приближался. Фыркали лошади. Апон сжал веки... Сейчас...

— Эй, товарищ! — звонко сказал кто-то совсем рядом.

«Товарищ?» — он поднял глаза.

На алюминиево-чистом фоне снежных холмов ровным частоколом застыли шлемы витязей. Шашки нежно звенели о сталь стремян. А восемьдесят глаз смотрели лучисто и так же нежно, как прозвучало короткое слово «товарищ». Вороной мерно посапывающий конь вынес вперед командира. Он наклонился к Апону и спрашивал удивленно:

— Товарищ, что с вами?.. Товарищ!

Но Апон уже не слышал, что говорил ему начальник посланного на истребление волков взвода N-ского кавалерийского полка. В глазах хакаса ярче солнца отражались сорок пятиконечных звезд.

* * *

Через два с половиной года знойным летом ехал я вместе с агентом Мясопродукта по глухим местам Чебаковского района, Хакасского округа. Шелкотравная степь и солнечное небо расстилались кругом. Последний улус давным-давно остался позади, но на зеленых склонах холмов паслись многотысячные бараньи гурты. Я удивился и спросил:

— А это чьи?

— Колхоза «Хакас-овцевод», — с готовностью отвечал мой спутник. — Здесь у меня, батенька, крупнейшие закупки. Лучшее мясо и лучшая шерсть. Образцовый колхоз. Пять улусов объединились. Шерсточесальную фабрику имеют, школу, ясли, клуб и в нем даже уголок безбожников. Раньше-то здесь все баи да шаманы ворочали, ну а как расстреляли двоих за кулацкий террор — преулулуссовета, видите ли, да батрака они убили, — так сразу колхозное дело пошло. Впрочем здесь и председатель мастак. Активист. Недавно из комсомола в партию передали. И дело делать умеет. Может слышали: хакас Алгачев, Апон?!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Старое название находящейся в Саянских горах Танну-Тувинской республики.
2. Конечная станция Ачинско-Минусинской жел. дор., село, столица Хакасского округа.
3. Город Минусинск.
4. Районный центр Минусинского округа.
5. Находящейся в Саянских горах пограничное с Танну-Тувой село Усинское.
6. Бедняки.
7. Советская власть.
8. Председатель.
9. ВЛКСМ.
10. Валенки.
11. Ритуальные восклицания.
12. То же
13. Легенда об обращенном в скалу хакасском богатыре-самохвале.
14. Немецкая колония в Хакасе.
15. Арестанты.
16. Красные волки — ростом меньше обычных и с другой окраской шерсти — водятся в южной Сибири. Чрезвычайно смелы. Собираются в стаи по 10—15 штук.
17. Товарищ.
18. Паромный трос на сибирских реках пропускается через специальные бревенчатые ворота.

М. КОВЛЕВ

НА ЗАВОДСКОЙ ТРУБЕ

Рассказ

Михаил Ковлев (М.К.)

НА ЗАВОДСКОЙ ТРУБЕ

Опубликовано в журнале «Всемирный следопыт» № 5,
1930 г.

Рассказ М. К.

I

Покинутый завод стоял на отлогом, ветренном и солнечном склоне длинного сутулого холма. Узкая лента зарастающей ковылем булыжной дороги взбегала от шоссе к приземистым баракам сушилок. Дощатые крыши сушилок чернели дырами, навесы обваливались. Изрезанные лопатами края глубокого карьера сползли и обрушились. Рыхлые осыпи черной земли прикрыли светлевшие на дне ямы липкие пласты голубоватой глины. Лопух и крапива лохматили склоны. Дорога обогнула карьер и заметно круче поползла вверх.

Тяжело ступая, Петр Спирин вытер потный лоб и хмуро сказал:

— Пропал заводишко-то!

С трудом поспевающий за ним, запыхавшийся от жары и подъема, человек в кургузом пиджачке горестно и утвердительно закивал косматой головой и со вздохом проговорил:

— Пропал, паря... Это ты верно.

— А кто виноват? — почти злобно спросил Спирин. — Сохранить надо было. Себе же, небось. Эх, вы!..

Человек в пиджаке негодуяще взмахнул рукой.

— Ты, товарищ дорогой, не агитируй, не агитируй! — хитро прищурясь, заговорил он. — Мы и сами понимаем, что и как. А только тут нельзя было сохранить...

— Это почему же нельзя?

— А потому. Ты послушай сначала.

Ловко загородившись от ветра, рассказчик зажег погасшую было трубку и, глубоко затягиваясь, начал:

— Был тут у нас, еще в одиннадцатом году, купчик такой, Ерофеев звали. Затеял он себе дачу ставить. Сгнал народ, начали под фундамент рыть. Глядь — глина. Хорошая глина. Туда-сюда, душонка-то купецкая сразу и про дачу забыла. Почуял, значит, поживу. Немца-инженера позвал. Немец понюхал глину, помял, говорит — точно, годится. Начали строиться. Лес у нас не близко, материал за двадцать километров подвозили. Стукнуло Ерофеева по мошне. Вексельки выдать пришлось. Однако терпел, думал сторицей вернет. Выстроился, дорогу провел, рабочих нанял. Заработал завод. Все честь-честью. Недели три прошло, стали под шестой миллион кирпичей подходить, как вдруг яма дно показала. Понял? Глина-то вся. Ну Ерофеев туда-сюда, здесь рыл, там рыл — нету глины, вся вышла. Пропал толстопузый! Вексельки к протесту, завод с торгов за двести рублей купил кто-то, да и тот потом прикинул, что разбор дорожке материалов станет — и отступился. С той поры и стоит завод, почитай двадцать лет! Вот что.

— Ну, что же! — перекидывая на другое плечо мешок с тяжелыми инструментами, буркнул Спирин. — Все равно! Использовать надо было. Железо, кирпич. Дерево на дрова. Прочее — в утиль, Колхозники вы, должны знать! Да и ты хорош — сам председатель, а не смотришь!

Председатель рассердился.

— По-о-о-корнейше благодарим вас, драгоценный товарищ бригадир! — поясню кланяясь, заворчал он. — Что же ты думаешь, мы об утиле-то ничего не слышали? Не-ет! Посмотри-ка вот, сам, что тут годного? Ну?

Собеседники стояли уже у самого завода, Хмурые развалины сараев окружили их со всех сторон. Покрытая осколками кирпича земля заросла колючей чащей крапивы. Великим запустением веяло от сгнивших в труху стен и зияющих провалов окон.

— Мерекаешь? — торжествовал председатель. — Да тут, паря, все, что до революции не растащили, на новый константиновский кирпичный, имени Ленина, завод пошло. Лом разный, негодный — на субботниках сообща в утиль собрали. Понял?

Спирин молчал. Собеседник был прав. Кругом не было ничего, кроме ржавчины, заплесневевшей гнили да каменного мусора. А на разлагающиеся развалины со всех сторон смотрели живые просторы. Вокруг холма, забрызганные золотом солнечной россыпи, расплеснулись голубые раздолья лугов. Упругий волнуемый июльский ветер гнал чистые волны прохлады.

— Хорошо! — тихо сказал Спирин.

— Хорошо, это точно! — с готовностью поддержал председатель. — Только парит. Тут-то ветер, а внизу душно. Гроза будет, не иначе. Но, хорошо-то хорошо, а ты все же, паря, признайся: нечего здесь больше использовать!

— А это? — ткнув пальцем в небо, спросил Спирин. Председатель поднял голову. Прямо над ними врывалась в солнечную синеву могучая колонна дымогарной трубы.

II

Сложенная из потускневшего красного кирпича, труба была огромна и кругла, как крепостная башня. Расширявшееся основание терялось в разгромленных временем стенах кочегарки. Потом двадцать лет снег и дожди разрушали штукатурку, и труба казалась теперь изглоданной неведомыми страшными язвами.

— Эх, паря! — прервал молчание председатель. — Сколько уж об этой трубе разговору было! Взрывать — дорого, подкапывать — опасно. Опять же, кирпич старый, плохой...

— Ну, а громоотвод почему не сняли? — допытывался Спирин. — Или не видели?

Вдоль трубы бежал вверх гладкий стальной стержень. Высоко в синеве, выдаваясь над устьем дымохода, слабо сверкало отточенное острие. Нижняя часть громоотвода была отломана, и конец металлического стержня, слабо покачиваясь, висел примерно в трех метрах от земли.

— Сколь возможно сняли, дорогой товарищ, — решительно заявил председатель. — Не леса же в самом деле для пустяков строить?

— Леса? — удивился Спирин. — Зачем леса? Да и не пустяки это! Наконечник ведь платиновый, он денег стоит. Да железа метров тридцать! Скрепки видно выпали. Наверху только и укреплено. Влезть да снять.

Председатель густо захохотал, хлопая себя ладонями по бедрам.

— Вле-е-есть?! Ишь ты! По гладкому-то. Брось пушки лить!

Спирин рассердился.

— Эх ты... дядя! Кто говорит — сбоку, лезть. Изнутри!

— Из-ну-три?!

— Ну да! Не велика штука. Болты там вбиты. На манер лестницы. В каждой трубе так — для очистки. Пойдем.

Собеседники перелезли через рассыпающиеся остатки стен и вошли в давно уже лишенную крыши кочегарку. Сводчатое жерло глубокой топки прогнулось, отдельные кирпичи обрушились, сужая черную глотку печи. Лохмотья древней пыльной сажи свисали по сторонам, точно крылья заснувших нетопырей.

Спирин нагнулся и заглянул в топку.

Глухое далекое рокотание, донесшееся до слуха бригадного, остановило его.

— Эг-ге! — тревожно покачивая головой, сказал председатель. — Слышишь, гром! А трактора-то у нас в поле. Сено есть невывезенное. Пойдем-ка!

Спирин выпрямился и посмотрел на горизонт. Справа, на юге, слабо нарастала темно-фиолетовая косматая туча. Ветер улегся, и глубокая знойная тишина стояла над лугами.

— Стороной пройдет! — успокоительно сказал бригадный. — Успеешь!

— Нет, это ты зря! — зашепшил его собеседник, с тревогой рассматривая небо. — Барометр, паря, упал, вот в чем дело. Как бы града не было. Идем, промочит. В другой раз снимешь.

— Иди, не держат тебя! — снова сгибаясь, заявил Спирин. — Видишь вот, перепугался, а сами нардом на горе выстроили, да без громоотвода. Сниму здесь, туда пристроим. Понял?

Председатель, колеблясь, переступил с ноги на ногу.

— Ну, вольному воля... — сказал он наконец. — Обедать-то приходи.

Затем еще раз взглянул на небо и решительно зашагал вниз, под гору. Спирин стащил с себя истертую кожаную куртку, положил ее на камни и, прижав локтем мешок с инструментами, решительно вошел в печь.

Широкая горловина топки перешла в тесный свод дымоходного борова. Густые тени сменились тьмой. Терпкая духота перехватила дыхание. Едкая кирпичная пыль щекотала горло. В одном месте свод трубы прогнулся, и Спирин больно ушиб темя. Пришлось согнуться и ползти на четвереньках, цепляясь брюками и царапая колени об острые обломки рассыпавшихся кирпичей. Тьма вместе с духотой нарастала, и бригадный обрадовался, почуяв впереди просторную прохладу вертикальной трубы. Освежающая волна обратной тяги внезапно принесла к нему в ноздри тошнотворно-сладкий запах гниения. Под ступившей на что-то мягкое ногой четко хрустнуло. Спирин вздрогнул. Торопливо прополз еще два шага и вскочил на ноги.

Он стоял уже на дне большой трубы. Полутемное жерло взлетало спиральными ободами чернокрасных кирпичей. Тесные круглые стены ровно убегали вверх, сдавливаясь на каждом метре. Снизу казалось, что труба не слегка суживающийся кверху цилиндр, а колоссальный конус с широким основанием и игольчатой вершиной. Далеко-далеко вверху виднелся рваный клочок золотистой синевы летнего неба. Он не был кругл. Это говорило за то, что труба засорена. Но чем именно и на какой высоте — оставалось тайной.

Ровное упругое дуновение тяги стремилось вверх, навстречу падающим тусклым лучам, овеивая разгоряченное тело Спирина. И вместе с ним снова долетел прежний противно-сладкий запах.

— Что за чорт? Падаль, что ли? — буркнул Спирин и полез в карман. Холодное дыхание тяги три раза гасило вспыхивающие огоньки. Наконец Спирин вынул три спички сразу и ловко загородил их ладонями. Синяя искра вспыхнула и задрожала, покрываясь оранжевой коронкой пламени. В мерцающих отсветах выплыла тяжелая куча полусгнившего сена, принесенного сюда должно быть игравшими мальчишками, обрезки досок, стружки и....

— Вот дьявол! — не удержался бригадный. Под его ногами лежал почти истлевший трупик зайца. Маленькое, пушистое, тронутое червями тело было изорвано и искромсано до неузнаваемости. Дальше валялись кости и перья неведомой давно погибшей птицы, целая горсть пуха, покрытая пятнами давно засохшей крови. Еще и еще кости.

— Ну и ну...

Спирин огляделся со смешанным чувством недоумения и легкой тревоги. Слабо шуршала тяга. Человек засмеялся, плюнул, еще раз с сомнением посмотрел вверх — и небрежно швырнул в сторону уже догорающие спички.

III

В первую секунду как-то сразу стало особенно темно. Но глаза быстро привыкли, а падавшие сверху сумеречные лучи манили к небу. Спирин провел рукой по шероховатой стене и почти сразу нащупал первый болт.

— Лезть, что ли? — громко сказал он сам себе. — Пожалуй и правда стоит снять!

Прислушался, но не уловил грома. Гроза повидимому уходила, и солнечное небо над трубой обещало

мир. Бригадный вскинул мешок поудобнее на спину и взялся за железо. Подъем не страшил его. За спиной — надежный пятнадцатилетний стаж «высокого кровельщика», приходилось одолевать высоты и почище этой, но...

— Стой, а не проржавели ли болты?..

Спирин испытующе шатнул толстое прочное железо, присмотрелся — и уже спокойно поставил на него ногу.

Брусья были длинные, с вертикальными скобами, чтобы не соскальзывала ступня, и казались еще совершенно целыми. Через каждые полметра друг над другом торчали они из стены, уходя вверх, к устью трубы, к зовущему небу. Дышалось теперь свободно. Снизу поддувало бодрым холодком, и Спирин, легко и радостно напрягая привычные мышцы, гибко вскидывал покорное тело. С каждым шагом становилось светлее. Тени падали вниз. Труба медленно суживалась, и плотные кольца покрытых старой гарью кирпичей все теснее и теснее смыкались вокруг человека.

«Кирпичи еще на ять! — пробуя, подумал Спирин. — Разобрать — на целую постройку хватит».

Он наугад взметнул руку к следующему болту. Под согнутыми пальцами, вместо жесткого холодка железа, скрипнуло зыбкое дерево.

Густое, похожее на вопль, гоготанье прорезало тишину, сейчас же вслед за тем широкая черная тень с гулким хлопающим шумом перегородила свет.

Что-то пушистое, но жесткое, тяжело и оглушающе ударило по голове бригадного. Спирин покачнулся. Сердце сразу оборвалось и отчаянно рухнуло куда-то вниз. Только судорожной хваткой побелевших пальцев человек удержал свое, готовое последовать за сердцем, тело. И, задыхаясь, поднял голову. В полуметре над

Огромные, тускло светящиеся тупые глаза уставились на меня.

ним с гудением вертелась живая, ширококрылая тень. Рядом с ней грузно свисала укрепленная на болтах бесформенная куча хвороста и пуха. Ушастая круглая голова нависла над человеком. Огромные, тускло светящиеся тупые глаза невидяще уставились вниз. Пружинно разогнулась трехпалая хищная лапа. Изогнутые кинжалы когтей ударили стремительно и мощно. Фуражка слетела с головы Спирина, а сам он покачнулся, но уже почти улыбаясь своему испугу.

— Брысь ты, черт мохнатый! — хрипло крикнул Спирин и, освободив правую руку, коротко и уверенно выбросил вперед костлявый кулак. Жесткое тело хрустнуло под ударом. Филин подпрыгнул и, бестолково колотя по кирпичам мохнатыми крыльями, опустился к коленям Спирина. Бригадный носком сапога ожесточенно двинул по спине ошеломленной птицы. Филин жалобно ухнул, дернулся в сторону, бешено захлопал крыльями и, осыпая человека теплым ворохом выбитых мечущихся перьев, ринулся вверх. На мгновение широко развернутые крылья мелькнули над устьем трубы — и филин исчез.

— Что, не понравилось?! — позлорадствовал вслед Спирин. — Ишь, колдун мохнатый. Сколько дичи нажрал!

Выгибая спину и упираясь в кирпичи, человек подтянулся к гнезду. Три больших, усеянных бурыми крапинками яйца лежали в кучке теплого пуха.

«Спускаться буду — возьму для ребят», — подумал Спирин и, осторожно пробуя скобы, двинулся выше.

Рубашка бригадного терлась о противоположную стену, порой цепляясь за неровности кирпичей. Все чаще и чаще зияла стена ранами трещин. Острые углы вылезших кое-где из своих гнезд кирпичей затрудняли подъем.

Один из них, задетый локтем Спирина, оторвался и шумно рухнул вниз. Глухой мягкий удар долетел до слуха человека. И вслед за тем на него слабо пахнула горькая пронзительность дыма.

— Тьфу! За двадцать лет не проветрилась! — буркнул бригадный, перекидывая руку на следующий болт. Этот следующий вздрогнул под пальцами. Расшатавшиеся здесь кирпичи уже слабо держали железный прут, и Спирин призадумался, прежде чем подниматься дальше. Но до устья оставалось, очевидно, не больше двух метров, а предпоследний болт выглядел надежным. Подтягиваясь на мускулах и упираясь лопатками в другую стену, человек миновал угрожающее место. И сейчас же почувствовал пробежавший по нервам скользкий холодок чувства опасности.

«А что, если, как стану спускаться, обвалится... да в голову?».

Спирин стиснул пальцы и зубы, точно раздавливая слабость, и новым тугим усилием приподнялся к самому устью трубы.

Острый ветерок бойко дунул в лицо. Улетел. Перед глазами развернулись простор и.... туча.

Спирин сначала не поверил себе. Темное пятнышко на горизонте превратилось в угрюмый пожарный занавес, наглухо задернувший голубые декорации неба. Туча косматилась грязными седидами грозowych облаков, густела и вырастала, набухая грозными фиолетовыми тонами. Давящая тишина висела кругом. Со своей головокружительной высоты Спирин видел, как поперек ясного простора зеленеюще-ровных полей, надвигаясь, ползла наступленная тень тучи. Бескрайние дали вокруг померкли. Ветер улегся совсем.

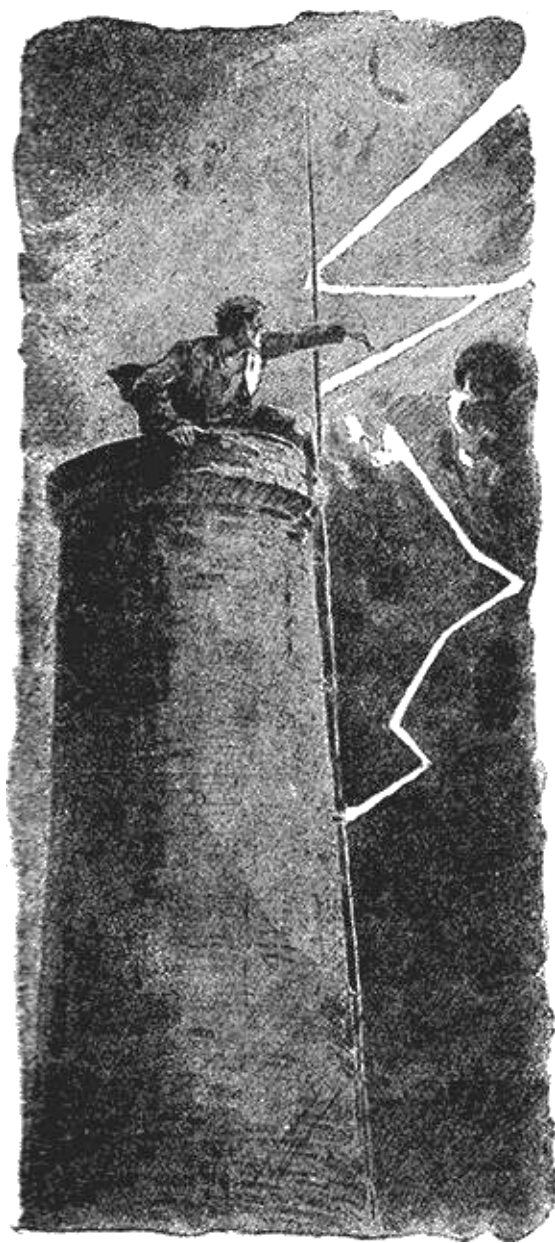
Спирин нахмурился.

— Вот тебе и на! Анашкин-то, видно правильно... —

почти громко сказал он — и замолк, сам удивляясь звуку своего голоса. Затем порывисто, уже спеша и нервничая, укрепил ноги на последнем стержне и, наваливаясь грудью на острое ребро трубы, рванул мешок с плеч. Тускло сверкавшее острие громоотвода слабо дрожало справа, в метре над головой. Два проржавевших докрасна болта прочно удерживали провод у внешней стороны устья. Потрескавшиеся фарфоровые изоляторы окружали железо. Доставая клещи, Спирин слегка перегнулся через край и заглянул вниз. Знакомое чувство влекущей пропасти, смешанное с чуть заметным головокружением, хлынуло в глаза и грудь. Труба, казалось, плыла куда-то в сторону, медленно наклоняясь над развалинами. Но бригадному было не до наблюдений. Звонким ударом человек разбил изолятор и взялся за болт.

Словно в ответ небо, как бомба, лопнуло над головой. Ослепительно-белый, расплавленный зигзаг разрезал бурю тучу. Гулкие чудовищные колеса грохота сорвались с невидимых высот, покатались вдаль, дробясь и ломаясь в замирающих перекатах. И сразу же на трубу прыгнул, наваливаясь, ветер. Он загудел в ушах, переполняя грудь, вскидывая с земли мятущееся облако коричневой пыли. Труба плавно качнулась и заметно задрожала.

Спирин ожидал этого. Старый кровельщик не мог не знать, что хорошо построенные башни, шпицы и трубы должны качаться, чтобы устоять против ветра. Но сейчас и он жадно уцепился за край дымохода, едва не выронив инструмент. Затем с трудом оправился и, повертываясь лицом к завывающей стремительности ветра, наложил клещи на болт. Упорство блеснуло в жестких зрачках. Челюсти человека и инструмента одновременно сжались. Вторая молния едва не ослепила

Спирин жадно уцепился за край дымохода, едва не выронив инструмент.

Спирина. Гром ударил за ней почти мгновенно, раскалывая уши тяжелым чугунным ревом. И сразу же стремительно и тесно хлынул вниз частый серебряный гребень ливня. Ветер орал и все скорей и скорей метался вокруг. Труба шаталась и плыла куда-то. Но вырванный болт уже дрожал в руках человека. Не оставиваясь, он протянул клещи ко второму. Второй еле держался на стене, и Спирин сообразил, что достаточно самого легкого рывка — и стальной провод тотчас рухнет вниз.

Но увидел что-то и, с дрожью откидываясь назад, застыл. По платиновому острию бесшумно бежал вниз маленький, языкастый, ярко-синий огонек.

Ветер, словно готовясь ко второму штурму, как-то сразу утих. Батальоны косматых облаков копошились на багровом фоне воинственной тучи. Дождь лился звонким сплошным потоком, и Спирин уже промок насквозь. Ручейки текли по его лицу, и влажные пряди волос лезли в глаза.

Тяжело дыша и все больше откидываясь назад, смотрел на грозный искристый огонек. И когда новая молния иссиня-белым блеском залила глаза, человек решился на отступление. Нащупывая ногою болт, осторожно втянул голову за край трубы...

Жаркое дыхание влажной гари мгновенно охватило его. Густой сизый дым хлынул в лицо, слеза зрачки. Задышав, Спирин посмотрел вниз.

На дне трубы гудело и вскидывалось багряное дымное пламя.

IV

«Спички... бросил... сено...».

Три слова отпечатались в мозгу, как вспышка новой молнии. Отчаянно напрягая мышцы, Спирин снова

высунулся за край трубы, перекошенным ртом всасывая вновь поднявшийся освежительно-стремительный вихрь... Гроза бушевала над человеком, гром и дождь тысячами голосов стонали и выли вокруг покорно шатавшейся трубы.

Душные клубы горького дыма фонтанировали из зияющего жерла навстречу буре. Ветер рвал их, швыряя в лицо Спирина. Но даже и сейчас человек боролся. Мозг работал отчетливо и точно, и руки еще покорялись ему. Он понял, что спускаться вниз, в это дымное пекло — безумие. Зажмутив залитые слезами и ослепленные светом молний глаза, глотая ветер и дым, бригадный сорвал с себя, насквозь мокрые, рубашку и брюки. Мешок с инструментами лег на край трубы. Влажное платье полетело вниз, в багровое жерло, чтоб хоть на время задавить пламя. По голым бугристым плечам барабанил дождь и редкие, звонкие градины. Руки вздулись желваками мышц.

Огонь Эльма исчез с качавшегося под ветром платинового острия. Но Спирин знал; что последний болт, на котором держался громоотвод, не выдержит тяжести человеческого тела. Теперь нужно было уже укрепить этот стержень, во что бы то ни стало укрепить!

Сначала Спирин пытался вбить острие пробойника в щель между кирпичами. Но молоток дрожал в руке, теснимое свирепым ветром тело не давала опоры, глаза слипались и горели. Из устья трубы навстречу дождю тяжело взлетел густеющий горячий дым. Гром на части полосовал тучу. Пробойник выскочил из мокрых пальцев и, сверкая в молниях, ринулся вниз. Тогда Спирин схватился за болт руками. Он рвал и дергал его с каким-то отчаянием. Хрустнул кирпич. Пятьдесят килограммов железного кабеля повисло в победивших руках.

«Укрепить! Но где?» — Шероховатые стенки трубы не давали нужной опоры.

Прокусывая губы в нечеловеческом усилии, Спирин согнул конец громоотвода и рядом с собой вдавил его внутрь трубы. «Надежно ли это? Нет!» Надо сделать еще один крюк и зацепить его за тот болт, на котором стоял он сам. А для этого нужно наклониться. Спирин тесно зажмурил глаза и, полной грудью глотнув ветер, нагнулся, почти виса на левой руке.

Раскаленное дыхание огня и дыма пробивалось в нос, сжигало легкие, мутя мысли, горячей кровью наливая мокрую голову. Человек походил сейчас на снаряд, застрявший в жерле стреляющей пушки. Железо лязгнуло о железо. Надо согнуть крюк. Согнуть! Согнуть! Спирин снова приподнялся, снова жадно глотнул свежесть ветра, дождя и бури. Головокружение шатало его, как вихрь трубу. Секунду он дышал, оскалась, весь опеленутый дымом, вытягиваясь в струнку навстречу грозовому грохот. Потом опять нырнул в жар и смрад. Железо разрезало натруженные ладони. Спирин давил последним смертным усилием. Стержень медленно гнулся. В разрывающихся легких не хватало воздуха. Мучительная тошнота скребла внутренности. Человек выбился из трубы вместе с фонтаном дыма, черный, как негр, весь обожженный, облитый дождем и рвотой. Он, безумец, рвал на себе последние тряпки белья, обматывая ими кровоточащие ладони. И наконец, перебросив через край закопченные сажей ноги, стиснув пальцами железо, ринулся вниз, в свистящий простор, навстречу земле и молнии...

Подбегающие видели, как под сеткой дождя стремительно скользнуло вниз голое черное тело. На высо-

те трех метров, судорожно взмахнув руками, оно рухнуло вниз... на протянутые к нему дюжие руки...

Весь в воде и копоти, Спирин открыл глаза. Труба тяжело дымила над ним. Грохотал вдали уходящий гром.

— Эх, паря, паря! — растерянной бестолково топтался вокруг него председатель. — Ты дым-то благодари, милый... дым! Не увидев дыма, разве бы за тобой прибежали?!

— А не за мной, так за громоотводом! — бледно улыбаясь, прошептал бригадный.

Его ковал Октябрь

Рассказ
М. Новикова

1

— Пустита-то, товарищи-благородья, недалечка мы, до Ижевского все!

Он просил, напевно растягивая слова, и широко открывал беззубую, странно яркую на сморщенном бледном лице дыру молящего рта.

Сверху, из распахнутых дверей облупленной теплушки смотрели на него глаза и штыки.

Заплеванный подсолнухом, липкий кисель перрона колыхался суматошной, гордастой толпой. Мутное небо по-осеннему слезилось на ржавые рельсы путей, на изодранные крыши, облезлые бока надорванных паровозов, на осатаневшие лица бородастых мешочников и плачущих оборванных баб.

Человек у теплушки, поджав голову, покорно ждал.

— Незалечка мы, пустита-то! — снова начал он.

— Да ты кто есть-то, а? — перебивая, строго спросил широколицый сероглазый красноармеец в заплатах гимнастёрке, с наганом у пояса.

— Вотские на! Удмуртен-лэн! — обрадовавшись вниманию, заспешил просящий. — Ма фронт бывал, ма в немецине плен бывал. Глазов надал... Четырех годов дома не бывал! — и вдруг, смешно распрямляя прижатую котомкой тощую спину, вотак вытравился и четко, уже почти без акцента отралаторовал:

— Шестнадцатого стрелкового полка, третьей роты, второго взвода рядовой Василь Терелейн, ваша благородья!

Теплушка загрохотала тяжелым, согласным хохотом:

— Наш, стало быть, фронтовой! — гудели голоса. — Из татар, што ли? Отстал он, ребята, по-царскому лепортует!

— Пустить, чего там! Слышь, из плена мужик!

Но сероглазый властно поднял руку и жестом заставил смех.

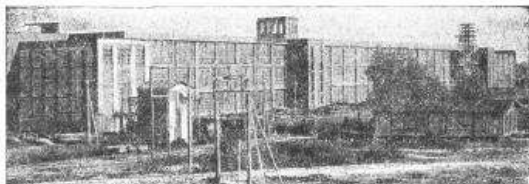
— Документ есть? — жестко сказал он вотaku. — Давай! А ржать тут, товарищи, промежд прочим, нечего. Тут воинский эшелон. Не к бабе под бок едете, а на белую гилу контра-революционного мятежа. Незнаемых людей приказываю не пуцать!

Хохот замолк: лица вокруг засуровились. Удмурт засуетился и короткими заостренными пальцами, покопавшись в своей котомке, вытащил желтую оберточную бумажку, всю усеянную зелеными язвами печати. Командир читал ее долго, шевеля сухими тонкими губами, и, внезапно посветлев лицом, протянул вотaku свою широкую жилистую ладонь.

— Лезь, товарищ! — просто сказал он, подтягивая пришельца.

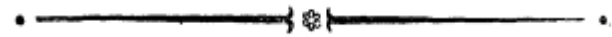
Василь стоял на грязном полу теплушки, окруженный кольцом весело гуторящих красноармейцев, и озирался с несмелой, хорошей улыбкой.

— Спасибо-та, благородья, спасибо есть!

Новая караванная фабрика
(Ярославль)

М. КОВЛЕВ

ЕГО КОВАЛ ОКТЯБРЬ

Рассказ

М. Ковлев

ЕГО КОВАЛ ОКТЯБРЬ

Опубликовано в журнале «Всемирный следопыт»

№10-11, 1930 г.

I

— Пуститя-то, товарищи-благородья, недалечка мы, до Ижевского вся!

Он просил, напевно растягивая слова, и широко открывал беззубую, странно яркую на сморщенном бледном лице дыру молящего рта.

Сверху, из распахнутых дверей облупленной теплушки смотрели на него глаза и штыки.

Заплеванный подсолнухом, липкий кисель перрона колыхался суматошной. горластой толпой. Мутное небо по-осеннему слезилось на ржавые рельсы путей, на изодранные крыши, облезлые бока надорванных паровозов, на осатанелые лица бородатых мешочников и плачущих оборванных баб.

Человек у теплушки, подняв голову, покорно ждал.

— Недалечка мы, пуститя-то! — снова начал он.

— Да ты кто есть-то, а? — перебивая, строго спросил широколицый сероглазый красноармеец в заплатанной гимнастерке, с наганом у пояса.

— Вотские ма! Удмуртен-лэн! — обрадовавшись вниманию, заспешил просящий. — Ма фронт бывал, ма в немчине плен бывал. Глазов нада... Четырех годов дома не бывал! — и вдруг, смешно распрямляя придавленную котомкой тощую спину, вотак вытянулся и четко, уже почти без акцента отрапортовал:

— Шестнадцатого стрелкового полка, третьей роты, второго взвода рядовой Василь Терелейн, ваша благородья!

Теплушка загрохотала тяжелым, согласным хохотом:

— Наш, стало быть, фронтовой! — гудели голоса. — Из татар, што ли? Отстал он, ребята, по-царскому лепортует!

— Пустить, чего там! Слышь, из плена мужик!

Но сероглазый властно поднял руку и жестом задал смех.

— Документ есть? — жестко сказал он вотяку. — Давай! А ржать тут, товарищи, промежду прочим, нечего. Тут воинский эшелон. Не к бабе под бок едете, а на белую гидру контра-революционного мятежа. Незнаемых людей приказываю не пущать!

Хохот замолк: лица вокруг засуrowились. Удмурт засуетился и короткими заостренными пальцами, покопавшись в своей котомке, вытащил желтую оберточную бумажку, всю усеянную зелеными язвами печати. Командир читал ее долго, шевеля сухими тонкими губами, и, внезапно посветлев лицом, протянул вотяку свою широкую жилистую ладонь.

— Лезь, товарищ! — просто сказал он, подтягивая пришельца.

Василь стоял на грязном полу теплушки, окруженный кольцом весело гуторящих красноармейцев, и озирался с несмелой, хорошей улыбкой.

— Спасибо-та, благородья, спасибо есть!

— Благородья, брат, вывелись! — ответно улыбаясь, произнес командир. — Благородий ты брось. Здесь не царская армия, а Красная. Здесь товарищи!

— Седьмой эшелон, по вагонам! — грянуло вдоль состава.

Покрывая вой и суету толпы, густо ударил колокол. Взревела глотка гудка.

— Отправляемся! — через гам перрона выкрикнул командир. — Устраивайтесь, товарищи... Да! — словно вспомнив что-то, снова повернулся он к вотяку. — Тебе куда, — говоришь, за Ижевск?

— За Ижевскова, за Ижевскова, Глазовска уезды! — часто кивая, заторопился Василь.

— Не попадешь! — отчеканил командир. — В Ижевске восстание. Белая гвардия... Царя хотят: генералы, купцы, попы, — пояснил он, точно боясь, что удмурт не поймет. — Вышибать их едем, чуешь? Сойти бы тебе, товарищ: опосля лучше доедешь, а? — и нерешительно он заглянул в глаза Василя.

Тот нахмурился. По низкому бугристому лбу пробежали морщины и мысли.

— Царь-лэн, купцы-лэн, генерал-лэн, — медленно, раздумчиво произнес он, и командир понял, что эти слова не безразличны для удмурта. — Ижевска генерал-лэн... — повторил между тем Василь, — вотский бедный мужик, русский бедный мужик бьют? Да?

— Ну, бьют! — не понимая, ответил командир.

— Били и бьют... — прищурясь, еще медленнее промолвил вотяк. Потом вдруг вытянулся и, сгоняя с лица морщины, почти лукаво заглянул в зрачки краскома ясными открытыми глазами.

— Винта даешь, и ладна! — просто оказал он. — Твой вышибать и мой вышибать!

Вагон шатался. Разоренная, голодная Казань девятнадцатого года убегала назад.

Колеса эшелона, грузно грохоча, подминали под себя рельсы раз'ездов.

II

В горячем сумраке теплушки сияла раскаленная пасть железки и огненные жуки тлеющих папирос.

Василь лежал на нарах, лицом к стене, и теплая грудь спящего соседа матерински прижималась к его костлявой спине. В этом прикосновении было что-то отвычно-родное. На губах вотяка, как и там, в Казани, застыла растерянная, чуть умиленная улыбка.

Впервые за месяц бесконечного пути бесчисленных эшелонов из Двинска в Казань по его усталому, изъеденному у вшами телу разливалась тяжелая, нежащая волна горячей сытости. На губах еще теплилась вкусная горечь давно не пробованной, а сейчас вдосталь насосанной махорки. Но слаще сытости, слаще табаку, слаще горячей братской спины рядом были мысли о них. Его пустили в вагон, как равного, как человека. Сказали: «Товарищ»! Товарищ! И не важно, что накормили и дали курить, а важно, что хлеб, селедку и махорку для него отделили от себя. А у самих было немного. Но главное, сказали: «Товарищ», а не «вотская мышь».

Вотская мышь! Эти два слова преследовали Василя почти с рождения. Он родился и вырос, как трусливый мышонок, в сырой норе. Тощие поля, черная стена уральской лохматой тайги на горизонте. Село удмуртское. В нем только трое русских, — урядник, учитель и батюшка-поп. С ними всегда заодно, однако чем-то неуловимо чужой (деньгами, что ли?) — купец Саша Курелейн. Четыре царя — остальные рабы. Василь помнит. Весенний праздник Буна-лэн. Ночь душистая и светлая. За околицей ребята устроили «колесо».

Дети урядника и учителя — дерзкоглазые упитанные пареньки — налетели, били кулаками его, робкого Василя и его товарищей. Гнали, крича:

— Вотские мыши! Вон с колеса!

Был неурожай. Купец за долги взял корову. У лошади вздулся живот. Она лежала, хрипло дыша, заводя вверх налитые кровью белки. Отец плакал.

Батюшка-поп, почесывая под ряскою сальную свою грудь, мочил в воду веник и наскоро брызгал в лошадь.

За брызги взял поросенка.

Лошадь околела.

В школе учитель бил по темени ребром железной линейки и, пуча рыбы глаза, кричал:

— Говори по-русски, вотская мышь!

А в церкви, где темно, страшные рожи икон и чужие мертвые слова. Батюшка-поп бил крестом. Тоже по темени.

Когда хозяйство пропало и мать, звонко охая, умерла, отец, забрав детей, пошел в Ижевск. Жили в землянке, над озером, где было много воды, мокриц и мало хлеба. Отец днем таскал чугунные брусья на заводе, а вечером рассказывал, как его бьет десятник. Василь с братьями сидел дома и мерз. В зимний праздник Нухе-лэн отец пил водку, ходил по улице и плакал. Русские, тоже пьяные, с гармошками, в лакированных сапогах, однажды окружили его, стали бить по темному лицу и кричать:

— Хлеб отбиваешь, вотская мышь!

Сзади хихикал натравивший пьяных десятник.

Отец пролежал три дня, горячо хрипя, и умер. Тогда работать начал Василь, Он таскал те же брусья, что и отец, но денег ему давали вдвое меньше, а били вдвое больше.

Весной Василь с братьями ушел из Ижевска к дяде под Глазов. Дядя принял всех в хромую избу свою, где кишели голопузые дети и тараканы.

Лошадей у дяди не было. Соху и борону волочили на себе.

Сосед Гери-бай, охотник, однажды взял с собой Василя в лес, Лес начинался сейчас за селом, Был он непролазный, черный, сладко дышал смолой и свободой. Лес захлеснул Василя, Гери-бай, увидел, как его молодой товарищ третьим в своей жизни выстрелом снял белку с вершины сосны, всадив ей прямо в глаза

кособокою, домашнего литья пулю, зачмокал губами и умилился. Потом подумал и дал Василию свою ржавую, ветхую шомлолку. Сказал:

— Настреляешь, заплатишь!

С тех пор лес стал для Василя всем.

Но вслед за четвертой проданной им медвежьей шкурой пришла война Василя, Кормильца малолетних братьев, не должны были брать в солдаты. Но сыну старосты Герда, жирному Митре, не хотелось итти на войну. Староста написал в Глазов, что Василь хорошо стреляет и знает по-русски. В Глазове были длинноусые благородья и злой доктор в очках. Они поверили старосте, Василь стоял перед ними голый, весь в пупырышках, и дрожал. Господа засмеялись, сказали: «Годен».

Дальше все стало черно, как ночь. Жизнь застегнули стенами казармы, сердце и волю — шинелью. Били... Били все: «старики», отделенный, фельдфебель, благородия, простые и высокие. Били всюду, во все тело, за все и ни за что. Не звали иначе как «вотская мышь». Как лошадь на корде, гоняли по грязному двору, отнимали обед. Василь чистил уборные, на ночь, под жеребьячье ржанье «стариков», чесал вонючие пятки фельдфебеля, синими губами твердая непонятные, злые слова: «Знамя есть священная хоругвь». Трех зубов стоило Василию научиться говорить: «Шестнадцатого стрелкового полка, третьей роты, второго взвода рядовой...»

Радовало только одно: винтовка. Хороша была, длинная, блестящая, — полная затаенной силы. Напоминала лес. Но вместо леса пришли вагоны, дальний путь и грохот фронта.

Потом были: липкий окоп, вши, трупная вонь, голод, злоба на все.

Однажды, наклонясь к своему соседу по блиндажу, единственному, кто не бил и не ругал его. хмурому тонколицому питерскому рабочему Степану Ананьеву, Василь несмело спросил:

— А на што-та сидим здесь, мрем, кто приказал-та?

Ананьев усмехнулся и ответил тихо:

— Кто! Известно, царь, купцы да генералы.

Многое еще хотел узнать Василь Но через час Ананьеву стаканом шрапнели расщепило череп, и он ничего больше не сказал. Не успел узнать от него Василь, что, когда с сырой зарею хлынули на окоп высокие, чисто одетые люди в остроконечных касках, — нужно было стрелять по ним. Василь привык бить птицу и зверя, а это были люди.

Но фельдфебель ударил его волосатым кулаком в лицо, и вотяк поднял любимую винтовку. Люди в касках были глупее зверей. Они бежали прямо на винтовку Василя. Когда вотяк сменил шестую обойму, бежать было уже некому. Атаку отбили, но той же ночью благодардя приказали Василию и всем другим солдатам отдать винтовки.

— Мы взяты! — сказали они.

Василь опять не понял, зачем. У него есть патроны. Кто может его взять?

Он не знал, что такое «мешок», не знал, что попал в сражение при Сольдау, что пуля уже сидела в виске генерала Самсонова и четыреста молчаливых орудий, нацеленных со всех сторон, сильнее его винтовки.

Через три дня Василь был уже в тучной Вестфалии, за тройными рядами проволок концентрационного лагеря. Здесь, как и в казарме, медленно потекли монотонные, серые дни. Приходящие годы приносили с собой только пищу похуже, работу потяжелее. Товарищи

били реже, смеялись реже, и на лицах у них застыла голодная тоска.

Пришел день, когда заволновался лагерь. Василь робко подошел к одной из кучек шепчущихся взволнованных людей.

— Царя больше нет! — донеслось до его слуха.

— Царя-ат нету? — радостно не утерпел Василь. — Мира будет, лес будет? Да?

— Еще обождь с миром-то! — сурово остановил его бородатый пленный. — Царя нет, — генералы да баре остались.

Была поздняя слизкая осень. Пленных пригнали с работ, и вдруг гибкая, как пороховая нить, огненная весть обежала лагерь. Большевики. Октябрь. Настоящая революция. Мир!

— Домой скоро! — день за днем гудело вокруг. — Домой! Революция! Мир! — Так мечтали. Но только через год тронулся эшелон с Василем. Пришла граница, Двинск, а с Двинском холодный жар сыпняка. Еще год с'ели лазарет, улицы и нищета. Но Василь верил и ждал.

— Октяб, резолус... — Это обещало, но было длинно и трудно. И сейчас только, до конца поняв и пережив непривычные слова, Василь повторил их по-своему:

— Генерал-лэн — прочь, купец-лок — прочь, войну — прочь!

— Кто?

— Октяб.

Переваливаясь, гремела теплушка. От железки, наполненного желудка, спины товарища по усталому телу лилось благотворное тепло.

«Кто говорит «товарищ»? Кто накормил, греет, не бьет, не смеется? — детски улыбаясь в темноту, уже сквозь сон думал Василь. — Большевики. Октяб!»

III

Пород огрызался надорванным лаем пулеметов.

Нарастая, дробно рассыпалась назойливая винтовочная трескотня.

Атака, развертываясь как удав, полукольцом охватывала предместье. Испуганный рев заводской сирены плыл над морщинистым зеркалом озера, тревогой наполняя грязные поля и унылые гребни полых перелесков. Вдоль стен и заборов окраины вспухали и таяли легкие пороховые дымки.

Редкие гранаты атакующих гулко, как молоты, колотили по ухабам узких немощеных улиц и рыхлым грядкам огородов, вскидывая к небу тяжелые султаны вязкой земли.

От слабо дымившихся развалин деревянного вокзальчика и разобранных путей, вдоль серой ленты спирального шоссе, то и дело бросаясь ничком в холодные лужи, перебегали жидкие цепи наступающих.

Василь, как и все, проскакивал несколько шагов и, бережно приподнимая новую винтовку, бросался в екающую хлябь дороги.

Такая война ему странно нравилась. Кругом все было знакомо и понятно. Впереди ни окопов, ни проволок, по сторонам бежали не благородья, а товарищи.

По временам Василь оборачивался и видел рядом с собой спокойное широкое лицо с тесно сжатыми сухими губами. Командир, улыбаясь, кивал ему, и от этой, улыбки Василю становилось весело и тепло.

С каждой новой перебежкой рассыпной огонь окраины разгорался, как политый керосином костер. Над головой то и дело шипели свинцовые стайки. По сторонам брызгала и чмокала простреленная, влажная земля.

На левом фланге вспыхнуло было нестройное осипшее «ура», цепи поднялись, но пристрелянные максимы брызнули вдоль бегущих, смяли их и бросили к земле. Мертвые легли тут же. Цепь живых поредела. «Ура» потухло. Раненые угрюмо поползли назад, и сразу же, не дожидаясь команды, нестройно заговорили винтовки залегших, озлобленных своим бессилием бойцов.

Артиллерия сзади, маскируя неудачу цепей, зачастила и забухала.

Широкая ладонь опустилась на плечо Василию. Он оглянулся. Командир вплотную подполз к нему и теперь, указывая куда-то вперед, кричал прямо в ухо удмурта:

— Глазом хвастал? Гляди! Да не туды, правее, вона, где заборчик беленький, чуешь? Максимка-то в открытую, можно сказать... Займись! Отлей кошкам свои мышкины слезки. Чай, были?

Василь подумай о чем-то и кивнул, кивнул сурово, как никогда.

В полкилометре впереди, у белого заборчика, прячась среди грядок, действительно стоял пулемет.

За тусклозеленым квадратиком щитка мелькнуло что-то — и тотчас максим часто-часто задышал упругими серыми дымками. Над Василем густо свистнул проколотый воздух. Ладонь командира внезапно сползла с плеча удмурта. Широкое крепкое тело передернулось, губы шевельнулись, и по чистому хрусталу глаз медленно разлилась муть. Колени задрожали, и человек доверчиво медленно, точно отдыхая, опустил грудь и щекой на мокрую грудь неприятной земли.

Над правой бровью, чуть ниже полу-оторванного козырька, смотрели два черных, аккуратно круглых

отверстия. Крови на них не было.

Василь медленно положил грязную свою ладонь на спину командира и робко-нежно провел вдоль теплой шероховатой материи выцветшей гимнастерки. Потом мотнул головой, точно стряхивая что-то, попавшее в глаза, быстро сглотнул слюну и еще быстрее вскинул пальцы на рейку прицела.

Дуло, вихляя, ткнулось в зеленый щиток, застыло, дохнуло шумным огнем, опустилось, жадно внимая лязгу затвора, снова вскинулось, снова дохнуло, — и Василь, отнимая приклад от плеча, усмехнулся.

Усмехнулся он в сторону лежащего рядом трупа, точно говоря:

— Есть!

И впервые на губах Василя улыбка эта была жестка, светла и колюча, как отполированная игла. Он научился ненавидеть...

А зеленый щиток у белого забора умолк.

Когда через полтора часа, штыками опрокинув в беспорядке свертывающегося на восток противника, прикладами разбивая баррикады Курной улицы, ворвались в Ижевск красные части, за этим щитком среди грязи и опорожненных лент нашли два распластаных трупа.

На одном из них были погоны и канты, а на другом — ряса и крест.

«Вотская мышь» начала отливать кошкам свои простые свинцовые слезы.

IV

С бетонного изгиба плотины устремил пустые глаза в осенние хляби озера тяжелый мраморный бюст. Под лоснящимися от дождя париком с затейливой косич-

кой хищноклювый нос, надменная глыба крутого бритого подбородка, и ниже надпись:

«Строителю завода Ижевского и покорителю народца вотятского обер-гауптману и кавалеру Дерябину монаршей волей».

На голове Дерябина, спиной к озеру, сидел и жадно слушал Василь. Прямо перед ним застыли молчаливые громады завода.

Широкие, лишённые стекол окна, развороченные крыши, холодный частокол частью обрушившихся железных труб — от всего этого пахло тлением. Завод умирал. А перед ним, вокруг бюста, гремела глотками людей и труб, цвятилась горячей кровью знамен и синим отливом штыков иная, все врачующая жизнь.

Серые шинели красноармейцев окутала черная толпа горожан.

С трибуны, надрываясь, кричал коряжистый человек в ободранной кожаной тужурке:

— ...И нынче, празднуя вторую годовщину Октября в недавно освобожденном от белых гадов Ижевске, мы, товарищи, определенно говорим: которые, значит, отступили к Колчаку — не есть рабочие, а совсем даже наоборот — изменники делу рабочего класса. Восстание у нас поднимало офицеры. Так. А кто в нем участвовал? Это все те же, у кого здесь, в Ижевске, дом да пасека, лошади да коровы. Пусть они на заводе были, да разве это рабочие? Это определенно, товарищи, гады, которым свое брюхо дороже. Во! — широко развел оратор руками. — Глядите, што они с достоянием народным, с заводом, говорю, што сделали! Определенно разорили гады! Машины, говорю, станки гидре международного капитала увезли продавать. И што, товарищи, мы определенно должны обещать в сегодняшнюю годовщину нашей Красной армии, здесь

присутствующей? А вот что! Красная армия борется, товарищи, с белыми. А мы, товарищи, должны здесь помочь поднять этот завод. Поднять и пустить! У кого руки мозольные, тот меня даже очень поймет, что русский, что вотяк — это нам все равно. И тот завод пустит, товарищи!.. А в общем и целом — да здравствует Октябрь!

Толпа ответно гремела глотками людей и труб.

А Василь качался на голове Дерябина и шептал:

— Что русск, что вотск — Одно! Октяб! Октяб!

Часом позже сосед по вагону спросил Василя:

— А ты, паря, куда? Домой? Али с нами, на Колчаку?

Удмурт, вскидывая голову и винтовку, твердо ответил:

— Домой нет! Октяб! Надо слез отливать. С вами, товарища! — И потом, оборачиваясь к мертвым корпусам, уже тихо прибавил: — Пока!

V

В спокойных руках Василя так же, как одиннадцать лет назад, жарко бухнув, тяжело отдала новенькая, сверкающая лаком и воронением винтовка.

В двухстах метрах впереди, у самых мишеней, за бетонным щитом прикрытия, трижды полоснулся алый флажок заметчика.

— Десятай... Рассеивает мала. Кучна кладет. Годна! — неспеша произнес Василь и привычным движением опустил ружье на вагонетку приемщика.

Рельсы скрипнули, и новый штабелек девственно сверкающих винтовок подвинулся к стойкам дальнотера.

— Опять с руки хлещешь, глазастый?! — зажимая свою винтовку в станок, чуть завистливо спросил солидно бородатый сосед-пристрельщик. — Какую сегодня?

— Девяносто пять, — старательно выговаривая число, сказал Василь. И улыбка его смуглого лица была полна прежнего наивного света. Только в глазах горели новые огни: стремления к цели и упорства. — Девяносто пять, — повторил он, — с руками. Ударник есть — так надо количества повышать. С руки — скорейча. В отделочном цеха — завал. Ствольно-коробочном — завал. Разгружать на да. Ускорять нада. Потом с руки будешь — для поля не отвыкнешь. Когда время будет опять в военно поле итти!

И Василь любовно вскинул к щеке новый шлифованный приклад.

За спинами пристрельщиков гудел завод.

А впереди, на стрельбище, настороженно хлестали выстрелы.

— Работай! — гремели станки.

— Будь готов! — отвечали винтовки.

Так оружие охраняло труд.

* * *

На второй полосе вотской газеты «Гудыри» («Гром»), под крупным заголовком, на виду заметка:

«...к тринадцатой годовщине Октября — лучших ударников в партию.

Мы предлагаем... 15) Терелейна Василя, пристрельщика, удмурта, участника гражданской войны, контуженного... Повысил свой пропуск до двухсот десяти винтовок в день. Принятое предложение его об изменении уклона зеркал прицельного дальномера дало заводу экономию...»

* * *

Вот он твердо ступает, тщедушный вотский зверек, в котором человека выковал Октябрь. Улыбаясь, идет он в октябрьской колонне с плечом, подпертым братским плечом, по гладко мощеным улицам столицы свободной Вотляндии— нового Ижевска. Идет мимо четырехэтажной громады клуба металлистов, высящегося на том самом месте, где брал он когда-то баррикаду белых.

Идет под октябрьскими знаменами...

СОДЕРЖАНИЕ

Б. БАЖАНОВ

ШАПКА-НЕВИДИМКА

Фантастический рассказ

5

С. ЗУБОВ

СЫВОРОТКА БЕССМЕРТИЯ

Фантастический рассказ

29

И. ИВАНОВИЧ

СОЗВЕЗДИЕ «ДЫМТРЕСТА»

Юмореска

53

А. ЗАРИН (К. ДЖИНГЛЬ)

ОПЛОШНОСТЬ

Фантастический рассказ

61

Г. ЮРЬЕВ

КРАСНЫЙ МАРС.

(Рассказ пока фантастический)

87

Ф.В. ФЕРЕНЦ-СОКОЛОВСКИЙ

ЗВЕЗДЫ – РОЗЫ... ЗВЕЗДЫ – МАКИ...

НА КРЫЛЬЯХ ГЕЛИЯ

Стихотворения

98

Ф.В. ФЕРЕНЦ-СОКОЛОВСКИЙ

ДИРИЖАБЛЬ НЕ – 4

Фантастический рассказ

99

В. КУМАЧ

ЯРМАРКА БЛИЖАЙШЕГО БУДУЩЕГО

Фантастическая юмореска

108

М.КОРГАНОВА

ОСТРОВ СИРЕН

Рассказ

109

Р.ОНЦЕВЕР (ЮРИЙ КУРОЧКИН)

КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ

Фантастическая повесть

117

А. ПИЛЬЧЕВСКИЙ

АШХАН БЫЛ ПРАВ

Фантастический рассказ

149

А. ПИЛЬЧЕВСКИЙ

СТЕНА - НЕВИДИМКА

Научно-фантастический очерк

165

А. ВЛАДИМИРОВ

ВОЙНА

Фантастический рассказ

177

С. БАРТЕНЕВ

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО, НО ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ

Фантастический очерк

197

К. КАЙТАНОВ

ПРЫЖОК с 25 000 метров (1941 год)

Фантастический рассказ

217

Н. Г.

МОГУЩЕСТВО ЧЕЛОВЕКА ПОСЛЕЗАВТРА

Фантастический очерк

229

М. КОВЛЕВ

СТЕПЬ ПРОБУЖДАЕТСЯ

Рассказ

241

М. КОВЛЕВ

НА ЗАВОДСКОЙ ТРУБЕ

Рассказ

273

М. КОВЛЕВ

ЕГО КОВАЛ ОКТЯБРЬ

Рассказ

292

Огромная благодарность фантлабовцам, особенно
Arnoldsco, laapooder, slovaro6, fortunato, hlynin,
malshin, Geographer , levch и всем основателям и
участникам темы «Фантастический раритет». Без
вас эта книга не состоялась бы...

Низкий поклон **levch** за логотип и обложку, а также
за неоценимую помощь

